

**ИЗДАТЕЛЬ И УЧРЕДИТЕЛЬ
НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЕЛОВОГО И
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ В СФЕРЕ БИЗНЕСА**

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

**ВОПРОСЫ
ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

Выпуск 4 (44)

Москва

2021

Издатель и учредитель:

«Некоммерческое партнерство «Национальное Объединение
Преподавателей Иностранных Языков Делового и Профессионального
Общшения в сфере бизнеса», созданное при поддержке РУДН
Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

- Малюга Е.Н.*, академик РАЕН, доктор филологических наук,
профессор (ответственный редактор, Москва, РУДН),
Бауэр Карин, доктор, профессор (Канада, университет Макгилла),
Битти Кен, доктор, профессор (США, Университет Анахайм)
Доллерун Кай, доктор, профессор (Дания, Копенгагенский ун-т),
Клюканов И.Э., доктор филологических наук, профессор (США, Восточно-Вашингтонский
университет)
Круглов Алекс, доктор филологических наук, профессор (Великобритания, Университетский
колледж Лондона),
О’Дауд Роберт, доктор, профессор (Испания, Леонский университет),
Томалин Барри, профессор (Великобритания, Лондонская дипломатическая академия),
Ханзен Фолькмар, доктор, профессор (Германия, ун-т Дюссельдорфа),
Александрова О.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Волкова З.Н., доктор филологических наук, профессор (Москва, УРАО),
Дмитренко Т.А., академик МАНПО, доктор педагогических наук, профессор (Москва, МПГУ),
Лебедева И.С., кандидат филологических наук, доцент (Москва, МГЛУ),
Михеева Н.Ф., академик МАН ВШ, доктор филологических наук, профессор (Москва, РУДН),
Назарова Т.Б., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Пономаренко Е.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО
(Университет) МИД России)
Радченко О.А., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГЛУ),
Харьковская А.А., кандидат филологических наук, профессор (Самара, СамГУ),
Храмченко Д.С., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО (Университет) МИД
России),
Шевлякова Д.А., доктор культурологии, профессор (Москва, МГУ).

Материалы посвящены актуальным проблемам преподавания иностранного языка делового общения, современным тенденциям профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, использованию новых информационных технологий в учебном процессе, стратегиям обучения переводу в неязыковом ВУЗе, актуальным проблемам современной лингвистики. Тексты материалов печатаются в авторской редакции. Журнал индексируется ВАК, РИНЦ, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals, Crossref, EBSCO.

Некоммерческое партнерство НОПДиПО создано при поддержке РУДН.

2306-1286 (Print)
2541-7614 (Online)
<https://doi.org/10.25076/vpl.44>

© Российский университет дружбы народов,
Издательство, 2021
© Коллектив авторов, 2021

**PUBLISHER AND FOUNDER
THE BUSINESS AND VOCATIONAL FOREIGN LANGUAGES TEACHERS
NATIONAL ASSOCIATION**

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

**ISSUES
OF APPLIED
LINGUISTICS**

Issue 4 (44)

Moscow

2021

Publisher and founder:

Non-profit organization “The Business and Vocational Foreign Languages Teachers National Association” created with the support of RUDN University

Address: 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya, 6

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Malyuga E.N., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof.

(Editor-in-chief. Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia),

Bauer Karin PhD Prof. (Canada, University McGill),

Beatty Ken Prof. Dr. (USA, Anaheim University)

Dollerup Cay PhD Prof. (Denmark, University of Copenhagen),

Klyukanov Igor Prof. (USA, Eastern Washington University),

Krouglov Alex, Prof. Dr. (Great Britain, University College London),

O’Dowd Robert Prof. Dr. (Spain, University of León)

Tomalin Barry Prof. (Great Britain, London Academy of Diplomacy),

Hansen Volkmar Prof. Dr. (Germany, University of Duesseldorf),

Alexandrova O.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology,

Prof. (Moscow, Moscow State University),

Volkova Z.N., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, University of Russian Academy of Education),

Dmitrenko T.A., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of Pedagogy, Prof. (Moscow, Moscow State Pedagogical University),

Lebedeva I.S., Cand. of Sc. (Philology), Assoc. Prof. (Moscow State Linguistic University)

Mikheeva N.F., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia),

Nazarova T.B., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State University),

Ponomarenko E.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),

Radchenko O.A., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State Linguistic University),

Kharkovskaya A.A., Cand. of Sc. (Philology), Prof. (Samara, Samara State University),

Khramchenko D.S., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),

Shevlyakova D.A., Dr., Prof. (Moscow, Moscow State University).

The Journal is indexed by Higher Attestation Commission, Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals, Crossref, EBSCO.

The non-profit partnership BVFLTNA was created with the support of RUDN University.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>ТАРИЕВА Л.У.</i> Условия локализации лица говорящего в нахском языке	7
<i>ТАРМАЕВА В.И., НАРЧУК В.С.</i> Технология формирования толерантности / интолерантности на страницах в социальных сетях, посвященных смешанным единоборствам	29
<i>ШВЕДОВА И.В.</i> Функционирование предлогов в немецком, голландском и русском языках (на примере предлогов in, an и bei)	53
<i>МАЛАХОВА В.Л.</i> Специфика логико-семантических отношений английского дискурса	76
<i>УСТИНОВА Т.В.</i> Новый взгляд на лекционный метод в подготовке преподавателей иностранного языка	96
<i>РАДЮК А.В., КОЛЕСНИКОВА Л.С.</i> Речевые портреты Д. Трампа и Б. Джонсона: коммуникативные стратегии политических лидеров	118

CONTENTS

Scientific articles

<i>TARIEVA L.U.</i> Conditions for the face of the speaker in the Nakh language	7
<i>TARMAEVA V.I., NARCHUK V.S.</i> Communication in social networks through formation of tolerance	29
<i>SHVEDOVA I.V.</i> Functioning of prepositions in German, Dutch and Russian (by the example of the prepositions in, an and bei)	53
<i>MALAKHOVA V.L.</i> Specificity of English discourse logico-semantic relations	76
<i>USTINOVA T. V.</i> Reconceptualising the lecture method in language teacher education	96
<i>RADYUK A.V., KOLESNIKOVA L.S.</i> Speech portraits of D. Trump and B. Johnson: communicative strategies of political leaders	118

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 81.11

<https://doi.org/10.25076/vpl.44.01>

Л.У. Тариева

Ингушский государственный университет

УСЛОВИЯ ЛОКАЛИЗАЦИИ ЛИЦА ГОВОРЯЩЕГО В НАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель статьи состоит в необходимости интерпретации исходного способа локализации эгоцентрических компонентов парадигмы лица (речевых и аффективных лиц) в лингвопрагматической установке эргативного языка и в анализе структурной организации этой установки. Ныне существующая система ориентационных значений и значений перемещения может быть дополнена исследованием прагматической ситуации, в которой изначально локализовалось лицо Говорящее эргативного языка. Научная новизна избранной темы состоит в том, что прототипическая лингвопрагматическая установка должна быть исследована в любом естественном языке с точки зрения пресуппозитивного размещения в ней речедеятеля. Речевой эгоцентрик лицо Говорящее как эгоцентрическая категория закреплен за языковым знаком личным местоимением первого лица ед. числа в номинативном падеже имени в языках различных стратегий. На более глубинном (понятийном) уровне лицо Говорящее в номинативном и эргативном языках представляет одинакового антропоцентрика, или логического субъекта. Интерес представляет тот факт, что в эргативных языках (языках одного ареала с русским языком) два речевых лица, выраженных различными личными местоимениями первого лица ед. числа, а в номинативных – только одно. Одно речевое лицо (Говорящее) со статусом первое номинативного языка размещается в единой прототипической лингвопрагматической ситуации. Два речевых лица (Говорящее и Произносящее) со статусом первое эргативных языков располагаются в двух различных пресуппозитивных прагматических установках. Результаты, полученные посредством исследования условий

локализации лиц парадигмы нахского языка, должны обосновать запуск механизма ориентационных значений и значений перемещения, непосредственно зависящих от прототипических условий локализации локутора.

Ключевые слова: лингвопрагматическая установка; компоненты установки; лица парадигмы; речевые лица, аффективные лица; условия локализации; воссар 'локализация'; дIа-хъа 'ориентация'; хъар 'движение'.

UDC 81.11

<https://doi.org/10.25076/vpl.44.01>

L.U. Tarieva

Ingush State University

CONDITIONS FOR THE FACE OF THE SPEAKER IN THE NAKH LANGUAGE

The purpose of the article is to interpret the initial method of localizing the egocentric components of the facial paradigm (speech and affective persons) in the linguo-pragmatic attitude of the ergative language and in the analysis of the structural organization of this attitude. The currently existing system of orientational meanings and meanings of displacement can be supplemented by the study of the pragmatic situation in which the speaker of the ergative language was originally localized. The scientific novelty of the chosen topic lies in the fact that the prototypical linguo-pragmatic attitude must be investigated in any natural language from the point of view of the presuppositive placement of the speaker in it. Speech egocentric person Speaking as an egocentric category is assigned to a linguistic sign by the personal pronoun of the first person unit. numbers in the nominative case of a name in languages of various strategies. At a deeper (conceptual) level, the person speaking in the nominative and ergative languages represents the same anthropocentric, or logical subject. Of interest is the fact that in ergative languages (languages of the same area with the Russian language), two speech faces, expressed by different personal pronouns of the first person sing. numbers, and in the nominative - only one. One speech person (Speaker) with the status of the first nominative language is placed in a single prototypical

linguopragmatic situation. Two speech persons (Speaker and Utterer) with the status of the first of ergative languages are located in two different presupposive pragmatic attitudes. The results obtained by studying the conditions of localization of persons in the paradigm of the Nakh language should justify the launch of the mechanism of orientation values and displacement values that directly depend on the prototypical conditions of localization of the locator.

Keywords: linguistic pragmatic attitude, installation components, the face of the paradigm, speech persons, affective persons, localization conditions, vosar 'localization', dla-hya "orientation", hjar "movement"

Введение

В естественных языках наряду с грамматическими падежами выделяются и местные падежи, связанные с локализацией лица Говорящего. Проблема исследования локативных значений северокавказских языков была и остается одной из важных, не до конца разработанных проблем эргативных языков (языков билингвального ареала). Речь, представляющая стратегически различные языки, прагматична и реализуется в хронотопе (местовремени), поэтому должна быть исследована прототипическая прагматическая ситуация, в которой пресуппозитивно заявлен Говорящий.

Материалы и методы

Актуальность избранной для анализа темы, заключается и в том, что запуск механизма локализации в эргативном языке, связанный с пресуппозитивной лингвопрагматической ситуацией, в которой «в origo 'в начале'» размещен Говорящий (Тариева, 2017, с. 111-115), не исследован с точки зрения прототипической локации.

Наборы локативных значений, которые Е.А. Кибрик выделил в качестве исходных для восточнокавказских дагестанских языков: ориентирующие и двигательные значения (Кибрик, 1970, с. 14), на наш взгляд, должны быть дополнены релевантными для эргативных языков прототипическими эссивными значениями, связанными с точкой локации эгоцентрических лиц парадигмы со статусом первые (Тариева, 2017, с.140).

Основная задача статьи заключается в интерпретации

структуры и условий локализации расслоено представленного лица парадигмы (Говорящего, распознаваемого Созерцающим и Произносящего, узнаваемого лицом Слышащим) в точке *a* 'пространства', в которой лицо «впервые» обнаруживается.

Основным методом исследования размещения лиц парадигмы в точке их пресуппозитивной локации является антропоцентрический, связанный с лингвоцентрическим, применяется также описательный способ и техника компонентного анализа.

Пресуппозитивная точка локации лица Говорящего должна быть всесторонне (структурно и содержательно, а также на глубинном семантическом и глубинном антропоцентрическом уровнях) интерпретирована как необходимое условие для запуска механизма ориентационных и двигательных значений.

Теоретической базой исследования локализации лица явились труды отдельных лингвистов отечественного языкознания, прямо или опосредованно связанные с понятиями ориентации и перемещения (А.Е. Кибрик (1970, 2005), Г.А. Климов (1983, 1974), Е.А. Бокарев (1948), Я.Г. Тестелец, В.А. Плунгян (1999, 2010), Е.В. Падучевой (2017,) и др.), включая и работы нахovedов (Л.У. Тариева (2017, 2020, 2021), Н.Ф. Яковлев (2000) и др.), которые связывали эти отношения с именными группами.

Практическая значимость исследования прототипических условий локализации лиц парадигмы заключается в том, что по грамматическому падежу, представляющему одно из лиц со статусом первое, возможно определить его место в такой эссивной точке, как прототипическая лингвопрагматическая ситуация эргативного языка. Таким образом возможно проследить поступательность в представлении локативных, ориентационных и двигательных значений в эргативном языке в его сопоставлении с номинативным.

Результаты и обсуждение

Я.Г. Тестелец указывал на тот факт, что разработанная Е. А. Кибриком система значений является настолько универсальной, что до настоящего времени не нуждается в существенных поправках (только к «ориентирующим значениям», пишет автор, мы бы добавили «в полном контакте с ориентиром» и «в типичном положении относительно ориентира») (Тестелец.

Рукопись).

Е.А. Кибрик, исследовавший падежи с пространственным значением и способы их структурной организации в 23 дагестанских языках, указал на «два множества морфем из которых одно выражает ориентирующее, а второе – двигательное значение» (Кибрик, 1970, с. 113). Чтобы запустить механизм выделения значений, указанных автором, в нахском языке, на наш взгляд, прежде всего, необходимо исследование и обоснование механизма локализации лица Говорящего, как эвиденциально представленного эгоцентрического компонента парадигмы лица (Тариева, 2017, с. 137-140). Возможность аргументирования механизма размещения лица Говорящего эргативных языков в эссивной точке *a* 'пространства' увязывается нами с тезисом В.А. Плунгяна о том, что «Системы локализации в естественных языках весьма разнообразны и могут выражать очень тонкие различия...» (Плунгян, 2010, с. 175).

Лицо Говорящее, как эгоцентрик представляющее *со* 'эго' в прототипической прагматической ситуации, относится к речевому лицу парадигмы *vs.* другому речевому эгоцентрику лицу Произносящему (инг. *аз* 'эго'), Локализация компонентов парадигмы лица (Тариева, 2017, с. 39; Тариева, 2017, с. 140-141), знаковых, на наш взгляд, и для нахско-дагестанских языков, есть основное исходное условие для запуска механизма ориентирующих и двигательных значений эргативных языков.

В эргативном языке локативная (локализирующая) область знания представлена специфическими аффиксами. Аффиксы с локативной семантикой ингушского языка исторически обусловлены базовой категорией, отраженной в данном нахском языке в лексеме *со* знаковым значением *a* 'пространство' (и в наречии: *a* 'в пространстве'). Пространство в ингушском языке обозначается так же, как в шумерском долгим звуком [ā] (сравните: инг. сущ. *ā* 'пространство', нареч. *ā* 'в пространстве' и шумерское: «=áa, á, áka, ám: ... (пространство, длина, ...)» (Гудава). Автономное слово ингушского языка *a* 'пространство' (нареч. *a* 'в пространстве') исторически экстрагировало в аффиксоид (Тариева, 2017, с. 154-159), и трансформировалось в союзное средство *a* 'и' (Тариева, 2020, с. 235, 237, 248).

Понятие *a* 'пространство' как сущностная категория

когнитивно маркируется ингушским сознанием в качестве релевантной, прежде всего, потому, что размещенным в нем обнаруживает (осознает) себя в *origo* 'в начале' расслоено представленное речевое лицо Говорящее:

1. *Со-в-а-хланз* 'Я мужчина в пространстве теперь' vs. *Со-й-а-хланз* 'Я женщина в пространстве теперь' (чеч. *Со в у хлинц* 'Я мужчина тут теперь' vs. *Со й у хлинц* 'Я женщина тут теперь').

2. *У-кх-аз-а-хланз* 'Тут еще я в пространстве теперь' (чеч. *Кх-у-за* 'Еще тут я', бацб. *Окхус* 'Он (этот) еще тут').

В русском номинативном языке двум пресуппозитивным лингвопрагматическим установкам эргативного ингушского языка противопоставлена одна ситуация, в центре которой локализуется нерасслоенно представленная функция лица Говорящего:

3. *Я-здесь-сейчас*.

Прототипическая прагматическая установка западных номинативных языков, исследованная Дж. Лайонзом, кодирует локализованное во времени и пространстве лицо Говорящее в диалогическом режиме (Лайонз, 1978, с. 636-637, 647), когда в одной ситуации присутствует локутор (Говорящий и Слушающий). В ингушском языке лингвопрагматическая ситуация (примеры 1-2) кодирует различные первые лица (*со* 'я' и *аз* 'я'), названные нами речевыми, исходя из их функции на различных уровнях структуры этого языка. Каждое из речевых лиц: номинативное (инг. *со* 'я') и эргативное (инг. *аз* 'я') размещается в своей персональной установке с закадровыми аффективными лицами, кореферентными речевым лицам (Тариева, 2017, с. 17-19).

Лингвопрагматические установки языков различных стратегий (примеры 1-3) кодируют эгоцентрическое лицо Говорящее, морфологически одинаково представленное, например, в ингушском и русском языках личным местоимением первого лица единственного числа (рус. *я* 'эго', инг. *со* 'эго') в номинативной форме имени. На глубинном уровне эгоцентрик лицо Говорящее обоих языков (рус. *я*, инг. 'со') экспонирует логического субъекта *кхета саг* 'человека понимающего' (Тариева, 2020, с. 16).

Однако в эргативном ингушском языке функциональны две лингвопрагматические ситуации, пресуппозитивно локализирующие разных эгоцентриков парадигмы лица, претендующих на статус первого лица. Если в первой ситуации (пример 1) это лицо

Говорящее (*со* 'я'), реализующее антропоцентрическую категорию *кхета саг* 'человека разумного', то во второй – лицо Произносящее (*аз* 'я'), реализующее глубинную понятийную категорию *сакхета саг* 'человека-духа' (пример 2). Не случайно Н.Ф. Яковлев, исследуя синтаксис ингушского языка, акцентирует внимание на двух видах предложения как основных (указывая и на наличие аффективной конструкции) (Яковлев, с.78). Квалификация выделенных автором предложений в качестве ядерных непосредственно связана с локализацией лиц парадигмы, введенных нами в обиход лингвистического исследования (Тариева, 2017).

Локализация лица Говорящего в эссивной точке *а* 'в пространстве' (пример 1) обнаруживается благодаря запуску механизма фрейма интенциональности лица Созерцающего (Тариева, 2021, с. 357-358), располагающегося «за спиной» лица Говорящего. Запуск механизма фрейма интенциональности Созерцающего эгоцентрика, в финали своей интенции вскрывающего функцию лица Говорящего, возможен только благодаря пресуппозитивной функции *сакхета саг* 'человека-духа', локализованного во второй установке (пример 2).

Антропоцентрический подход к исследованию языковых единиц, сменивший структуралистический аспект описания языка, позволяет нам по-иному взглянуть не только на локализацию лица Говорящего в языках различных стратегий, но и на «признак-координат эргативности», о котором писал Г.А. Климов (Климов, 1974, с. 7).

Шаг в направлении антропоцентрического объяснения функции языковых единиц в свое время был сделан, в частности, в работе Ч. Филлмора, введшего понятие «глубинный падеж» (Филмор, 1968), очевидно, как «попытку» семантического (понятийного) толкования падежа.

Организация глагольной лексики ингушского языка корпусная: глагол магистральной валентностью кодирует одно из лиц парадигмы, претендующее на позицию подлежащего в составе предложения. Положение лица парадигмы, тесно связанного с глаголом, здесь согласуется с тезисом Г.А. Климова о важности «самого лексемного качества организующего их глагола» и «принципов структурной организации глагольной лексики»

(Климов, 1974, с. 7-8).

Глагольная лексика ингушского языка устроена таким образом, что в зависимости от характера эгоцентрического компонента парадигмы, на правах первой валентности занимающего нишу в семантической структуре глагола, происходит дистрибуция глаголов по различным корпусам (Тариева, 2017, с. 151, 191). Распределение ингушских глаголов по отдельным группам тесно связано с локализацией лица, обуславливающей модель предложения «динамического мира» (Плунгян, 1999).

Если речевое лицо парадигмы ингушского языка локализуется в *a* 'в пространстве' (пример 1), то свойство глагольной формы, подконтрольное магистральному актанту, локализуется в *-ча* 'в ограниченном (сегментированном) пространстве'. Наречие *ча* исторически грамматикализовалось и стало выполнять функцию аффиксоида *-ча* (Тариева, 2012, с. 65).

Исследование прототипической прагматической ситуации, в которой локализовалось речевое и аффективное лица эргативных языков, должно вскрыть, каким образом локализовавшееся лицо парадигмы обнаружено закадровым лицом Созерцающим, наряду с *a* 'пространством', воспринимаемым как фон размещения речевого лица.

Область локализации лица Говорящего эргативного ингушского и номинативного русского языков идентична тем, что представлена лексемой одного порядка (инг. *a* 'в пространстве' и рус. *здесь*).

Разница между ингушским *a* 'в пространстве' и русским *здесь* заключается в мотивированности / немотивированности локализуемого компонента лингвопрагматической ситуации (пример 3): русское *здесь*, в отличие от ингушского в *a* 'в пространстве', является исторически производным словом.

Наречие места *здесь* состоит, как нам представляется, из двух частей: *зде* 'в данном месте, тут' (vs. *езде*, т.е. повсюду) и возвратной частицы *сь* 'се'. Частица *сь* исторически возникла из автономного слова: возвратного местоимения *се* 'сам', содержащего в себе редуцированный звук *c[b]* 'ерь' (сравните со старославянским: *се аз есмь* 'сам я (дух) есть'). Получается, что в одной пресуппозитивной лингвопрагматической ситуации русского языка (пример 3) локализованы две формы лица (ист. **Я-**

зде-се-сей-час 'Я тут сам в этот час'): говорящее я 'со' и возвратное се 'сам' (из старослав. *се аз* есмь 'сам я дух есть').

Темпоральный компонент русской установки *сейчас*, соответствующий ингушскому *xlanz* 'теперь' (пример 1), также является производным, состоящим из двух языковых знаков *сей* 'этот' и *час* (время), т.е. в данный момент настоящего времени.

Ингушская бинарная установка (пример 1) представлена чрездефисным написанием в силу того, что исторически выступает как знаковое высказывание (слово-предложение) сильносинтетического строя, предшествовавшего современному эргативному ингушскому языку. В центре этого слова-предложения располагается лицо Говорящее на фоне *a* 'пространства'. В пределах предшествующего строя прототипическая прагматическая ситуация (пример 1, 2) представляла собой блок-мысль, который распался на отдельные языковые единицы в условиях перехода ингушского языка в область последующего эргативного строя.

Локализация лица Говорящего в языках различных стратегий в лингвопрагматической ситуации (пример 1, 3) невозможна без запуска механизма функции другого логического субъекта – ощущающего антропоцентрика (инг. *хоалу саг* 'homo sentiens', т.е. человека чувствующе-воспринимающего).

Обнаружение лица Говорящего ингушского языка, локализованного на фоне *a* 'пространства', в принципе, производится эгоцентрическим «лицом Созерцающим» (сравните с рус. Наблюдателем, интерпретированным Е.В. Падучевой) (Падучева, 2000), являющимся одним из операторов *хоалу саг* 'homo sentiens' (Тариева, 2017, с. 359).

Мыслительная функция лица Созерцающего (или Наблюдателя), в финале своего фрейма интенциональности обнаруживающего речевое лицо Говорящее и фон (*a* 'пространство'), в котором это речевое лицо размещено, запускается «бессознательно» в силу постулированности этой функции (Тариева, 2017, с. 61-62).

Основным условием запуска механизма интенции лица Созерцающего (оператора с эвиденциальной функцией), кореферентного Наблюдателю в русском языке, является подключение к нему функции *сакхета саг* 'человека-духа'. Без

запуска функции логического субъекта *сакхета саг* 'человека-духа', прототипически представленного в ингушском языке эргативной формой имени (*аз* 'я'), в принципе невозможна сама локализация лица Говорящего в эссивной точке *а* 'пространства' (пример 1).

Эгоцентрическое лицо Созерцающее, наблюдающее локализацию лица Говорящего и фон его размещения (пример 1), квалифицировано нами в качестве одного из модальных операторов понятийной категории: антропоцентрика постулированной семантики *хоалу саг* 'человека чувствующего' (Тариева, 2017, с. 304).

Два речевых лица (Говорящее и Произносящее), за кадром которых стоят два аффективных (Созерцающее и Слышащее), на наш взгляд, могут быть квалифицированы в терминах А.Е. Кибрика в качестве универсальной семантической сущности, отображающейся «в формальной структуре всякого естественного языка и которая является «входом» для правил, ведающих построением «базисных синтаксических структур» (Кибрик, 2005, с. 183). Базисные синтаксические структуры ингушского нахского языка непосредственно зависят от функции четырех эгоцентрических компонентов парадигмы лица, на глубинном (понятийном) уровне представляющих трех антропоцентриков, локализовавшихся в пресуппозитивной лингвопрагматической установке (Тариева, 2020, с. 14-16).

Модальный оператор лицо Созерцающее, способный мыслительно во фрейме своей интенциональности наблюдать *воссар* 'локализацию' лица Говорящего (*со* 'я') в *а* 'в пространстве', расположен за кадром лица Говорящего. Выходит, что за локализацией лица Говорящего в лингвопрагматической ситуации (пример 1) «спрятано» еще одно лицо – Созерцающее, способное эвиденциально распознавать речевое лицо, диахронически отраженное в первой лингвопрагматической ситуации. Оба лица эгоцентричны в ингушском языке, и они претендуют на статус первого лица в составе высказывания.

Грамматически антропоцентрик *хоалу саг* 'homo sentiens' со всеми своими операторами (в нашем случае – это лицо Созерцающее), представлен в ингушском языке местоимением первого лица единственного числа в аффективной (инг. *сона* 'я',

‘мне’) форме имени (Тариева, 2017, с. 305-307).

В русском языке статус локутора формально-содержательно и грамматически отличен от позиции Наблюдателя в составе предложения (Падучева 2017, Тариева, 2017, с. 16, 18, 25).

Отношения, складывающиеся между эгоцентриками ингушского языка: лицом Говорящим и лицом Созерцающим, выглядывающим из-за его кадра, на наш взгляд, можно охарактеризовать тезисом Я.Г. Тестельца «в полном контакте с ориентиром» (Тестелец, Рукопись), т.е. с локализовавшимися речевыми лицами первой и второй установки (пример 1-2). Отношения, складывающиеся между лицом Созерцающим и *a* ‘пространством’, эвиденциально воспринимаемым модальным оператором в качестве фона размещения лица Говорящего, могут быть квалифицированы и в терминах Я.Г. Тестельца как типичное положение ориентира в пространстве (Тестелец, Рукопись), точнее говоря: в эссивной точке *a* ‘пространства’ (пример 1). Релевантность лексемы *a* ‘пространство’ заключается в том, что данное слово исторически (после выхода ингушского языка из состояния сильного синтетизма), экстрагировав в аффиксоид, еще и в качестве морфоида, участвует в генерации нефинитных форм глаголов (Тариева, 2017, с.154-165).

Лицо Созерцающее с закадровой позицией, эвиденциально воспринимающее лицо Говорящее в первой бинарной прагматической ситуации (см. обе части первого примера), как эгоцентрик постулированной семантики, способно направлять «объектив» своего чувственного восприятия в разные стороны, находясь за кадром лица Говорящего, или в полном контакте с ориентиром.

Функция созерцания в ингушском языке осуществляется одним, расслоено представленным локализующимся лицом Говорящим, удачно совмещенным с функцией лица Произносящего, распознаваемого лицом Слышащим. За неоднозначными функциями лица стоят разные логические субъекты (антропоцентрики: *кхета саг* ‘homo sapiens’ vs. *хоалу саг* ‘homo sentiens’, т.е. человек ощущающий vs. *сакхета саг* ‘homo spiritus’). Локализация логического субъекта (трех антропоцентриков) как понятийной категории отражается в ингушском предложении в качестве предикативного имени

(подлежащего).

Объектив лица Созерцающего (эвиденциального оператора *хоалу саг* 'homo sentiens'), очевидно воспринимающего реалии действительности, способствует ориентации, т.е. направленности взора локализовавшегося лица Говорящего (*кхета саг* 'человека разумного') из эссивной точки *a* 'пространства' во все стороны и вокруг своей точки локации.

Разница между ориентацией «объектива» (т.е. векторным разворотом лица Созерцающего в качестве одного из операторов антропоцентрика *хоалу саг* 'homo sentiens' в ту или иную сторону пространства) и перемещением лица Говорящего по заданной ориентации такого же характера, как разница между глаголами *хъежа* 'смотреть' (направлять взор: *Со (НОМ) лакхе хъеж* 'Я вверх смотрю') и *го* 'видеть' (воспринимать очевидное: *Сона (АФФ) гу сердало* 'Я вижу свет').

А.Е. Кибрик, обозначая пучки двигательных значений, «указывает на направленность движения относительно ориентира» (Кибрик, 1970, с. 113). Точкой отсчета механизма *хъар* 'движения, перемещения' (инг. *хъа* 'двинуться, шевельнуться') в ингушском нахском языке является лингвопрагматическая установка локализации лица Говорящего в *a* 'в пространстве' (примеры 1-2). Функция же ориентации принадлежит чувствующему антропоцентрику – лицу Созерцающему, способному эвиденциально распознать параметры размещения локализуемого лица Говорящего.

Позиция антропоцентрика *хоалу саг* 'чувственно-воспринимающего человека' закадровая, но располагается он в той же эссивной точке *a* 'пространства', что и речевое лицо Говорящее, локализованное в пресуппозитивной лингвопрагматической ситуации (Тариева, 2017, с. 105-109).

Из этой установки: из-за кадра лица Говорящего, *хоалу саг* 'ощущающий человек' посредством своего оператора лица Созерцающего (или Наблюдателя в русском языке), направляет, ориентирует возможное движение речевого эгоцентрика, локализовавшегося на фоне *a* 'пространства' (пример 1-3).

Эгоцентрическое лицо Созерцающее прежде, чем перейти к ориентированию, т.е. эвиденциальному обоснованию направления *хъар* 'движения' лица Говорящего, фиксирует как

постулированное явление:

- 1) *лув юхь* 'лицо Говорящее';
- 2) *воссар* 'эссивную позицию локутора в точке *a* 'пространства' (пример 1);
- 3) *a* 'пространство' как фон размещения артикулирующего лица.

Лицо Созерцающее как мыслительная категория (или модальный оператор) из той же эссивной точки, в которой разместилось лицо Говорящее, только из закадровой (мыслительной) позиции, воспринимает параметры его размещения, задаваемые *a* 'пространством'. Я.Г. Тестелец, исследуя дагестанские языки, называет их «областями локализации» (Тестелец. Рукопись). Области локализации указывают на параметры локации речевого лица в точке «а-пространства», но обнаруживаются они эгоцентриком лицом Созерцающим, наблюдающим за локализацией основного эгоцентрика из объектива своего восприятия.

Эгоцентрическое лицо Созерцающее, как оператор антропоцентрика *хоалу саг* 'homo sentiens' (т.е. человека ощущающе-воспринимающего), представленное лингвоцентрическим знаком в аффективной форме имени (*сона* 'я'), эвиденциально ориентируя лицо Говорящее в *a* 'в пространстве', логически верно сочетается в структуре ингушского языка с послелогом, делящимися на две группы, первая из которых представляет основные параметры размещения речевого лица в эссивной точке (инг. *со волча* 'в ограниченном месте, где я есть'):

4. *Сона (AFF) т1а (SUPER)* 'Надо мной';
5. *Сона (AFF) к1ал (SUB)* 'Подо мной в тесном прикосновении';
6. *Сона (AFF) хьалха (ANTE)* 'перед ориентиром Передо мной';
7. *Сона (AFF) т1ехьа (POST)* 'За мной';
8. *Сона юхе (APUD)* 'рядом, около, без контакта с ориентиром';
9. *Сона йисте (CONT)* 'полном контакте с ориентиром';
10. *Сона улув (AD)* 'сбоку от меня';
11. *Сона (AFF) чу (IN)* 'Внутри меня'.

Примеры показывают, что основных послелогов, или граммем локализации в ингушском языке исчислимое количество, однако их полный ряд в разы больше. В свое время А.Е. Кибрик, исследуя локативные отношения дагестанских языков,

сосредоточивал внимание на содержательной стороне послелогов (Кибрик, 2070). Лексическое значение послелогов ингушского нахского языка, отождествляемых с наречиями в зависимости от позиции в составе предложения, и от отношения к компонентам предикации, онтогенетически связано с категорией движения.

Выделение параметров размещения шифтерно представленного лица указывает на функцию лица Созерцающего, способного сориентировать речевое лицо в *a* 'пространстве' (пример 1-2) и *y* 'тут' (пример 2).

Каждый из приведенных послелогов (кроме примеров 8-10) валентен аффиксиду с семантикой движения (*-хьа/ -хьа-*), возникшему непосредственно от автономного глагола движения (инг. *хьа* 'двинуться, шевельнуться'), например:

12. *Сона (AFF) чухьа* 'Внутри меня, где есть место, чтобы *хьа* 'двинуться' и

13. *Сона чухьанахьа* 'Внутри меня, где можно двинуться (черта, граница *-на*), за которой есть еще место переместиться'.

Такие морфемы-аффиксоиды как *-хьа* обуславливают возникновение в языке нелокативных значений местных падежей (Бокарев, 1948). Послелогии ингушского нахского языка не просто обозначают параметры размещения основного эгоцентрика парадигмы, эвиденциально очерчиваемые лицом Созерцающим. Содержательно послелогии указывают на направление возможного движения локализовавшегося лица Говорящего (*vs.* другому речевому лицу Произносящему).

Разместившиеся в двух лингвопрагматических установках четыре лица парадигмы, свойственные эргативным языкам, неоднозначно представлены на различных уровнях структуры ингушского языка.

Лица парадигмы данного нахского языка, локализовавшиеся в эссивной точке «а-пространства» как эгоцентрические компоненты семантически отображаются в трех личных местоимениях первого лица ед. числа (инг. *со* 'я', *аз* 'я', *сона* 'я'). За каждым из этих лингвоцентрических знаков закреплён отдельный эгоцентрик как семантическая категория. За личным местоимением первого лица ед. ч. в номинативной форме имени *со* 'я' в русской и ингушской лингвопрагматической ситуациях (пример 1 и 3) стоит лицо Говорящее, выступающее в качестве

его лексического значения. За личным местоимением первого лица ед.ч. в эргативной форме имени *аз* 'я' закреплено лицо Произносящее, как лексическое значение другого личного местоимения первого лица.

За личным местоимением первого лица ед.ч. в аффективной форме имени *сона* 'я' закреплено лицо Созерцающее (и/ или Слышащее) в качестве лексического значения этой формы имени.

Аффективные лица (Созерцающее, Слышащее) представляют на глубинном семантическом уровне разных эгоцентриков (т.е. их лексическое значение разное). Эгоцентрическая неоднородность аффективных лиц парадигмы (Созерцающего и Слышащего) не делает их антропоцентрически разными. На глубинном понятийном уровне эти лица экспонируют одного общего антропоцентрика: *хоалу саг* 'homo sentiens', т.е. человека чувствующее-воспринимающего, поэтому в структуре ингушского языка эти два различных эгоцентрика представлены одинаковым языковым знаком (*сона* 'я').

Выводы

Исследованное в статье размещение лиц парадигмы в прототипических лингвопрагматических установках (примеры 1-3) относится к недостающему исходному звену в цепи: локализация-ориентация-перемещение. Характер лингвопрагматической установки номинативного русского и эргативного ингушского языков различный. Ингушская состоит из двух прагматических ситуаций (примеры 1-2), первая из которых классическая номинативная, совпадает с русской:

- 1) лингвоцентрически (*со* 'я'),
- 2) эгоцентрически (лицо Говорящее),
- 3) антропоцентрически (*кхета саг* 'homo sapiens', т.е. человек разумный).

Вторая установка (пример 2), кодирующая лицо Произносящее (*аз* 'я'), свойственная только языкам эргативной стратегии, экспонирует:

- 1) лингвоцентрически (*аз* 'я'),
- 2) эгоцентрически (лицо Произносящее),
- 3) антропоцентрически (*сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человека-духа).

Ядром категории локализации лица в ингушском языке

является лицо Говорящее, которое для того, чтобы сориентироваться и переместиться, должно в начале локализоваться, обозначив лингвоцентрически эссивную точку своего размещения в *a* 'в пространстве'.

Исследование показало, что локализация лиц парадигмы в эссивной точке *a* 'пространства' – это сложный процесс взаимодействия эгоцентриков и антропоцентриков, представляющих различные глубинные уровни (эгоцентрический семантический и понятийный антропоцентрический) эргативного ингушского языка.

Эгоцентрическое лицо Говорящее, локализовавшееся в первой лингвопрагматической установке (пример 1) в точке *a* 'пространства', обнаруживается грамматически выраженным **аффективной** (*сона* 'я') формой имени лицом Созерцающим, выглядывающим из-за кадра речевого лица Говорящего. Лицо Созерцающее представляет мыслительную категорию, кореферентную локализуемому речевому лицу (пример 1), поэтому его позиция закадровая. На понятийном уровне эгоцентрик лицо Говорящее, морфологически выраженный **номинативной** формой имени, представляет антропоцентрика *кхета саг* 'homo sapiens', т.е. человека разумного в языках обеих стратегий (эргативной ингушской и номинативной русской).

Эгоцентрическое лицо Произносящее, морфосинтаксически выраженное в ингушском языке эргативной формой имени, распознается во второй лингвопрагматической установке лицом Слышащим (пример 2), выглядывающим из-за кадра речевого лица Произносящего. Эта установка (пример 2) свойственна только языкам эргативной стратегии.

На глубинном понятийном уровне эгоцентрическое лицо Произносящее представляет антропоцентрика, или логического субъекта *сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человека-духа, без функции которого в принципе невозможен запуск механизма ни речевого, ни закадрового аффективного лица, а значит – и запуск механизма пресуппозитивной локализации лица в самой лингвопрагматической установке (примеры 1-3) в целом.

Оба аффективных эгоцентрика (лицо Слышащее и лицо Созерцающее) функциональных каждый в своей установке (пример 1-2) в закадровой позиции, выражены в ингушском языке

аффективной формой имени (*сона* 'я, мне').

В языках эргативной стратегии (не только для исследованного в данной статье ингушского языка), размещение четырех лиц парадигмы в одной эссивной точке *a*-пространства двух лингвопрагматических установок (примеры 1-2), есть необходимое исходное условие для возникновения и развития ориентационных и двигательных значений.

Кроме того, релевантность исследования прототипической лингвопрагматической установки с точки зрения размещения в ней лиц парадигмы (пример 1-2) заключается в том, что два речевых эгоцентрика (лицо Говорящее и лицо Произносящее), распознаваемых аффективными эгоцентриками (лицом Созерцающим и лицом Слышащим) из своих закадровых позиций, обязательно участвуют в формировании предикации эргативных языков.

Пресуппозитивная прагматическая установка (примеры 1-2) должна быть обнаружена и исследована в каждом естественном языке, так как от характера локализованного лица, за кадром которого стоит одно из аффективных лиц, зависит форма именного компонента предикации номинативного и эргативного языков. Сколько лиц локализуется в пресуппозитивной лингвопрагматической установке (примеры 1-3), столько подлежащих мы обнаружим в составе предложения (номинативного или эргативного).

Сохранность в современном ингушском языке языковых единиц, выделившихся из слов-высказываний предшествовавшего синтетического строя (пример 1-2) в былом виде (слово-предложение 1-3 примеров), обусловлена принципиальной неизменяемостью знаковых компонентов-лексем, организующих структуру сильносинтетического высказывания (пример 1-2).

Отличие прагматической установки номинативного языка от эргативного заключается в одном излишнем таксоне (*в* 'муж.' и *й* 'жен. '), достаточно хорошо описанном в статье «Вербальная презентация прототипического гендерного признака в нахском языке» (2019).

Прагматическая ситуация родственного чеченского языка отличается от ингушской формантом локализации речевого лица. Эгоцентрическое лицо Говорящее (*со* 'я') ингушского языка

локализуется в *a* 'в пространстве', представляющем родовое понятие (инг. *a* 'пространство', или в *a* 'в пространстве'). В чеченской установке речевое лицо Говорящее локализовано в *y* 'тут' (т.е. там, куда можно указать пальцем и увидеть глазом), представляющем видовое понятие от целостного родового (инг. *a* 'пространство', или в *a* 'в пространстве' и *y* 'тут'). Разница в пространственном параметре (примеры 1-2) обусловила и разницу в генерации глаголов бытия ингушского и чеченского языков (инг. *va* 'есть муж.' и *ya* 'есть жен.'; чеч. *vu* 'есть муж', *yu* 'есть жен.'), возникших на основе второго и третьего компонентов структуры прототипической лингвопрагматической установки, в которой локализовались лица парадигмы (примеры 1-2).

Функция эгоцентрических компонентов парадигмы лица (речевых и аффективных) является одним из основных показателей разрушения в доисторические времена синтетического строя ингушского языка, который непременно должен был «рассыпаться» (генерировать) на диалекты в период экстрадиции в стадию эргативности.

С этой точки зрения интерес представляют современные синтетические языки Северного Кавказа, в языке-основе которых, если он естественный, обязательно должна быть обнаружена прототипическая лингвопрагматическая ситуация, подобная ингушской, локализующей эгоцентрическое лицо (лица) парадигмы.

В перспективе схожие отношения локализации лиц парадигмы ожидается увидеть и в других эргативных языках, в которых функциональна парадигма лица.

В нахско-дагестанских языках (языках одной с ингушским языком семьи) обнаружение и интерпретация прототипической прагматической ситуации поможет указать на язык-основу, т.е. на диахронически автономно сложившийся естественный язык, который, на наш взгляд, будучи синтетическим, «рассыпался» на различные диалекты еще до первого века нашей эры, обособив нахские и другие языки в отдельные группы (ветки) общего генеалогического древа.

На базе отдельных диалектов «рассыпавшегося» сильносинтетического языка-основы ожидаемо возникновение различных письменных языков Северного Кавказа. Исследование

различных уровней структуры таких языков должно выявить пласт синтетизмов, среди которых и следует обнаружить и интерпретировать прототипическую лингвопрагматическую ситуацию, в которой локализовалось расслоено (шифтерно) представленное лицо парадигмы эргативных языков.

Категория локализации, таким образом, непосредственно связана с генерацией глагола бытия и оформлением предикации эргативного предложения. Языком-основой нахских языков является тот язык, который локализует расслоенно представленное лицо парадигмы (Говорящее, распознаваемое Созерцающим и Произносящее, узнаваемое Слышащим) в прототипической прагматической установке (примеры 1-2), каждое из которых, претендует на статус первого лица и позицию подлежащего в составе предложения.

Литература

1. Бокарев Е.А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках // Язык и мышление. – Т.ХІ. – М. – Л., 1948. – С. 56-67.
2. Гудава Т. До и после Библии. Шузеро-русский словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html/>
3. Кибрик А. Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. Сборник статей памяти профессора П. Кузнецова. – М.: МГУ. – Вып. 4. – 1970. – С. 110-156.
4. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). Издание 4-е стереотипное. – М.: КомКнига, 2005.
5. Климов Г.А. К происхождению эргативной конструкции предложения // Вопросы языкознания. –М.: Изд. «Наука». 1974.
6. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Пер. с англ. яз. под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1978.
7. Падучева Е.В. Наблюдатель как эксперимент «за кадром». Материалы для проекта корпусного описания русской

- грамматики [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/paducheva/> (Дата обращения 28.10.2021).
8. Падучева Е.В. Эгоцентрические языковые единицы. Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс]. – М. 2017.– Режим доступа http://rusgram.ru/Эгоцентрические_языковые_единицы/ (Дата обращения 28.10.2021).
  9. Плунгян В.А. К типологии глагольной ориентации // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна, 1999.
  10. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
  11. Тариева Л.У. Наречие в ингушском языке. Морфология. – Deutschland. Verlag «LAPLAMBERT Academic Publishing», 2012.
  12. Тариева Л.У. Лица парадигмы с глубинной и поверхностной точек зрения // Материалы XXXII Международной научной конференции: Эффективные исследования современности. Евразийское научное объединение. – Часть 2. – № 10 (32). – М., 2017. – С. 136-142.
  13. Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. – Назрань.: ООО «Кеп». 2017. – 376 с.
  14. Тариева Л.У. Константные признаки языков эргативного строя // American Scientific Journal № (41) / 2020. VOL. 1. – С. 11-18.
  15. Тариева Л.У. Очерки для этимологического словаря ингушского языка. Т.1. – Ростов на Дону, 2020.
  16. Тариева Л.У. Расширенный фрейм интенции аффективного эгоцентрика в эргативном языке // Евразийское научное объединение. Современные концепции научных исследований. 72-ая международная научная конференция. – М., 2021, Часть 5. № 2 (72). – С. 356-362.
  17. Тестелец Я.Г. Именные локативные формы в дагестанских языках [Электронный ресурс]. – Режим доступа. <https://www.academia.edu/38062326/> (Дата обращения 28.10.2021).

18. Филлимор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. – М., 1981.
19. Яковлев Н.Ф. Синтаксис ингушского литературного языка. Под ред. М.Е. Алексеева. – М.: ACADEMIA. 2000.

References

- Bokarev, E.A. (1948). *Lokativnye i nelokativnye znacheniya mestnyh padezhej v dagestanskih yazykah* [Locative and non-locative meanings of local cases in Dagestan languages]. In *Language and thinking*, XI, 56-67.
- Gudava, T. (2021). *Do i posle Biblii. SHumero-russkij slovar'*. [Before and after the Bible. Sumerian-Russian dictionary]. Retrieved from: <http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary.html/>
- Kibrik, A.E. (1970). *K tipologii prostranstvennyh znachenij (na materiale padezhnyh sistem dagestanskih yazykov) // Yazyk i chelovek* [On the typology of spatial meanings (based on the case systems of the Dagestan languages). In *Language and man. Collection of articles in memory of Professor P. Kuznetsov*, 4, 110-156.
- Kibrik, A.E. (2005). *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija (universal'noe, tipovoe i specificheskoe v yazyke)*. [Essays on general and applied problems of linguistics (universal, typical and specific in language)]. M.: KomKniga.
- Klimov, G.A. (1974). *K proiskhozhdeniyu ergativnoj konstrukcii predlozheniya* [On the origin of the ergative sentence construction]. *Voprosy Yazykoznanija*. M.: Ed. "The science".
- Lyons, J. (1978). *Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku* [Introduction to theoretical linguistics]. M.: Progress
- Paducheva, E.V. (2000). *Nablyudatel' kak eksperient «za kadrom»*. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki*. [The observer as an "off-screen" experiment. Materials for the project of the corpus description of Russian grammar]. Retrieved from: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/paducheva/>
- Paducheva, E.V. (2017). *Egocentricheskie yazykovye edinicy. Russkaya korpusnaya grammatika*. [Egocentric language units. Russian corpus grammar]. Retrieved from http://rusgram.ru/Egocentric_language_units/

- Plungyan, V.A. (1999). *K tipologii glagol'noj orientacii* [On the typology of verbal orientation]. Logical analysis of language. Dubna.
- Plungyan, V.A. (2010). *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: An introduction to the problematic]. M.: Book House "Librokom"
- Tarieva, L.U. (2012). *Narechie v ingushskom yazyke. Morfologiya*. [Ingush adverb. Morphology]. Verlag "LAPLAMBERT Academic Publishing".
- Tarieva, L.U. (2017). *Lica paradigmy s glubinnoj i poverhnostnoj toчек zreniya* [Faces of the paradigm from deep and superficial points of view]. In *Materialy XXXII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: Effektivnye issledovaniya sovremennosti*, (pp. 136-142) Part 2. No. 10 (32). Eurasian Scientific Association. M.
- Tarieva, L.U. (2017). *Rechevye komponenty paradigmy lica v yazykah ergativnogo stroya*. [Speech components of the facial paradigm in languages of the ergative structure]. Nazran : OOO Kep.
- Tarieva, L.U. (2020). *Konstantnye priznaki yazykov ergativnogo stroya*. [Constant signs of languages of the ergative structure]. *American Scientific Journal*, 3, 59-70.
- Tarieva, L.U. (2020). *Ocherki dlya etimologicheskogo slovaryia ingushskogo yazyka*. [Essays for the etymological dictionary of the Ingush language]. Rostov on Don.
- Tarieva, L.U. (2021). *Rasshirennyj frejm intencii affektivnogo egocentrika v ergativnom yazyke* [Extended frame of the intention of an affective egocentric in an ergative language]. *Modern concepts of scientific research. 72nd International Scientific Conference*, 5, 2(72), 356-362.
- Testelets, Ya.G. *Imennye lokativnye formy v dagestanskih yazykah* [Nominal locative forms in Dagestan languages]. Retrieved from: <https://www.academia.edu/38062326/> (accessed 10.28.2021)
- Fillmore, Ch. (1981). *Delo o padezhe* [The case of the case]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, X.
- Yakovlev, N.F. (2000). *Sintaksis ingushskogo literaturnogo yazyka*. [Syntax of the Ingush literary language]. M.: ACADEMIA.

УДК 81'23
<https://doi.org/10.25076/vpl.44.02>
В.И. Тармаева, В.С. Нарчук
Сибирский федеральный университет

**ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ /
ИНТОЛЕРАНТНОСТИ НА СТРАНИЦАХ В СОЦИАЛЬНЫХ
СЕТЯХ, ПОСВЯЩЕННЫХ СМЕШАННЫМ
ЕДИНОБОРСТВАМ**

Цель статьи - выявить особенности когнитивного механизма формирования толерантности/интолерантности на страницах социальных сетей, посвященных смешанным единоборствам. Статья направлена на то, чтобы внести определенный вклад в изучение проблемы когнитивных процессов и проблемы толерантности в процессе общения в соцсетях.

Авторы использовали контент-анализ 11,000 комментариев оставленных пользователями публичных страниц, посвященных смешанным единоборствам, с 2017 по 2020 год, и провели ряд опросов среди пользователей данных страниц. Предложенная авторами методика проведения исследования может быть использована для выявления свойств коммуникативной среды, формируемой любым другим контентом социальных сетей.

Авторы выяснили, что коммуникативная среда социальных сетей является результатом реакций пользователей (интерпретаторов), соотносящих свою позицию с материалом или комментариями, которые они находят в социальных сетях. В сознании пользователей происходит взаимодействие метаязыковых представлений интерпретируемых сообщений и существующих метаязыковых представлений прошлого опыта. Процесс интерпретации на данных страницах социальных сетей происходит в соответствии с оппозицией «свой-чужой».

Авторы также выяснили, что на когнитивном уровне коммуникативная толерантность проявляется посредством равновесия ментальных представлений опыта (знания, которыми обладает субъект) с ментальными представлениями воспринимаемого сообщения, найденного им в социальных сетях, приводящего субъекта к выражению дружественного отношения

к полученной информации. Коммуникативная интолерантность проявляется посредством равновесия ментальных представлений опыта (знаний, которыми обладает субъект) с ментальными представлениями послания, найденного им в социальных сетях, что приводит субъекта к выражению враждебного отношения к полученной информации.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, социальные сети, когнитивная лингвистика, метаязыковые репрезентации

UDC 81'23

<https://doi.org/10.25076/vpl.44.02>

V.I. Tarmaeva, V.S. Narchuk
Siberian Federal University

COMMUNICATION IN SOCIAL NETWORKS THROUGH FORMATION OF TOLERANCE

The article deals with the questions regarding the formation of tolerance/intolerance on social media. The purpose of the article is to identify the features of the cognitive mechanism as the formation mechanism for tolerance/intolerance on social media pages dedicated to mixed martial arts. So, the article is aimed at making a certain contribution to the study of the problem of cognitive processes and the problem of tolerance in the process of communication in social networks.

The study materials are 11,000 comments on the public pages that are dedicated to mixed martial arts from 2017 to 2020. Authors conducted a number of surveys among users of public pages that are covering mixed martial arts from the Russian social networking service VK.com. An experiment was used, which made it possible to obtain study material in a form of survey results. It seems that the research methodology proposed by the authors can be used to identify the properties of the communicative environment formed by any other content of social networks.

The authors found out that the communicative environment of social media is the result of reactions of users (interpreters) who correlate their position with the material or comment that they see on social

media. There is an interaction of metalanguage representations of interpreted messages and existing metalanguage representations of past experience that's happening at the cognitive level when users of social media pages interpret messages on social media. The process of interpretation on social media pages that are dedicated to mixed martial arts is reflected in the «Friend-Foe» opposition.

The authors also found out that at the cognitive level, communicative tolerance is defined as the coordination of mental representations of experience (knowledge that the subject possesses) with mental representations of the perceived message found by them on social media, which leads the subject to an expression of a friendly attitude towards the received information. Communicative intolerance is defined as the coordination of mental representations of experience (knowledge that the subject possesses) with mental representations of the perceived message found by them on social media, which leads the subject to an expression of a hostile attitude towards the received information.

Keywords: tolerance, intolerance, social media, communication, cognitive linguistics, metalanguage representations

Introduction

On the one hand, social media attracts the interest of researchers, including linguists, who studied the language tools used in it and social media as the communicative space. On the other hand, mixed martial arts is the fastest growing sport in recent years. Sports and the behaviour of sports fans are relevant topics for the linguistic studies. At the same time, the behaviour of mixed martial arts fans on the Internet has not been a subject of linguistic study. For our study, we selected public pages that are covering mixed martial arts from the Russian social networking service VK.com. Public pages dedicated to sports is an unexplored research niche, since social media comments were not considered by linguists in terms of the peculiarities of the cognitive mechanism that leads to the formation of tolerance/intolerance.

The purpose of the study is to identify the features of the cognitive mechanism as formation mechanism for tolerance/intolerance on social media pages dedicated to mixed martial arts. Using a cognitive approach while identifying the characteristics of communication on social media leads to the identification of the semantic aspect of social

interaction. The cognitive approach is based on the understanding of the social media user as an analyzing person, because this person exists in the world of information that needs to be understood, evaluated and used. As a result, the way social media users think determines how they feel and how they act. The cognitive approach to communication, as it seems, allows us to analyze the totality of factors that affect the process of communication.

Moreover, the study intends to find out if the communicative environment of social networks is the result of reactions of users (interpreters) correlating their position with material or comments that they find on social networks.

The collected theoretical results can make a certain contribution to the study of the problem of cognitive processes and the problem of tolerance in the process of communication in social networks.

Theory

The thought process is characterized by self-regulation (Tarmaeva, 2019). It is about the orientation of a person in their own cognitive domain. The person enters into a relationship with emerging and existing metalanguage representations while comprehending the message. The already existing information can influence the process of realization. The decisive role belongs to the thought activity, which is aimed at streamlining emerging and existing metalanguage representations with which the person is in a state of adaptive interaction.

Cognitologists agree that mental representations are used to represent knowledge in the human mind, and that during the process of thinking, people have mental procedures that operate on mental representations (Thagard, 1996).

We see the frame model as a suitable model for representing the mechanism of processing (interpreting). A frame is a cognitive model that is structured as a SOURCE-PATH-GOAL schema (Lakoff, 1993). A frame is a triad of temporally and causally related representations. As a general and abstract structure, frame can be associated with different situations and used for a variety of purposes: understanding, acting, and making conclusions.

Cognitive harmony manifests itself as a state of equilibrium between the interaction of metalanguage representations that are unfolding in an ordered trichotomy - mental representations of experience (knowledge

that the subject possesses), mental representations of received information, mental representations of further expressed attitude to the received information. This approach fits into scientific direction known as linguistic interpretationism (V.Z. Demiankov, N. Schomsky, RS Jackendoff, W. Harris, etc.) with its idea that «interpretation is a purposeful cognitive activity which is establishing and/or maintaining harmony in the world of a human being (an interpreter). While establishing cognitive harmony, an interpretation helps a person to recognize the speech context and obtain the result of interpretation, while eliminating what is sometimes called «cognitive dissonance» (Demiankov, 1983).

Data and methodology

This type of study determines the use of both general scientific methods (observation, induction / deduction, analysis / synthesis, systematization, classification), and proper linguistic methods, such as the method of linguistic description, content analysis, cognitive analysis enabling to identify the cognitive nature of communicative tolerance/intolerance.

Thus, the material for the study was two types of texts that allow to carry out the study. The first type includes primary texts - 11,000 comments on news publications on public pages that are covering mixed martial arts from the Russian social networking service VK.com. from 2017 till 2020. The second type of texts are secondary - interpretive - texts as a result of the interpretive activity of communicants on the pages of social networks dedicated to mixed martial arts. So, these texts are based on a series of linguistic experiments - surveys conducted among users of the investigated pages of social networks.

Authors used an experimental method that made it possible to obtain secondary (interpretive) statements as material that allows to study the interpretive activities of addressees through interpretive analysis.

It seems that the research methodology proposed by the authors can be used to identify the properties of the communicative environment formed by any other content of social networks.

Results

While studying the technology of formation for tolerance/intolerance on social media pages dedicated to mixed martial arts we found the following.

As a result of interpretation, people transform the received information in accordance with their ideas. In other words, the transformed information acquires its specific meaning for the subject of interpretation, since the perception experience of the interpreter and their knowledge background are activated and this makes it possible to further use this information in appropriate situations. So, there is a coordination of mental representations of experience (knowledge that the subject possesses) and mental representations of the perceived message found on social media that leads the subject to expressing their (own) attitude to the received information.

Interpretation of news messages (text, audio and video) on social media pages is organically merged with the construction of action schemes. The action scheme is a special way of interaction of metalanguage representations during the perception (interpretation) of different messages. The result of the interpretation is comments that are posted by users of social media.

In our case, when users perceive news messages on social media, the action scheme is based on the cause-effect relationships between representations that emerge during the process of formation of communicative tolerance/intolerance.

Subscribers of social media pages that are dedicated to mixed martial arts seek to understand, interpret, anticipate and control the world of their personal experiences, while drawing the conclusions based on their past experiences and making assumptions about the future. So, users perceive the messages from social media (comments of the other subscribers, news messages and different videos) from their position, and then post the comments, again, in accordance with their own attitude. The subscriber wants to influence other users and offers their position for perception of others. All stages of perception are a process of reconciling the existing opinion with the opinion that is published on social media with the aim of influencing other subscribers.

To confirm our proposition we conducted a survey regarding the perception of information in social media. The followers of «My Life is MMA» public page from the Russian social networking service VK.com were asked the following questions:

Do you freely express your opinion on that page?

Does your behavior on the Internet (for example, on social media) differs from your behavior in everyday life?

Do you read (or watch) the publication material before adding your comment on it?

What kind of mixed martial arts fan were you when you became a subscriber to that page?

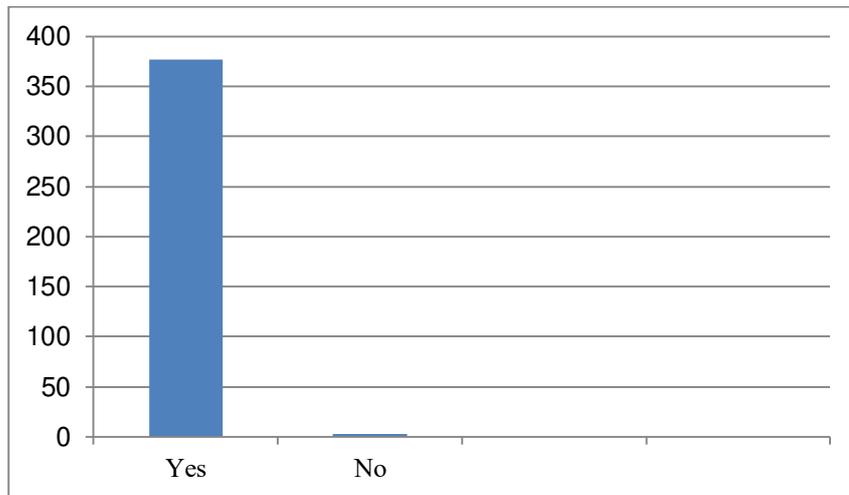
Has your opinion about the fighters ever changed after seeing some particular publications?

The survey is aimed to confirm the coordination of mental representations of experience with mental representations of perceived messages for the subscribers of the «My Life is MMA» page.

Our hypothesis says that subscribers of the «My Life is MMA» page approach information on that page with an opinion that may change during the interpretation of the received information.

Survey Results:

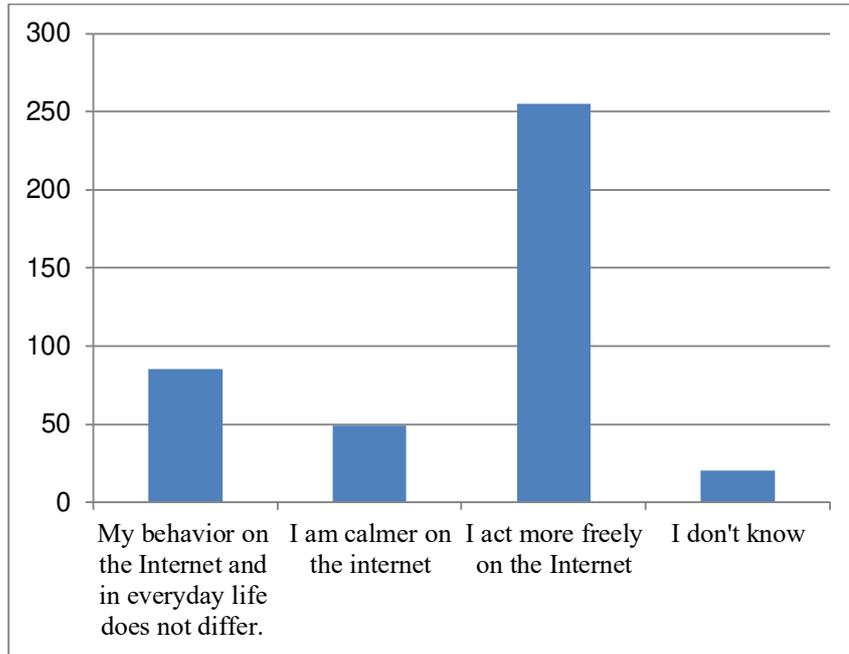
First survey question was: « Do you freely express your opinion on that page?»

377 respondents feel that they freely express their opinion when they post comments on «My Life is MMA» page. 3 respondents do not think so.

Then, the survey participants were asked the next question:

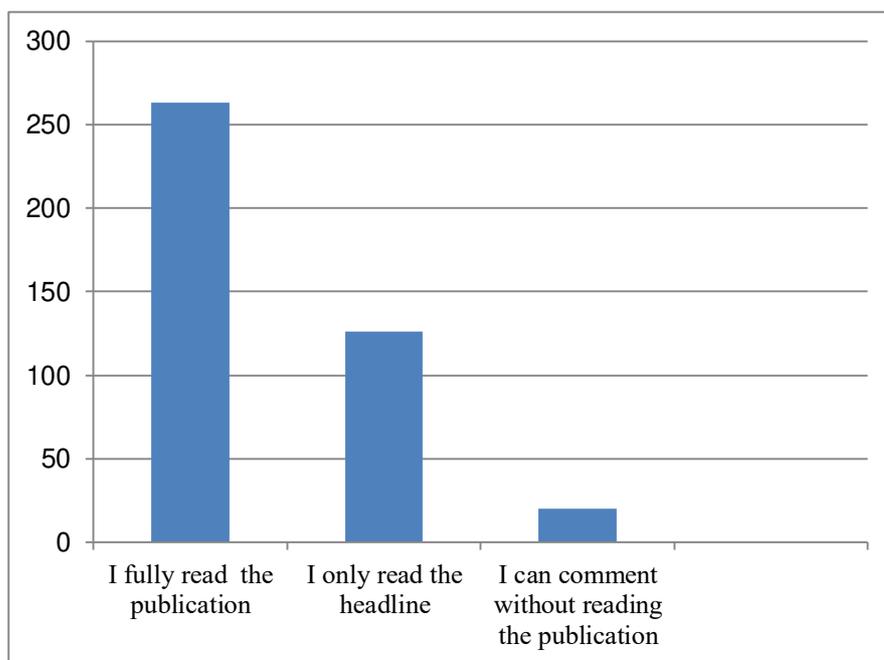
«Does your behavior on the Internet (for example, on social media) differs from your behavior in everyday life?»

409 responses has been received. 255 people believe that they act more freely while communicating on the Internet. 85 users indicate that their behavior on the Internet and in everyday life does not differ. 49 people think they are calmer on the Internet than in real life. 20 people could not answer this question.

Then, the survey participants were asked the next question:

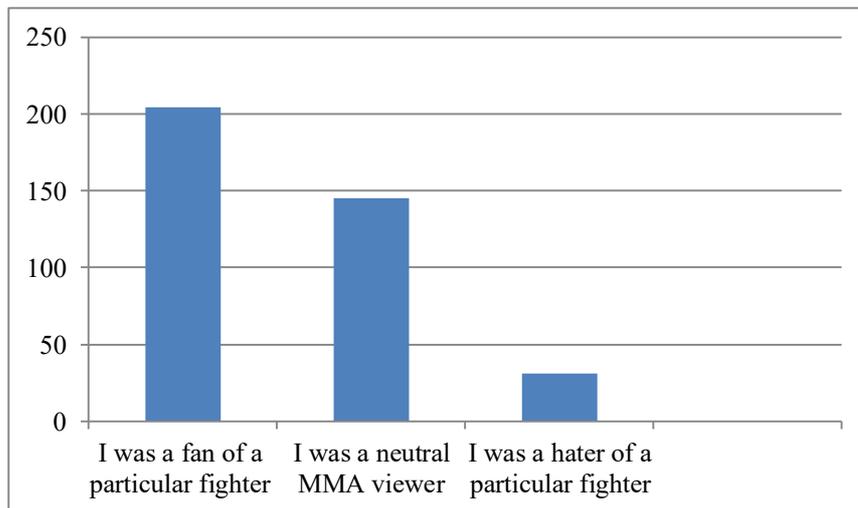
«Do you read (or watch) the publication material before adding your comment on it?»

The pace of communication on social media means that sometimes people just read headlines before adding their comment. The purpose of the question was to find out whether the subscribers of «My Life is MMA» page get acquainted with the materials of the publications before adding their comments, or they just read headlines.

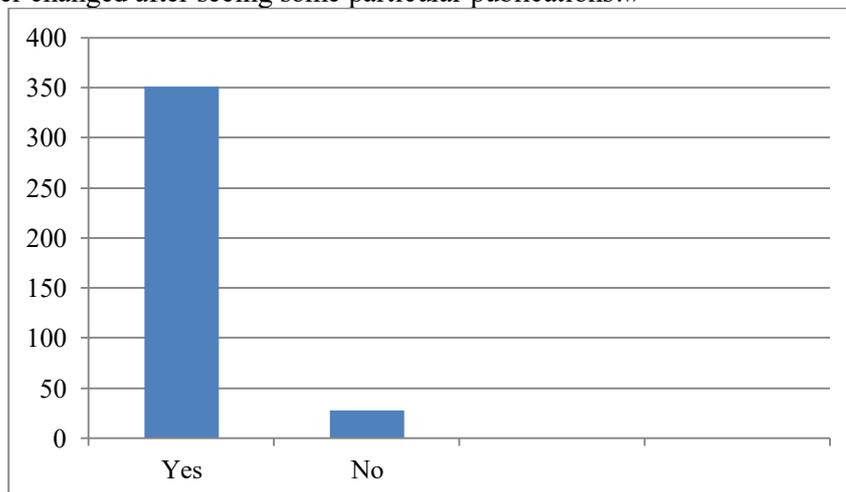
409 responses has been received. 263 respondents indicate that before leaving a comment, they fully read (or watch) the publication material on the page. 126 people admit that they only read the headline. 20 subscribers indicate that they can leave their comment without reading the publication at all.

The next survey question was: «What kind of mixed martial arts fan were you when you became a subscriber to that page?»

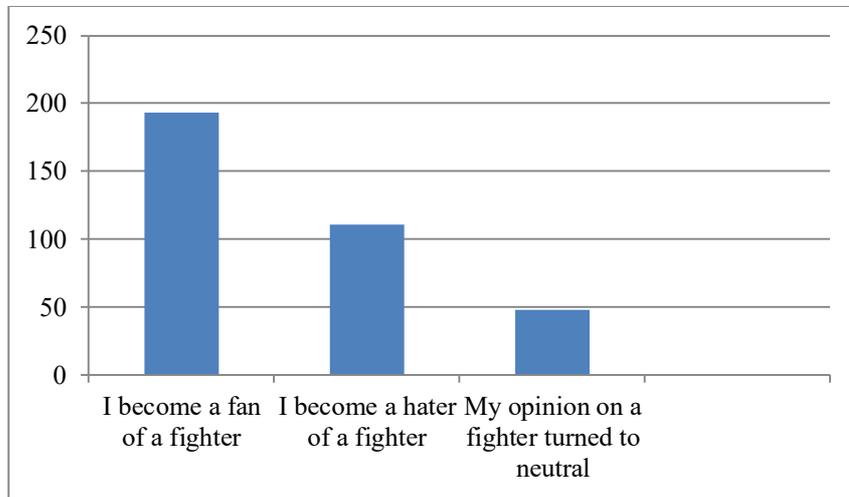
204 respondents indicate that they were fans of a particular fighter when they first followed «My Life is MMA» page. 145 people were neutral spectators of mixed martial arts, without being a fan of any individual fighter, and 31 respondents indicate that they were haters of certain fighters when they first followed that page.

The next survey question was: «Has your opinion about the fighters ever changed after seeing some particular publications?»

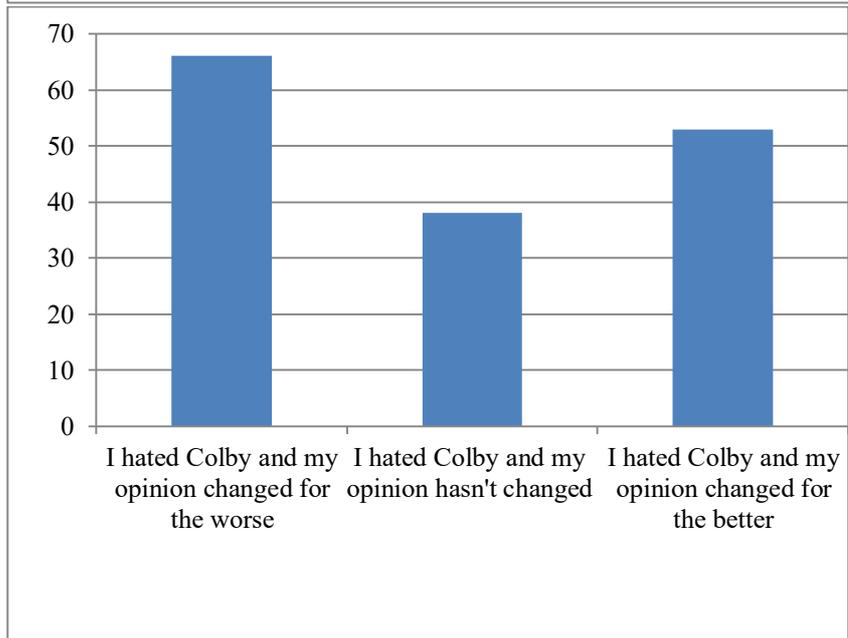
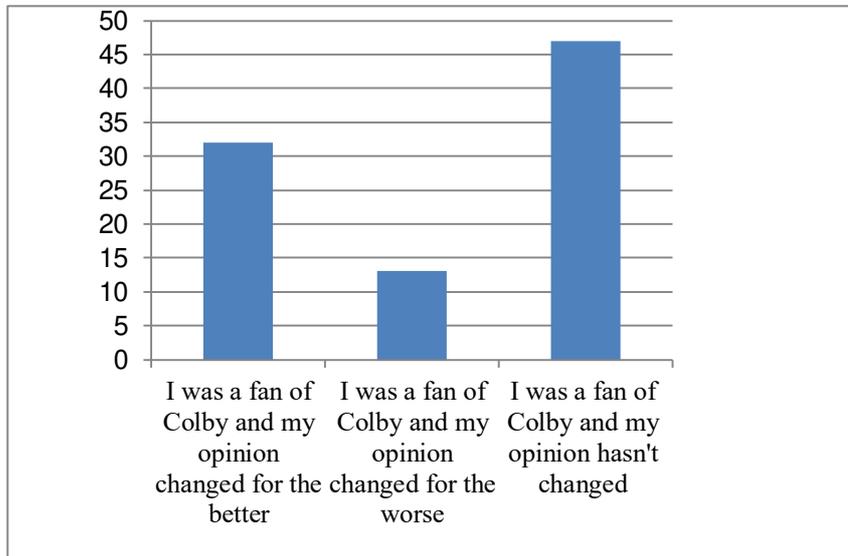
379 responds has been received. 351 respondents believe that their opinion about the fighters changed after reading (or watching) individual publications on «My Life is MMA» page. Only 28 people indicate that their opinions remained the same, despite new information received.

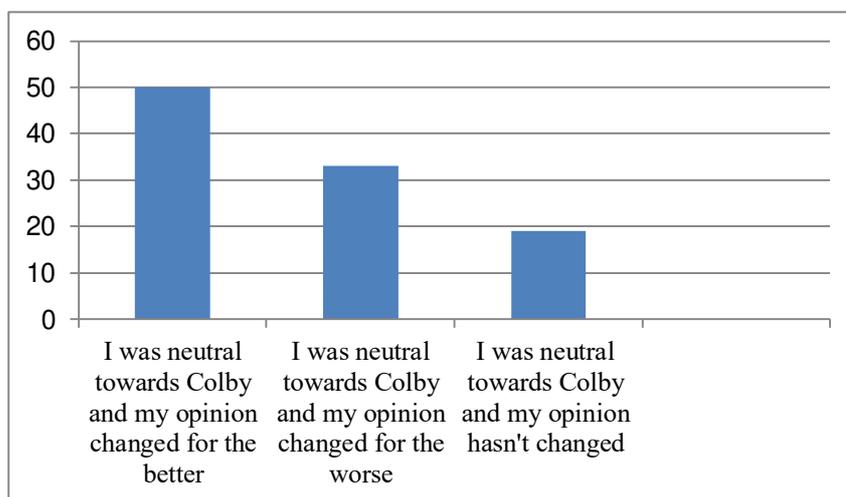
Those users who recognized changes in their opinions as a result of reading (or watching) the publications then answered the following question: «In what way did your opinion change most typically?»

193 respondents indicate that their opinion on the fighters changed for the better after reading news on «My Life is MMA» page - they became fans of these fighters. 111 people admit that their opinion on individual fighters was changing for the worse - they became haters of fighters after some particular statements or fights. 48 people shift their opinion about the fighters to neutral.

Then the respondents answered the following question regarding an individual fight that could change the subscribers' opinion about the UFC fighter Colby Covington: «Has your opinion on Colby Covington changed after his fight against Kamaru Usman?»

This athlete is known for his loud, disrespectful statements. His fight with Kamaru Usman may change an opinion on him in different ways - on the one hand, fans could be disappointed in Covington, because he lost a fight after a lot of trash talking. On the other hand, Covington had a very competitive and spectacular fight, in which he managed to hold on until the last round despite his injuries.

351 responds to this question has been received. 66 respondents didn't like Colby Covington before the fight and their opinion after the fight change only for the worse, due to the fact that he was defeated after his loud statements.

53 respondents admit that they were the haters of the fighter, but their opinion on Covington changed for the better after the fight - this was influenced by a spectacular fight.

50 respondents were neutral on Covington and their opinion about the fighter has changed for the better.

47 people were fans of Covington before the fight, and the fight did not affect their position - they remained his fans, despite the defeat.

38 people were haters of Covington before his fight and their position has not changed.

33 people were neutral towards Covington, but their opinion on the fighter change for the worse, because he lost after the aggressive statements and promises.

32 people were fans of Covington before the fight, and after the fight they like the fighter even more, being impressed by his stamina.

19 respondents admit that they had a neutral attitude to Covington and the fight did not affect their opinion on the fighter.

13 people admit that they were fans of Covington before the fight, but after the defeat they became disappointed in him.

Our survey shows that subscribers of «My Life is MMA» page freely express their opinion on that page. This survey shows that in comparison with the «real life» communication, the majority of subscribers of «My Life is MMA» page express their opinion more freely when communicating on the Internet. Based on the results of the survey, we come to the conclusion that the majority of subscribers of «My Life is MMA» page get acquainted with the materials of the publications before adding their comments on them in order to correlate what they see with their existing position. At the same time, some users only react to headlines, which indicate the speed of communication in social media. The subscribers approach publications while being the fans and haters of individual fighters, as well as neutral spectators of the sport. We see how exactly the opinion of these groups can change after a certain event that is covered on «My Life is MMA» page. This confirms our hypothesis that subscribers interpret the information received on social media, correlating it with the existing opinion.

Discussion

While studying the cognitive mechanism of the formation of communicative tolerance, we were able to find the following. Structuring (modeling) and comprehension take place simultaneously, since the thought in person's mind is born while they are adapting to the new and existing information. Social media user constantly faced with categorization that allows them to complete the scheme of interpretation.

In our study, the cognitive triad of interpretation consists of:

1) mental representations of subscribers to MMA-themed pages who have their own ideas of athletes - positive, negative or neutral.

Among users of sports-themed social media pages, there are two groups of linguistic personalities that can be distinguished: the first group, fans, emotionally evaluates the actions and the results of sporting events (fights in our case); the second group - spectators – just watches sports.

2) mental representations of the messages that subscribers of MMA-themed pages perceive on social media - news messages, comments of the other subscribers, video and audio materials.

3) mental representations of comments posted by social media users during the process of perceiving other messages from social media.

After conducting surveys of subscribers to «My Life is MMA» page, the results of which are given in the results section, we receive confirmation of our hypothesis that says that the communicative environment of social media is the result of reactions of users (interpreters) who correlate their position with the material or comment that they see on social media. In other words, there is an interaction of metalanguage representations of interpreted messages and existing metalanguage representations of past experience that's happening at the cognitive level when people interpret messages on social media. This type of correlation of mental representations of experience (knowledge that a subject possesses) and mental representations of a perceived message found on social media appears as a cognitive harmony. So, cognitive harmony acts as a mechanism for the formation of communicative tolerance, which manifests itself as a state of equilibrium between the interaction of metalanguage representations that are unfolding in an ordered trichotomy.

The affective and cognitive aspects of behavior are inseparable, while remaining different. They are inseparable, since any interchange with metalanguage representations involves both structuring (modeling) and expression of feelings. The communication of social media users includes three components: interpretation and understanding of information that is posted on social media, writing comments, as well as expressing feelings experienced during the performance of those actions. Those feelings are expressed by the author of the comment who uses the existing (their own) attitude to the information received. So, we can define communicative tolerance as a coordination of mental representations of experience (knowledge that the subject possesses) with mental representations of the perceived message found on social media, which leads the subject to an expression of a friendly attitude towards the received information.

Then, accordingly, communicative intolerance can be defined as a coordination of mental representations of experience (knowledge that the subject possesses) with mental representations of the perceived

message found on social media, which leads the subject to an expression of a hostile attitude towards the received information. It manifests itself with a comment to the perceived message on social media.

The process of interpretation on social media pages that are dedicated to mixed martial arts is reflected in the «Friend-Foe» opposition. That binary opposition exists in all walks of life (Piianzina, 2018). There are various options for distinguishing between «friends» and «foes», carried over to a variety of categories: dimensional, material and moral (Shakolo, 2020). «Friend» refers to a socio-cultural group that is identified based on various types of similarity, where «correct», «native», «close», «safe» is perceived as positive. The «foe» model is the opposition: everything «other», «strange», «unusual» and «wrong» is perceived as a negative (Semashko, Kravets, & Bondarenko, 2021). Fans of mixed martial arts have particular expectations from their favorite fighters that are based on their previous experience (knowledge that they possess). That experience will define their attitude to the information on social media (fights, news and other messages) and determine their message to either «friendly» or «opponent» group.

The ability to identify «your» group is an important part of self-identification. Alienation of «others» is also playing an important role during the formation of personal identity. During the identification of themselves in society, people generate two types of practices – a discourse of differences and a discourse of similarity. Any social characteristic may be the foundation for the «Friend-Foe» opposition. People may join forces for various reasons and the motives for group identification are multifarious. These include primal emotional needs, safety measures, common threat, discrimination, attachment and affiliation needs, conflicts between individual and collective interests, discrimination by the mainstream and other reasons (Taipale, 2019).

Tolerance involves the reconciliation of «friends» and «foes». There are different factors of division into «friends» and «foes», including the division among fans of different fighters, which makes the opposition multifaceted, unstable and situational. Tolerance can exist precisely in the presence of different outlooks (Vereshhagina, Gafiatulina & Samygin, 2018).

The «Friend-Foe» opposition among the mixed martial arts fans is constantly changing depending on the emotions and impressions that the fights or performance of a particular fighter brings (Yip, Schweitzer, & Nurmohamed, 2017). For viewers, the formation of the «friends» and «foes» circles can occur based on the degree of pleasure experienced while watching the competition.

In our case the «Friend-Foe» opposition is based on the roles of different people in the MMA community. It includes fans, anti-fans (haters), fighters themselves, referees, officials and promoters.

Mixed martial arts fans are trying to build up a feeling of social contradiction on social media with the usage of various linguistic means. They are trying to influence the emotional sphere of other social media users and to persuade them to their point of view. Mixed martial arts is a particularly aggressive sport. Often times, fighters use insults to create interest in their fights. Unlike team sports, mixed martial arts is based on the confrontation of individual fighters who manifest themselves both during competition and during the promotional campaigns, for example, during interviews. We believe that the very nature of combat sports influences the speech behavior of MMA fans on the Internet. Fans can both repeat the words of the fighters and respond to their words in an aggressive manner. The aggressiveness of the sport and the large amount of so-called «trash-talk» (mutual insults before the fight) contribute to the intolerant communication on social media pages that are dedicated to mixed martial arts.

The «Friend-Foe» opposition can manifest itself at the different levels of the language system, in both verbal and non-verbal forms. The opposition is formed on the basis of «markers» that allow a person to attribute other people to «friends» or «foes». When these markers are different for representatives of the different groups it means that the «Friend-Foe» opposition contains a constant - a certain conceptual core, or the core of categorization, that consists of the features of «friends» and «foes».

It is worth noting that the «Friend-Foe» opposition is anthropocentric – it is always based on a comparison with the subject (Golf-Papez, Ekant, 2017). The central conceptual feature of the «Friend-Foe» opposition is the comparisons «they are like me» and «they are not like me».

By participating in the virtual communities, social media users form their collective identity. Collective identity in the Internet can be formed in three stages (Ivanov, 2017). During the primary socialization new group members are influenced by the collective identity of the group, but the individual identity also affects the collective. During the second stage a community member participates in the formation of a collective identity. During the third stage a community member mostly broadcasts a collective identity to the representatives of other groups, with the lesser role of an individual identity.

The communicative strategy of «creating a circle of foes» is aimed at creating an image of the «foes» and «distancing» from them. The essence of this strategy is the expression of aggression directed at the fans of the rival fighter. The mechanism of «creating an image of the foe» can be implemented through the implementation of insult, ridicule, discrediting the competing athlete (Gricenko, 2018).

The communicative strategy of «creating a circle of friends» is aimed at finding and bonding the fans of a particular fighter. The strategy of «creating a circle of friends» is based on the principles of fandom and integration between fans of an athlete. The principle of integration is based on the desire to create the perfect impression for a favorite fighter. The mechanism of «creating the image of a hero» is based on the formation of a heroic image of an invincible fighter by creating a positive attitude towards the behavior of a particular athlete.

Speech tactics are aimed at implementing the communicative strategy. Within the frame of the «Friend-Foe» opposition, speech tactics work as a combination of techniques that work to humiliate the «rival fighter» and praise «our guy». A strictly defined set of techniques is not always used to implement speech tactics. In each specific case, the combination of techniques can be different; moreover, there can be no strict connection between the use of a particular technique or set of techniques and the implementation of a certain tactic.

There are different types of the «friend or foe» opposition among the Russian fans of mixed martial arts - the division based on the origin of the fighters (and the fans) and the division between fans of the fighters who are not ethnically related (fans of foreign fighters). The most popular way to manifest affiliation with the fighter is to use the possessive pronoun «our». Country affiliation of fighters can also be

indicated with the usage of words that indicate territorial-civil affiliation («Russian», «Siberian»). This type of words is also used to indicate the «foe» aspect of the «friend or foe» opposition. Another way to express the «friend or foe» opposition among the fans of individual athletes is to use nicknames that create either a positive («Red King») or a negative image for them («The Carpet»).

It seems like the most effective way to implement the «friend or foe» opposition during the conversation in social media is to use special words («markers») that are showing the affiliation or detachment of the subject, for example:

«Сибирские бойцы покажут класс!» (Siberian fighters will show their class!)

The author of this comment is from Siberia, so he is rooting for his «friends» - Siberian fighters.

Дагестанские чемпионы опять в деле! Бой за ними! (Dagestan champions are back in the game! This is their fight!)

Fans support successful fighters from Dagestan. For the viewers who are wishing the victory of these athletes, these fighters belong to their «friends» circle.

Country affiliation of the fighters can also be indicated with the usage of words that indicate territorial and civic affiliation, for example, adjectives that directly speak of the athlete's citizenship, as well as nouns such as «countryman»:

Давайте мы будем радоваться землякам, ребятам, которые представляют нашу страну! (Let's celebrate our fellow countrymen, guys who represent our country!)

Words that indicate territorial and civic affiliation can also be used to indicate the «foes».

Американские бойцы, они - ни о чем (American fighters, they suck)

Читер бразильский будет наказан! (The Brazilian cheater will be punished!)

Как же бесит этот унылый бразилец (This boring Brazilian infuriates me)

Such comments are designed to create certain feelings of solidarity among «friends», contributing to the emotional distance of the «foes».

Another way to indicate the «friends» circle is to use nicknames that create positive image of certain fighters:

Первым был батя Чейл Сонен, который показал, как можно раскручивать!(The first one was «The Dad» Chael Sonnen, who showed how you can promote)

The fans of MMA fighter Chael Sonnen consider him the best trash talker in a sport. Russian fans of Sonnen use the nickname «The Dad» to portray him as an innovator in promoting fights. Dad is an affectionate, familiar address (to an elderly) person, usually with a touch of deference.

У тебя нету этого титула, чтобы назваться самым кровожадным и кровавым бойцом. Этот титул у Красного Короля (You do not have this title to be called the most bloodthirsty and violent fighter. This title is held by «the Red King»)

«The Red King» is the nickname of MMA fighter Rory MacDonald, which he received from the fans for the brutal and violent fights that the audience liked.

Nicknames can also be used as a way to insult the fighters, thus marking them and their fans as «foes». In this example, the fans of MMA fighter Conor McGregor are being called «bootlickers», while the fighter himself is called «McChicken». This nickname was originally created by the English-speaking MMA fans that took the surname of McGregor and replaced it with the word «chicken». This nickname appears to be introduced by fans who considered this fighter to be a weak opponent.

Шестерки Макчикена всегда в своем стиле (McChicken's bootlickers always act like that)

Next insulting nickname was created while using metonymy. It was given to MMA fighter Jon Jones when he failed his drug test for cocaine:

Расстроился Мистер Кокс (Mister Coke got upset)

Another type of the «friend or foe» opposition among the Russian fans of mixed martial arts is the division between new fans («newbies») or casual fans and hardcore fans, who have been following the sport for a while. Hardcore fans may use words like «casuals» with negative connotation. They also use words like «expert», «know-it-all» to mark fresh fans as «foes».

Эксперты мира единоборств, которые пишут, что Кроуфорд ноунейм - откуда вы такие узконаправленные?)"ММА и Макгрегор" - весь ваш словарный запас в дискуссиях на тему

прикладных видов?(Martial arts experts who wrote that Crawford is a noname - where are you coming from being so narrowly focused?) Is «MMA and McGregor» your entire vocabulary when you're discussing combat sports?)

Сразу видно, знаток единоборств! Топ 10 говорит! Его чуть в крайнем бою не убили и, это вообще не топ был)) о чем ты вообще))) там уровень в UFC выше в разы) (you can immediately see a martial arts expert here! he says he is in the top 10! He was almost killed in the last fight and his opponent wasn't in the top list at all)) what are you talking about))) the level of opponents in the UFC is several times higher)

Previously mentioned survey («Has your opinion about the fighters ever changed after seeing some particular publications?») showed us that MMA fans can transition from one group to another based on fighter's performance. At the same time "newer" fans can gain more «experience» and become hardcore fans. It means that social media users can change their allegiance inside the «Friend-Foe» opposition.

Conclusion

The study of the cognitive mechanism of the formation of tolerance and intolerance on MMA-themed social media pages shows that:

1. The communicative environment of social media is the result of the reactions of users (interpreters) who correlate their position with the material or comment that they see on social media. There is an interaction of metalanguage representations of interpreted messages and existing metalanguage representations of past experience that's happening at the cognitive level when users of social media pages interpret messages on social media.

2. The mechanism of the formation of communicative tolerance appears as a cognitive harmony. It manifests itself as a state of equilibrium between the interactions of metalanguage representations that are unfolding in an ordered trichotomy that is predetermined by expectation which is based on the knowledge that social media users possess and determines their attitude to the new information.

3. The process of formation of communicative tolerance and intolerance is based on a dynamic interaction scheme of metalanguage representations, which includes a frame of cognitive harmony. It consists of mental representations of social media users, mental representations of the messages that subscribers perceive on social

media and mental representations of comments posted by social media users during the process of perceiving those messages.

4. Tolerance exists as a form of interpersonal interaction that is characterized by a positive direction which is implemented with the set of cooperative strategies and tactics. Tolerance is defined by the desire to achieve mutual understanding, to implement coordinated cognitive and speech actions, to design a polite/friendly scenario of interpersonal interaction due to the alignment of axiological priorities. Communicative tolerance can be defined as the coordination of mental representations of experience (knowledge that the subject possesses) with mental representations of the perceived message found on social media, which leads the subject to an expression of a friendly attitude towards the received information.

5. At the cognitive level, communicative intolerance is defined as the coordination of mental representations of experience (knowledge that the subject possesses) with mental representations of the perceived message found on social media, which leads the subject to an expression of a hostile attitude towards the received information.

6. The process of interpretation on social media pages that are dedicated to mixed martial arts is reflected in the «Friend-Foe» opposition. The essence of tolerance is the readiness of a person to go beyond the limited circle of «friends». Tolerance includes two components: tolerance as a willingness to endure the influence of the «foes» to a certain limit, and also a willingness to let «foes» into an «inner circle» and establish interaction with them. The process of forming a group identity within the MMA community is built on the binary «Friend-Foe» opposition, which makes it directly opposite to the process of tolerance. Thus, the identity of MMA fan is also a source of intolerance. There are different groups within the MMA community in social media. Sports fans form smaller communities within social media pages, where they become «friends» for each other and «foes» for representatives of other mini-communities - fans of other fighters. These groups communicate on social media pages while using different markers that allow people to distinguish «friendly» and «opponent» groups. A person can change their group allegiance after receiving new information (such as watching new fight). Tolerance/intolerance, in turn, acts as a social arrangement within the three components: behavioral, emotional, and cognitive.

Литература

1. Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Парадоксы толерантности и девиантное поведение молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – №4. – С.32-37.
2. Гриценко Л.М. Коммуникативная стратегия дискредитации в интернет-коммуникации (на примере троллинга) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 55. – С. 29-42.
3. Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопр. языкознания. – 1983. – № 6. – С. 58–67
4. Иванов А.В. Виртуальные сетевые сообщества и праворадикальные политические традиции в среде молодежи // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – №7. – С. 14-17.
5. Пиянзина Т. С. Содержательно-языковые особенности текстов в социальной сети Instagram // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы IV Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 23-24 апреля 2018 г. : в 2-х т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – Т. 2. – С. 231-236
6. Гармаева В.И. Герменевтические основы техники понимания вербальных текстов. – М.: Изд-во «Флинта», 2019.
7. Шаколо А.В. Оппозиция «свой – чужой» и ее реализация посредством концептов «дом» и «лес» в дискурсе русских волшебных сказок // Русистика. – 2020. – Т. 18. – No 1. – С. 113–125.
8. Golf-Papez M., Veer E. Don't feed the trolling: rethinking how online trolling is being defined and combated // Journal of Marketing Management. – No 33 (15-16). – 2017. – Pp. 1336–1354.
9. Knobloch-Westerwick S., Mothes C., Polavin N. Confirmation Bias, Ingroup Bias, and Negativity Bias in Selective Exposure to Political Information // Communication Research. – No 47(1). – 2017. – P. 104–124.
10. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor / Metaphor and thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – Pp. 202–251.

11. Semashko T., Kravets L., Bondarenko A. The «friend-foe» opposition in Ukrainian linguoculture // *Linguistics and Culture Review*. – No 5(S4). – 2021. – Pp. 399–408.
12. Taipale J. The Structure of Group Identification. *Topoi: An International Review of Philosophy*. – No 38(1). – 2019. – Pp. 229–237.
13. Thagard P. *Mind: Introduction to cognitive science*. – The MIT Press, 1996.
14. Yip J. A., Schweitzer M. E., Nurmohamed S. Trash-Talking: Competitive Incivility Motivates Rivalry, Performance, and Unethical Behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. – №144. – 2018. – Pp. 125–144.

References

- Demiankov, V. Z. (1983). Ponimanie kak interpretirujushhaja dejatel'nost' [Understanding as an interpretive activity]. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 58–67.
- Golf-Papez, M., & Veer, E. (2017). Don't feed the trolling: rethinking how online trolling is being defined and combated. *Journal of Marketing Management*, 33 (15-16), 1336–1354.
- Gricenko, L. M. (2018). Kommunikativnaja strategija diskreditacii v internet-kommunikacii (na primere trollinga) [Communicative strategy of discrediting in Internet communication (based on trolling)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, 55, 29–42.
- Ivanov, A.V. (2017). Virtual'nye setevye soobshhestva i pravoradikal'nye politicheskie tradicii v srede molodezhi [Virtual network community and far-right political traditions among young people]. *Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo*, 7, 14-17.
- Knobloch-Westerwick, S., Mothes, C., & Polavin, N. (2017). Confirmation Bias, Ingroup Bias, and Negativity Bias in Selective Exposure to Political Information. *Communication Research*, 47(1), P. 104–124.
- Lakoff, G. (1993). The conceptual theory of metaphor. In A. Ortony (ed.) *Metaphor and thought*, (pp. 202–251). Cambridge University Press, Cambridge.
- Piianzina, T. S. (2018). *Soderzhatel'no-jazykovye osobennosti tekstov v social'noj seti Instagram* [Informative linguistic text features on the

- Instagram]. In *Strategii razvitiija social'nyh obshhnostej, institutov i territorij*, (pp. 231–236).
- Semashko, T., Kravets, L., & Bondarenko, A. (2021). The «friend-foe» opposition in Ukrainian linguoculture. *Linguistics and Culture Review*, 5(S4), 399–408.
- Shakolo, A.V. (2020). «Friend-or-foe» opposition and its implementation through the concepts “house” and “forest” in Russian fairy-tale discourse. *Russian Language Studies*, 18(1), 113–125.
- Taipale, J. (2019). The Structure of Group Identification. *Topoi: An International Review of Philosophy*, 38(1), 229–237.
- Tarmaeva, V.I. (2019). *Germenevticheskie osnovy tekhniki ponimaniya verbal'nyh tekstov [Hermeneutic foundations of understanding verbal texts]*. M.: Publishing house "Flint".
- Thagard, P. (1996). *Mind: Introduction to cognitive science*. The MIT Press.
- Vereshhagina, A. V., Gafiatulina, N. H., & Samygin, S. I. (2018). *Paradoksy tolerantnosti i deviantnoe povedenie molodezhi [Paradoxes of tolerance and deviant behavior of youth]* *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki*, 4, 32–37.
- Yip, J. A., Schweitzer, M. E., & Nurmohamed, S. (2017). Trash-Talking: Competitive Incivility Motivates Rivalry, Performance, and Unethical Behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 144, 125–144.

УДК 811.112.2, 811.112.5

<https://doi.org/10.25076/vpl.44.03>

И.В. Шведова

Российский университет дружбы народов

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕДЛОГОВ В НЕМЕЦКОМ,
ГОЛЛАНДСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ
ПРЕДЛОГОВ IN, AN И ВЕI)**

В статье анализируется функционирование предлогов в немецком, голландском и русском языках. В нашем исследовании мы сравнили контексты употребления предлогов «in», «an» и

«bei» в немецком языке и их эквивалентов в голландском и русском языках, а также их роли в предложении. В грамматическом строе немецкого, голландского и русского языков предлоги, как средства выражения грамматических и семантических отношений между членами предложения, занимают одно из ведущих мест.

В статье проводится экскурс в историю языков, описываются причины появления дислектов и тенденции их употребления в современном обществе.

Подробный анализ употребления предлогов в определенном контексте использования позволил выявить сходства и различия употребления предлогов в немецком и голландском языках. Выявленные особенности показывают, что, несмотря на их внешнюю грамматическую схожесть, эти языки имеют множественные лексические различия. Эти различия обосновываются индивидуальными историческими особенностями каждого языка. На русский язык мы можем перевести эти предлоги, исходя из контекста.

Однако хотя немецкий и голландский языки принадлежат к германской группе языков, а русский – к славянской, в них прослеживается тождественность в значениях немецких предлогов «in», «an» и «bei» и их эквивалентов в голландском и русском языках.

Ключевые слова: предлог, немецкий язык, голландский язык, русский язык, семантика, сходства и различия, контекстное употребление предлогов

UDC 811.112.2, 811.112.5

<https://doi.org/10.25076/vpl.44.03>

I.V. Shvedova

RUDN University

**FUNCTIONING OF PREPOSITIONS IN GERMAN, DUTCH
AND RUSSIAN (BY THE EXAMPLE OF THE PREPOSITIONS
IN, AN AND BEI)**

The article analyses functioning of prepositions in German, Dutch and Russian. In our study, we compared the usage contexts of the

prepositions “in”, “an” and “bei” in German and their equivalents in Dutch and Russian, as well as their role in the sentence. In the grammatical structure of the German, Dutch and Russian languages, prepositions, as a means of expressing grammatical and semantic relations between the members of a sentence, occupy one of the leading places.

The article provides an overview of the history of languages, describes the reasons for the appearance of dialects and the tendencies of their use in modern society.

A detailed analysis of the use of prepositions in a specific context made it possible to identify the similarities and differences in the use of prepositions in German and Dutch. The revealed features show that, despite their external grammatical similarity, these languages have multiple lexical differences. These differences are justified by the individual historical characteristics of each language. We can translate these prepositions into Russian based on the context.

However, although German and Dutch belong to the Germanic group of languages, while Russian belongs to the Slavic group, they have an identity in the meanings of the German prepositions “in”, “an” and “bei” and their equivalents in Dutch and Russian.

Keywords: preposition, German, Dutch, Russian, semantics, similarities and differences, contextual use of prepositions

Введение

Первые предположения о «генетической», или родственной, связи языков и об их исторической изменчивости высказывались среди ученых были такие выдающиеся теоретики, как М.В. Ломоносов и Г.В. Лейбниц. Изучение санскрита в XVIII веке положило начало становлению сравнительной лингвистики как науки, где главным принципом исследования является *исторический подход к языку*.

Немецкий, голландский (нидерландский) и русский языки входят в языковую семью индоевропейских языков. Голландский и немецкий языки относятся к германской группе языков, к западногерманской подгруппе. В нее включают также фризский, английский, фламандский, бурский, идиш. Русский язык входит в славянскую группу, которая делится на западную, южную и восточную подгруппы. Русский язык, относящийся к восточной

подгруппе, в которую входят также белорусский и украинский языки, находится в ближайшем родстве с этими языками.

Необходимо принимать во внимание то, что на территории современной Европы множество родственных языков были подвержены различным процессам исторического развития, что позволяет выявить множественные сходства и различия при сравнении во многих лингвистических аспектах (Жирмунский, 1956).

Немецкий язык сформировался примерно между 1200—800 годами до н.э., еще до переселения германских племен. Область, населенная древними германцами, была достаточно ограниченной. Различные контакты между ними привели к созданию целого ряда связанных друг с другом диалектов, которые не имели собственной письменности и являлись средствами коммуникации определенной семьи, рода, позднее – племени (Колотилова, 2007).

В истории немецкого языка обычно выделяют несколько периодов. Полными сведениями о немецком языке и его развитии мы располагаем лишь с того времени, когда появились первые письменные памятники немецкого языка, то есть с середины VIII века. О процессах, происходивших в языке в дописьменный период, о его лексическом, грамматическом и звуковом составе мы судим главным образом на основании сравнительно-исторического изучения древних германских языков, а также на основании истории германских племен (Москальская, 1959, с. 20).

Можно выделить несколько периодов истории развития и становления немецкого языка:

1. Древненемецкий период: VIII – XI вв.
2. Средненемецкий период: XII - XV вв.
3. Новонемецкий период: с XVI до наших дней (который в свою очередь делится на 1) ранненовонемецкий период XVI – XVII вв. и первая половина XVIII в.; 2) собственно новонемецкий период: с середины XVIII в.)

Данной систематизации предшествует дописьменный период истории немецкого языка, который сформировался между 1200—800 годами до н.э., еще до переселения многих германских племен. Область, которую населяли древние германцы, представляла собой достаточно ограниченную территорию. Постоянные контакты между ними, которые вполне можно

предположить в то время, привели к созданию целого ряда тесно связанных друг с другом диалектов. Эти диалекты не имели письменности и отвечали коммуникативным потребностям семьи, рода, позднее – племени (Колотилова, 2007).

Таким образом, немецкий литературный язык (Hochdeutsch) образовался на основе верхненемецких и средненемецких диалектов, в которых в течение средних веков произошел *второй перебой согласных*.

Изучив исторические процессы, можно сделать вывод, что современный немецкий язык представляет собой сложную систему. Главной исторической особенностью немецкого языка является то, что он, как и любой национальный язык, не однороден и является совокупностью различных существующих в нем языковых форм, но при этом имеет иерархическую структуру компонентов. Ученые относят сюда несколько основных форм:

Литературный язык (Hochdeutsch, Binnendeutsch или Standardsprache). Литературный немецкий язык (Hochdeutsch) является эталоном немецкой грамматики, фонетических правил и лексического словаря, а также общепринятым практически во всех сферах жизни немецкого населения. Данная форма языка используется в образовании, а также в СМИ и при деловом общении.

1. Разговорная речь (Umgangssprache);

2. В отдельную группу ученые выделяют также и региональные варианты разговорного немецкого. Сюда входят баварский, швабский, берлинский, баденский, северонемецкий и прочие языковые вариации;

3. Последней стилистической группой немецкого языка можно выделить разнообразные полудиалекты, варьирующиеся в зависимости от ареала.

Нидерландский язык начал формироваться приблизительно в V – начале VI века нашей эры, когда он отделился от франкского языка в ходе второго германского перебора согласных. Нидерландский язык прошел в своем развитии три стадии:

V – середина XII – древнеголландский язык;

Середина XII – начало XVI – среднеголландский язык;

XVI – наше время – современный голландский язык.

Древнейший из найденных на сегодняшний день письменных

источников датируется 1100 годом (Салическая правда – записи обычного права древних франков). Он составлен на одном из старых диалектов нидерландского и значительно отличается от современного языка, что делает документ практически невозможным для прочтения носителю. Первые литературные произведения на нидерландском начали появляться в XIII веке. Приблизительно с этого времени началось активное распространение языка и вытеснение им французского и латинского на территории, где находятся современные Нидерланды. Официально преподавать на нидерландском начали с 1797 году в старейшем университете Королевства Нидерландов - Лейденском университете.

Одна из основных исторических особенностей голландского языка состоит в том, что он, как и немецкий язык, характеризуется наличием большого множества диалектов. Основным официальным языком, который используется в обязательном образовании, в СМИ и при деловом общении, является «стандартный» нидерландский (Standaardnederlands). Влияние диалектов на голландский настолько велико, что некоторые ученые - лингвисты выделяют его самую распространенную диалектальную форму в отдельный язык – фламандский язык. В действительности, данный диалект распространен не только на территории Королевства Нидерландов, но и существует как самостоятельный язык – французский фламандский, и в настоящий момент имеет около 80 тысяч носителей, проживающих на территории Франции.

Современные ученые выделяют несколько форм существования голландского (нидерландского) языка. Так же, как и для немецкого языка, для голландского характерно наличие литературного «стандартного» языка (Standaardnederlands) и множества диалектов и диалектальных наречий. Стандартным языком является голландский, который в целом применим во всех важных сферах общественной жизни, таких как администрация, юстиция, образование и средства массовой информации. В формальной, официальной или деловой коммуникации используется стандартный язык. Стандартный язык также используется в ситуациях, когда социальная дистанция между носителями довольно велика, например, во время первого контакта с

незнакомцами. Стандартный язык используется в деловых текстах: письмо из банка, статьи в газетах и журналах. Голландскими учеными-лингвистами стандартный язык также называется General Dutch (общепринятый нидерландский язык).

Диалект – это местная форма голландского (нидерландского) языка. Поскольку каждый диалект имеет свои специфические для конкретного места характеристики, такие как типичное произношение, лексика и даже структура предложений, он используется носителями только в ограниченном числе ситуаций: при контактах с людьми из ближайшего окружения, например, дома или с семьей, и при контактах с людьми из той же деревни или области.

Еще одна форма существования нидерландского языка - промежуточный язык (Tussentaal). Это сильный разговорный язык Брабант-Антверпен, который имеет как стандартные языковые, так и диалектные характеристики. Данная форма языка характерна для носителей фламандского диалекта, и является смешением литературного (стандартного языка) и фламандского диалекта.

Границы между этими типами голландского языка не могут быть четко очерчены, но постепенно стандартный язык сливается с промежуточным языком, а промежуточный - с диалектом. Все меньше фламандцев говорят на чистом диалекте.

Таким образом, современный голландский (нидерландский) язык представлен следующими формами:

1. Литературный или «стандартный» нидерландский (Standaardnederlands).
2. Промежуточный нидерландский (Tussentaal) или обиходный язык (Omgangstaal).
3. Диалекты (Dialect)

Standaardtaal

Heb je nog een kop koffie voor me?

Tussentaal

'Ebde nog een tas koffie voor mij?

Dialect

Édde nog een zjat kaffe veu maai?

Тем не менее, к еще одной значимой исторической особенности голландского языка можно отнести то, что в ходе своего развития

он, как и английский язык, не проходил стадию верхненемецкого сдвига согласных. Данный исторический факт значительно отличает его от немецкого языка и выделяет из группы германских языков.

Вклад голландского языка в мировую культуру очевиден – в XVII веке на основе нидерландского языка сформировался африкаанс – официальный государственный язык Намибии и ЮАР. Кроме того, голландский язык был официальным языком Индонезии до обретения ею независимости в 1962 году. У нидерландского языка была реальная возможность стать общемировым, каким сейчас является английский, ведь голландские колонии занимали огромные территории по всему миру. В отечественной лингвистике также отмечается особое влияние нидерландского языка на русский. В русском языке достаточно много заимствований из нидерландского. Большинство из них пришли во времена Петра I и закрепились в русском языке. Наиболее яркие примеры: *stoel* — стул; *broek* — брюки; *oester* — устрица.

Значительная часть заимствований из нидерландского приходится на тематику судоходства:

admiraal – адмирал; *bootzman* – боцман; *haven* – гавань; *kompas* – компас; *matroos* – матрос; *stuurweil* – штурвал; *jacht* – яхта.

История происхождения **русского языка** начинается в глубокой древности. Во 2-1-м тысячелетии до н. э. из группы родственных диалектов индоевропейской семьи языков выделился протославянский язык (на поздней стадии называемый праславянским). Уже в Киевской Руси (9 - начале 12 вв.) древнерусский язык стал средством общения некоторых тюркских, финно-угорских, балтийских и др. племён и народностей.

В 14-16 вв. юго-западная разновидность литературного языка восточных славян стала языком государственности и православной церкви в Великом княжестве литовском и в Молдавском княжестве. В 1708 произошло разделение гражданского и церковно-славянского алфавита. В 18-19 вв. получила распространение светская письменность, церковная литература отодвигалась постепенно на задний план и, наконец, её язык превратился в своеобразный церковный жаргон. Бурное развитие научно-технической, административной, военной и др.

терминологий, вызывало большой приток слов и выражений из западноевропейских языков. Особенно со 2-й половины 18 в. повлиял на русскую лексику и фразеологию французский язык.

В современном русском языке наблюдается интенсивный приток специальной терминологии, вызванный потребностями научно-технического прогресса. В начале 18 в. терминология заимствовалась русским языком в основном из немецкого языка, в 19 в. - из французского, в середине 20 в. – из английского языка (Колесов, 2010).

Современный русский язык функционирует сегодня в следующих формах. Литературный язык — нормированный образцовый язык. Он соответствует обязательным нормам грамматики и стилистики. Этот язык обрабатывался долгое время в текстах великих писателей и поэтов. Он существует в устной и письменной форме.

Далее выделяют территориальные диалекты, профессиональные разновидности языка (профессионализмы), жаргоны, просторечие.

Территориальные диалекты, или народные говоры, - это разновидность национального русского языка. В отличие от литературного языка, каждый из диалектов ограничен определенной территорией. В отличие от литературного языка, диалекты существуют в устной форме, их грамматические и лексические нормы не закреплены официально и существуют только на относительно небольшой для носителей данного диалекта. Примерами могут являться, например, костромской или вологодский диалекты.

Профессиональные разновидности языка (профессионализмы) – это тоже своего рода диалекты, но не территориальные, а социальные. Они свойственны определенной группе людей, объединенных одной профессией (водители, столяры, шахтеры, системные администраторы). Например, вальтрап – одеяло, которое кладут лошади на спину под седло, рептух – мешок с сеном.

Для профессиональной речи характерна замена терминов синонимами (как правило из бытовой лексики). Например, знак, запрещающий въезд, водители называют «кирпич», трава у конников – «зеленка», трензель (железная часть уздечки,

находящаяся во рту лошади) – «железо».

Некоторые профессионализмы могут понять только люди определенных профессий. Например, невозможно определить значение слова «парашютист» у медиков (человек, получивший множество переломов при падении). «Козел» и «свечка» на языке конников означают формы неповиновения лошади, «пиджак» на языке военных – офицер, не закончивавший высшее военное учебное заведение.

Жаргоны являются одной из разновидностей социальных диалектов, которые используются в определенных социальных группах, как правило, в устной речи. Их цель – выделение себя из основной части общества. Так, у студентов срезаться, засыпаться обозначает «не сдать экзамен», хвост — несданный экзамен. Школьники (и не только они, но часто и их родители) используют в своей речи такие жаргонизмы, как шпора (шпаргалка), продленка (продленный день в школе).

Просторечие – это разновидность языка, в которой используются языковые средства, которые не являются нормой литературной речи: съездею вместо съезжу, покласть вместо положить, скока вместо сколько. Просторечные слова, формы слова, выражения, произношение, ударения упрощаются, часто они грубоваты, для них характерна стилистическая окрашенность, сниженность: грабли (руки), образина, синяк (алкоголик), жмурик (труп) здоровенный, вломить (ударить), дрыхнуть (спасть), облапошить и т.д.

В нашем исследовании мы сравнили контексты употребления предлогов в немецком, голландском и русском языках в литературном стиле, а также их роли в предложении для выявления как различий, так и аналогий их функционирования. Мы рассмотрели контекстные употребления предлогов немецкого языка «in», «an» и «bei» и их эквивалентов в голландском и русском языках.

Характеристика предлога in немецкого языка в сопоставлении с голландским и русским языками

С точки зрения грамматики предлог можно охарактеризовать следующим образом:

1. предлог является *служебной частью речи*, что отличает его от других функциональных слов, входящий в класс *партикелей*, к которым также относятся наречия, союзы и междометия;

2. предлог *не является самостоятельной частью речи*.

По мнению О. И. Москальской предлог относится к группе синсемантики – служебные части речи (с синтаксической функцией: предлог, союз, связка, частица) (Москальская, 2004).

Предлог является *неизменяемой лексической единицей* и в изоляции от контекста *не имеет конкретного лексического значения*. В связи с этим, в учёном мире принято считать, что предлоги характеризуются большей абстрактностью своего значения, так как оно напрямую зависит от контекста использования. Это обуславливает специфичность роли предлога в языке и его особенности функционирования.

Одной из основных причин, препятствующих рассмотрению предлога как языкового знака, обладающего номинативной функцией, является отождествление значения предлога и денотата, обозначаемого данным предлогом (Мальцева, 2004).

Предлог «In» вступает в 28% предложных сочетаний, относится к временным и пространственным (локативным) предлогам. Немецкий предлог «in» отличается обширной полисемией (in drei Wochen (temporal) – in roter Farbe (modal) – sich in jemanden verlieben (neutral)) и имеет множество значений. На русский язык чаще всего переводится как "в, на" и употребляется в сочетаниях и с дательным и с винительным падежами (Dativ, и с Akkusativ). Рассмотрим все случаи употребления.

1. Предлог «In» выступает пространственным предлогом при обозначении места – отвечая на вопрос «где? Wo?» В данном случае требует после себя употребления дательного падежа (Dativ). Данный предлог используется для указания на регулярное или длительное пребывание в каких-либо местах, зданиях, организациях, заведениях, в регионах, странах (с артиклями), в горах, а также для обозначения нахождения в закрытом помещении или на какой-либо улице.

Рассмотрим следующие примеры:

Выражение на немецком языке	Выражение на голландском языке	Перевод на русский язык
1) Treffen wir uns	Laten we elkaar	Встречаемся

in 10 Minuten in der Buchhandlung.	ontmoeten in de boekenwinkel (lokal) over tien minuten (temporal).	через 10 минут в книжном
2) Wir sehen uns in der Bar.	Ik zie jullie aan de bar.	Увидимся в баре
3) Meine Tasche liegt noch in der Bar.	M'n tas ligt nog in de bar.	Моя сумка все еще в баре.
4) Wir haben uns hinten rausgeschlichen und sind im Park.	We zijn weggeglip via de dienstingang en naar het park gegaan. (аналогия Akkusativ-a)	Мы выбрались обратно и теперь мы в парке (=пришли в парк)
5) Hier ist meine Lieblingsstelle im Park.	Dit is mijn lievelingsplekje in 't park.	Это мое любимое место в парке
6) Die Lage in diesem Land ist besorgniserregend.	De situatie in het land is ernstig	Ситуация в этой стране осложненная
7) Vor einigen Tagen wurden in den USA der Military Act unterzeichnet.	Enige dagen geleden werd in de VS de Military Commissions Act 2006 ondertekend.	Несколько дней назад в США был подписан Закон о военных комиссиях 2006 года.
8) Sie wohnen in Kalifornien	Ze wonen in Californië	Они живут в калифорнии
9) Sie wohnen auch in dieser Stadt.	Ja, en ze wonen hier in de stad	Они тоже живут здесь, в этом городе.
10) die Unzufriedenheit im Volk wachset	de ontevredenheid onder de bevolking,	Недовольство населения (=среди населения)
11) Das zweite Mal ist, wenn man sich für immer seinen Platz im Volk verdient.	De tweede keer is als je je plaats verdient bij 't volk , voor altijd.	Заработать место среди народа.

12) Sie leben im Wasser, wir an Land.	Zij leven in het water wij op land.	Они живут в воде, мы – на суше.
---	---	------------------------------------

Таким образом, немецкий предлог *in* в контексте нахождения в закрытом помещении, местах, зданиях, организациях, заведениях, в регионах, странах является аналогом голландского предлога *in* (пример 1, 3, 5, 7, 8, 9, 12). Также прослеживается тенденция избегания дательного падежа (пример 4). Аналогом немецкого предлога *in* также выступает голландский предлог *aan*, который больше подойдет для указания нахождения в конкретном, небольшом закрытом пространстве, помещении (пример 2). Маркером собирательного понятия выступают предлоги *onder* и *bij* (примеры 10, 11) в значении «среди многих».

Для русского языка в данных примерах характерно употребление предлога «в» (примеры 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12).

2) Предлог «In» выступает пространственным предлогом при обозначении направления движения «куда? Wohin?» (Akkusativ). Данный предлог используется для указания на регулярные посещения каких-либо мест или же поход на длительное время в какие-либо здания, организации, заведения, поездки в регионы, страны (с артиклями) в горы, а также для обозначения перемещения в закрытое помещение или на какую-либо улицу.

Рассмотрим следующие примеры:

Выражение на немецком языке	Выражение на голландском языке	Перевод на русский язык
Ich will auch in die Bar .	Ik wil ook naar de bar .	Я тоже хочу в бар;
Wir können einfach in den Park oder so gehen.	We kunnen naar het park gaan	Мы можем сходить в парк;
Hauptsache, du gehst ab und zu in die Vorlesung	Ben al blij dat je af en toe naar de les gaat	Главное, что ты время от времени приходишь на лекции;
Wir Australier kommen in Ihr Land als Gäste.	Wij Australiërs komen naar uw land als gasten	Мы, австралийцы, приезжаем в вашу страну как гости;
Der Punkt ist,	Niet echt	Дело в том, что

dass die Jungs und ich zurück in die Wohnung gingen	belangrijk, het punt is dat de jongens en ik terug naar het appartement gingen.	мы с мальчиками вернулись в квартиру.
--	--	---------------------------------------

Соответствием предлога **in** в винительном падеже в немецком языке выступает голландский предлог **naar** в большинстве случаев. Крайне редко в разговорной речи или в интернете можно встретить употребление голландского предлога **in**. В русском языке в данном случае употреблется предлог «в».

3) Предлог «In» выступает временным предлогом при обозначении временных отношений, отвечая на вопрос "когда?" (Dativ). Этот предлог передает неопределенный момент времени в рамках заданного временного периода. Сюда относятся недели, месяцы, времена года, десятилетия, столетия и будущее время.

Рассмотрим следующие примеры:

Выражение на немецком языке	Выражение на голландском языке	Перевод на русский язык
1) Im Juli habe ich Belarus besucht.	In juli heb ik Wit-Rusland bezocht.	В июле я был в Беларуси.
2) Die Beschäftigung in Europa im Jahre 1998 .	De werkgelegenheid in Europa in 1998 .	Занятость в Европе на 1998 год.
3) Deshalb wird sich an der Situation in nächster Zeit auch nicht viel ändern.	In de nabije toekomst zal er dan ook weinig veranderen in deze situatie.	Поэтому в ближайшем времени ситуация мало измениться.
4) Gesundheitliche Ungleichheiten können in der Kindheit beginnen	Ongelijkheid op gezondheidsgebied kan al in de kinderjaren beginnen	Неравенство в отношении здоровья может начаться еще в детстве
5) Treffen wir uns in 10	Laten we elkaar ontmoeten in de	Встречаемся через 10 минут в

Minuten(temporal) in der Buchhandlung(lokal).	boekenwinkel (lokal) over tien minuten(temporal).	книжном
---	--	---------

Таким образом, временной предлог *in* в немецком языке соответствует голландскому предлогу *in* в случаях употребления с неделями, месяцами, годами. Такие устойчивые выражения как *in nächster Zeit* (пример 3) могут заменяться аналогичными устойчивыми выражениями (*in den nächsten Monaten* = *in de komende maanden*) или же такими наречиями, как *binnenkort* (вскоре). Пример 5 иллюстрирует, что предлог «*in*» можно перевести голландским предлогом «*over*» в значении через какое-то приблизительное время. На немецкий выражение «*over tien minuten*» можно перевести как «*etwa zehn Minuten*». На русский язык предлог «*in*» можно перевести как «в» или «через» (пример 5).

4) Предлог «*In*» имеет также нейтральное употребление с дательным падежом.

Рассмотрим следующие примеры:

Выражение на немецком языке	Выражение на голландском языке	Перевод на русский язык
1) Mir gefällt der im roten Hemd.	Ik vind die met het rode hemd leuk	Мне нравится этот в красной рубашке ...
2) Sie haben die in allen Farben.	Ze hebben ze in alle kleuren.	У них есть все расцветки
3) Ich fand mich in der Kunst.	Ik vond mezelf terug in de kunst	Я нашел себя в искусстве
4) Das Fernsehen war in einer fremden Sprache	De tv was in een taal die ik niet begreep	Нем.: Телевидение было на иностранном языке; Голл.: телевидение было на языке, который

		я не понимал.
Aber jetzt ist alles in Ordnung.	Maar het is in orde nu	.. но теперь все в порядке

В этом случае предлоги немецкого и голландского языков употребляются схоже, за исключение предметов одежды (пример 1). В голландском языке для этого существует отдельное выражение *met...aan* (*aan hebben*). Дословно «иметь что-то на себе». Также устойчивое выражение *alles in Ordnung* можно перевести как *alles is goed* (*het is goed*). На русский язык предлог «in» переводится различными способами. Это зависит от управления глаголов, значения слов, от контекста.

Характеристика предлога an немецкого языка в сопоставлении с голландским и русским языками

Предлог «An» вступает в 10% (8,8%) предложных сочетаний, относится к временным и пространственным (локативным) предлогам. Немецкий предлог «an» отличается обширной полисемией (*am Morgen* (temporal) – *am Ende* (modal) - *an der Universität* (local)) и имеет множество значений. Однозначно на голландский и русский языки данный предлог перевести невозможно, так как перевод во многих случаях зависит от контекста употребления. Особенность функционирования данного предлога в то, что он требует сочетания с дательным и с винительным падежами (с *Dativ* и с *Akkusativ*.) Рассмотрим наиболее частые случаи употребления этого предлога.

1) Предлог «An» выступает пространственным предлогом при обозначении места – отвечая на вопрос «где? Wo?» В данном случае требует после себя употребления дательного падежа (*Dativ*). Данный предлог используется для указания на расположение предмета на, у вертикальной поверхности, около.

Рассмотрим следующие примеры:

Выражение на немецком языке	Выражение на голландском языке	Перевод на русский язык
1) Seine Nummer steht an der Wand.	1) Z'n nummer hangt op de muur.	1) Номер указан на стене
2) Sitz neben mir am Ende des Tisches.	2) Je mag naast me zitten aan het	2) Присаживайтесь ко мне за конец стола

	einde van de tafel.	
3) Deswegen gewinnen Sie am Ende immer.	3) Daarom zijn ze, uiteindelijk... altijd de winnaar.	3) Вот почему они побеждают в конце концов.
4) Eine Wolke am Himmel ähnelt Präsident Pierce.	4) Er is een wolk in de lucht die op president Pierce lijkt.	4) Облако в небе напоминает президента
5) Er war ein Professor an der Universität.	5) Hij was hoogleraar op de universiteit.	5) Он был профессором в университете
6) Mach ein paar Termine an der Universität, finde raus was du kannst.	6) Maak wat afspraken bij de universiteit, zoek uit wat je kan.	6) Запишитесь на встречу при университете.

На примерах повседневной речи в функционировании голландских предлогов чётко прослеживается избегание дательного падежа, как в 6 примере. Аналогами употребления немецкого предлога an могут выступать совершенно разные голландские предлоги, в зависимости от контекста. Единственная закономерность, которую можно проследить – в значении «на вертикальной поверхности» как правило аналогом будет выступать предлог op. В англоязычной теоретической литературе данному голландскому предлогу соответствует предлог at, что также подтверждает закономерность его употребления. Более того, такие устойчивые сочетания как am Ende (в конце концов) имеют свой аналог в нидерландском языке (пример 3).

Для русского языка в подобных примерах характерно употребление предлогов «в» (примеры 3, 4, 5), «за» (пример 2), «на» (пример 1) и «при» (пример 6).

2) Предлог «An» выступает пространственным предлогом при обозначении направления движения «куда? Wohin?» (Akkusativ). Данный предлог употребляется в случаях, когда идет речь о поездках на всевозможные водоемы и на перемещение / нахождение чего-либо непосредственно к какой-либо вертикальной поверхности.

Рассмотрим следующие примеры:

Выражение на немецком языке	Выражение на голландском языке	Перевод на русский язык
1) Ich würd mit dir ans Meer fahren, dich ins Wasser schmeissen.	1) Ik zou je in de zee gooien	1) Я поехал с тобой на море / я бы тебя утопил в море
2) Remus genießt eine Reise an die Küste.	2) Remus geniet van een reisje naar de kust.	2) Ремус наслаждался поездкой к побережью
3) Erinnerst du dich an die juristische Fakultät?	2) Weet je nog tijdens de studie?	3) Ты помнишь свое обучение на юридическом факультете / ты помнишь времена обучения?

В голландском языке на этих примерах можно проследить явное избегание употребления падежных конструкций и использование контекстного, не дословного перевода предложений. Особенно это заметно на примерах 1 и 3.

В русском языке нет определенного эквивалента для перевода предлога «an». Здесь мы можем опираться только на контекстуальное значение и в соответствии с этим переводить все предложение на русский язык.

3) Предлог «an» выступает временным предлогом при обозначении временных отношений, отвечая на вопрос "когда?" (Dativ). Он используется с названиями дней, дат, времени суток, праздничных дней.

Рассмотрим следующие примеры:

Выражение на немецком языке	Выражение на голландском языке	Перевод на русский язык
1) Am nächsten Samstag standen wir vor der ersten Tür.	1) De volgende zaterdag stonden we bij de eerste deur.	1) В следующую субботу мы были снова перед первой дверью

2) Er wurde am 13. März 2005 auf der Straße nach Ramallah festgenommen.	2) Hij werd op 13 maart 2005 op de weg naar Ramallah aangehouden.	2) Он был арестован 13 марта 2005 года по дороге в Рамаллах.
3) Sie dürfen am Abend nach Hause gehen	3) Avonds mag U naar huis zijn	3) Вечером вы можете пойти домой
4) Jedenfalls erwachte ich am nächsten Morgen alleine im Lager.	4) De volgende ochtend merkte ik dat ik helemaal alleen in het kamp was.	4) На следующее утро я проснулся один в лагере

Данные примеры иллюстрируют, что в случае функционирования временного предлога an с дательным предлогом в немецком языке, его аналог в голландском языке отсутствует. Голландцы не употребляют предлог перед такими фразами как «на следующее утро» (пример 4), «в следующую субботу» (пример 1) или «этим вечером» (пример 3).

В русском языке также нет точно определенного предлога для перевода. Это могут быть предлоги «в» (пример 1), «на» (пример 4). В некоторых случаях предлог отсутствует (примеры 2, 3). В русском языке перед датами и обозначением времени дня предлоги, как и в голландском языке чаще всего не употребляются.

Характеристика предлога bei немецкого языка в сопоставлении с голландским и русским языками

Предлог «Bei» является одним из двадцати самых употребляемых предлогов немецкого языка. Для этого предлога также характерна обширная полисемия, например, bei в значении «у»: Bei ihr с дательным падежом, в значении одновременности действий Beim Essen, в значении «в чем-то» или «во время чего-то» Bei seiner Arbeit. Этот предлог передает значение одновременности, вопросом при таком употреблении будет вопрос Wann?

1) Bei выступает пространственным предлогом в значении «у» «при» «рядом», отвечает на вопрос Wo? И управляется дательным падежом.

Рассмотрим следующие примеры:

Выражение на немецком языке	Выражение на голландском языке	Перевод на русский язык
1) Sie blieb bei dir, als du ohnmächtig wurdest.	Ze bleef bij je toen je wegviel.	Она осталась с тобой, когда ты упал в обморок
2) So, wie es anfangs bei dir war.	Net zoals ze met jou deden	Как сначала (было) и с тобой
3) Sie sind fast bei der Kirche.	Ze zijn bijna bij de kerk.	Они вскоре были у церкви
4) Dieser wurde nicht zuvor bei der Kommission angemeldet.	Dit besluit is echter niet vooraf bij de Commissie aangemeld.	Это ранее не упоминалась при комиссии

Исходя из данных, можно предположить, что в большинстве случаев аналогом немецкого предлога *bei* выступает голландский предлог *bij*. Однако, есть некоторые особенности в его функционировании. Например, аналогом предлога *bei* так же может выступать предлог *met* (в значении «с»).

В русском языке аналогом предлога *bei* могут выступать предлоги «с» (1 и 2 примеры), «у» (3 пример) и «при» (4 пример).

2) Следующее значение употребления предлога «**Bei**»: он выступает временным предлогом и служит для передачи одновременности действий. В этом случае он требует после себя дательного падежа.

Рассмотрим следующие примеры:

Выражение на немецком языке	Выражение на голландском языке	Перевод на русский язык
1) Auch Sie haben hier mehrere Gesetze erwähnt, bei denen wir Fortschritte erzielen wollen.	1) U hebt zelf ook een aantal rechtsnormen vermeld waarmee we absoluut vooruitgang willen boeken.	1) Вы упомянули законы, при которых мы достигнем прогресса

2) Zwei helle Köpfe bei der Arbeit.	2) Twee grote geesten aan het werk hier.	2) Две светлые головы за работой
3) Nun, wir sind bei der Arbeit.	3) We zijn aan het werk dus...	3) Мы работаем
4) Keiner bei der Arbeit kannte ihn.	Niemand op het werk kende hem.	Никто с работы его не знал
5) Wir sehen uns bei der Arbeit.	Ik zie je op het werk.	Встретимся на работе

В голландском языке особый интерес в этом случае представляет феномен выражения «за работой» - «на работе». Если речь идет о работе, как о непосредственном труде, будет употребляться предлог *aan*. Если же речь о работе, как об учреждении или абстрактном понятии тогда следует употребить предлог *op*. (пример 2-5).

В русском языке мы видим также предлог «при» (пример 1), предлоги «за» (пример 2), «с» (пример 4) и «на» (пример 5). В некоторых случаях предлог «bei» также не переводится (пример 3).

Выводы

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что в грамматическом строе немецкого, голландского и русского языков предлоги, как средства выражения грамматических и семантических отношений между членами предложения, занимают одно из ведущих мест.

Подробный анализ употребления предлогов в определенном контексте использования позволил выявить сходства и различия употребления предлогов в немецком и голландском языках. Выявленные особенности показывают, что, несмотря на их внешнюю грамматическую схожесть, эти языки имеют множественные лексические различия (Малюга & Банщикова, 2011). Эти различия обосновываются индивидуальными историческими особенностями каждого языка (Krivtsova &

Kucheryavenko, 2019). На русский язык мы можем перевести эти предлоги, исходя из контекста.

Однако, хотя немецкий и голландский языки принадлежат к германской группе языков, а русский – к славянской, в них прослеживается тождественность в значениях немецких предлогов «in», «an» и «bei» и их эквивалентов в голландском и русском языках.

Литература

1. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956.
2. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка. – СПб, СПбГУ, 2010.
3. Колотилова Н.С. Курс лекций по истории немецкого языка. – Рязань, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, 2007.
4. Мальцева О.Л. Предлог как средство концептуализации пространственных отношений: дисс. ... канд.филол.н. – Тверь: ТГУ, 2004.
5. Малюга Е.Н., Банщикова М.А. Англоязычный профессиональный жаргон в немецком рекламном медиадискурсе. Саарбрюккен, 2011.
6. Москальская О.И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка. – М.: Академия, 2004.
7. Duden. Die Grammatik. – Bd. 4: Grammatik. – Münzberg: Duden-Verlag, 2009.
8. Oosterhoff J.A. Basic Dutch : a grammar and workbook – London, Routledge, 2009.
9. Quist G., Strik D.; Dutch grammar. – London, Assimil, 2008.
10. Hear Dutch Here. [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://www.heardutchhere.net/Dutch12.html>
11. Context Reverso. [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://context.reverso.net/%C3%BCbersetzung/>
12. Krivtsova T. F., Kucheryavenko V. V. The linguistic aspect behind the changing attitudes towards ‘globalisation’ and ‘deglobalisation’ of economic processes (a case study of the German print media) // Training, Language and Culture. - № 3(3). - 2019. – С. 56-69. doi: 10.29366/2019tlc.3.3.4

References

- Context Reverso. (2021). Retrieved from <https://context.reverso.net/%C3%BCbersetzung> (Accessed 15.11.2021)
- Duden, (2019). *Die Grammatik* [grammar]. Bd. 4: Grammatik. Münzberg: Duden-Verlag.
- Hear Dutch Here. (2021). Retrieved from <https://www.heardutchhere.net/Dutch12.html> (Accessed 25.09.2021)
- Kolesov, V.V. (2010). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka* [Historical grammar of the Russian language]. SPb, SPbGU.
- Kolotilova, N.S. (2007). *Kurs leksii po istorii nemetskogo iazyka* [A course of lectures on the history of the German language]. Riazan', Riazanskii gosudarstvennyi universitet im. S.A. Esenina.
- Krivtsova, T. F., & Kucheryavenko, V. V. (2019). The linguistic aspect behind the changing attitudes towards 'globalisation' and 'deglobalisation' of economic processes (a case study of the German print media). *Training, Language and Culture*, 3(3), 56-69. doi: 10.29366/2019tlc.3.3.4
- Mal'tseva, O.L. (2004). *Predlog kak sredstvo kontseptualizatsii prostranstvennykh otnoshenii* [Preposition as a means of conceptualizing spatial relations]. (Candidate thesis abstract, Russia). Tver': TGU.
- Malyuga E.N., Banschikova M.A. English professional jargon in german media advertising course. Saarbrücken, 2011.
- Moskal'skaia, O.I (2004). *Teoreticheskaia grammatika sovremennogo nemetskogo iazyka* [And Theoretical grammar of the modern German language]. Moscow: Akademiia.
- Oosterhoff J.A. Basic Dutch : a grammar and workbook. London, Rouledge, 2009.
- Quist, G., & Strik, D. (2008). *Dutch grammar* [Dutch grammar]. Londeon, Assimil.
- Zhirmunskii, V.M. (1956). *Nemetskaia dialektologiia* [German dialectology]. Moskow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1956.

УДК 811.111

<https://doi.org/10.25076/vpl.44.04>

В.Л. Малахова

Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России

СПЕЦИФИКА ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ДИСКУРСА

Целью исследования является изучение функциональных логико-семантических отношений и их видов в английском дискурсе. Актуальность исследования обусловлена применением принципов функциональной лингвистики, что позволяет провести полноценный динамико-системный анализ функциональных отношений дискурса. Под функциональными отношениями понимается смысловое соотношение суждений, выражаемых в коррелирующих высказываниях. Анализируются логико-семантические отношения, последовательно образующиеся между двумя (и более) высказываниями в английском дискурсе. Логико-семантические отношения представляют собой общие параметры порядка смысловой системы дискурса, которые способствуют функциональной и содержательно-смысловой организации английской речи.

Автор описывает основные виды логико-семантических отношений (тождество, включение, исключение, соподчинение, пересечение), приводит примеры, иллюстрирующие их дискурсивные свойства. Выявляется роль компонентов английского дискурса в процессе формирования логико-семантических отношений и создания целостной смысловой системы дискурса. Методом исследования является дискурс-анализ. В качестве материала исследования используется английский художественный дискурс.

Проведенное исследование позволяет заключить, что смысловое и структурное взаимодействие компонентов английского дискурса формирует его функциональные отношения, на которые также воздействует внешняя по отношению к дискурсу среда (общее миропонимание коммуникантов и конкретная коммуникативная ситуация). Семантическое

взаимодействие компонентов дискурса обуславливает функциональную динамику дискурса и продвижение его смысловой системы к заданной коммуникативной цели.

Автор приходит к выводу о том, что логико-семантические отношения являются одним из базовых факторов, способствующих оптимальному формированию функционального пространства английского дискурса.

Ключевые слова: английский дискурс, динамико-системный подход, функциональные отношения, логико-семантические отношения, тождество, включение, исключение, соподчинение, пересечение

UDC 811.111

<https://doi.org/10.25076/vpl.44.04>

V.L. Malakhova

MGIMO University

SPECIFICITY OF ENGLISH DISCOURSE LOGICO-SEMANTIC RELATIONS

The objective of the research is the study of functional logico-semantic relations and their types in English discourse. The relevance of the study stems from the application of functional linguistics principles, which makes it possible to carry out a deep dynamic system analysis of discourse functional relations. The functional relations of discourse are considered as the link between the propositions expressed in correlated statements. The article analyzes discourse logico-semantic relations consistently formed between two (or more) sentences in English discourse. Logico-semantic relations are general order parameters of the discourse sense system that contribute to the functional and semantic organization of English speech.

The author describes the main types of logical-semantic relations (identity, inclusion, exclusion, subordination, intersection), gives examples illustrating their discursive properties. The role of English discourse components in the process of forming logico-semantic relations and creating an integral discourse sense system is specified. The research method is discourse analysis. English fiction discourse is used as the research empirical material.

The conducted study leads to the inference that semantic and structural interaction of English discourse components forms its functional relationships, which are also influenced by the environment external to the discourse (general world perception of the communicants and a specific communicative situation). Semantic interaction of discourse components determines the functional dynamics of discourse and the advancement of its sense system towards the set communicative goal.

The author concludes that logico-semantic relations are one of the key factors contributing to the optimal formation of English discourse functional space.

Keywords: English discourse, dynamic system approach, functional relationships, logico-semantic relations, identity, inclusion, exclusion, subordination, intersection

Введение

Дискурс является объектом лингвистических исследований довольно долгое время. Однако множество проблем, связанных с дискурсом, по-прежнему привлекают внимание ученых, что придает им актуальный характер. Дискурс представляет собой способ передачи общего значения с помощью языковых средств, выбор и употребление которых зависит от социальных условий, участников коммуникации и обстоятельств самой коммуникативной ситуации (Кашкин, 2010; van Dijk, 2015; Naken, 2000). Перспективной научной парадигмой изучения дискурса, в рамках которой проводится настоящее исследование, является динамико-системный подход, что подтверждается наличием многочисленных исследований в этом направлении (Пономаренко, 2013; Aleksandrova, 2017; Khranchenko, 2019).

Особый интерес вызывает анализ **функциональных отношений** (связей) дискурса – специфической семантической функции, реализуемой при взаимодействии предложений и отражающей взаимосвязь между фактами и их свойствами в процессе порождения и восприятия текста (van Dijk, 1981). Изучение функциональных отношений английского дискурса требует сопоставления смысловых объемов пропозиций высказываний, выступающих как компоненты дискурса и отражающих описываемый фрагмент реальной или

конструируемой автором действительности (Пономаренко, 2015).

Целью данного исследования является анализ логико-семантических отношений английского дискурса, актуализируемых в разных видах смыслового взаимодействия высказываний в речевой цепи. В качестве метода исследования используется дискурс-анализ. Материалом исследования послужили фрагменты английского художественного дискурса, который является источником образцов речевой деятельности носителей английского языка.

Общая характеристика и типология логико-семантических отношений в английском дискурсе

Поскольку дискурс представляет собой многоуровневую незамкнутую систему, для организации его иерархической смысловой структуры необходимы определенные регулятивные механизмы – то, что, например, в лингвосинергетике квалифицируется как параметры порядка системы дискурса. В этом качестве действуют функциональные отношения, формирующие и упорядочивающие внутренние и внешние связи того или иного фрагмента дискурса (коммуникативного блока) (Пономаренко, 2015).

Формирование функциональных отношений английского дискурса обуславливается смысловым и структурным взаимодействием компонентов и частей дискурса, а также воздействием на него внешней среды (расширенного контекста коммуникативной ситуации, личных параметров участвующих коммуникантов, потенциала предоставляемых общей языковой системой речевых средств). Функциональное взаимодействие элементов дискурса определяет, в свою очередь, многообразие аспектов динамики дискурса – продвижения его смысловой системы к заданной коммуникативной цели. С этой точки зрения описание функциональных отношений английского дискурса является актуальным и закономерным.

Организирующая роль функциональных связей между высказываниями изучается на разных уровнях структурно-смысловой системы дискурса. При этом наиболее общим, интегративным организационным уровнем речи выступает логико-семантический план дискурса, поскольку развертывание адекватных речемыслительных процессов определяется прежде

всего общими логическими операциями человеческого сознания. Логико-семантические отношения между высказываниями образуют основу, некий каркас, формирующий так называемые общие параметры порядка – наиболее масштабные факторы самоорганизации дискурса, обеспечивающие макро-связи речевого произведения (там же).

Логико-семантические отношения обеспечивают функциональную самоорганизацию английского дискурса и содержательно-смысловое взаимодействие между высказываниями. Данный тип связи дискурса отражает соотношение объемов пропозиций, репрезентирующих фрагменты описываемой действительности (реальной либо конструируемой) при помощи языковых средств их актуализации. Анализ активирования содержательных семантических составляющих и их репрезентации в поверхностной структуре дискурса, а также механизмов формирования функциональных отношений становится возможным с применением принципов, предлагаемых функциональной лингвистикой.

В русле формальной логики логико-семантические отношения представлены такими видами функциональной связи как тождество, включение, исключение, соподчинение, пересечение, причем каждый вид реализуется специфическими комбинациями речевых средств (Гак, 1979; Пономаренко, 2015; Свинцов, 1995).

Тождество. При функциональных отношениях тождества объемы пропозиций коррелирующих высказываний репрезентируют, по сути, один и тот же объект/явление/фрагмент действительности. При этом на первый план выдвигается именно объемное сопоставление, количественная оценка, поскольку содержательное наполнение двух или даже более высказываний, естественно, отличается и не может быть полностью тождественным. Поэтому тождественность следует понимать как в определенной мере условную. Дискурсивное пространство и вся коммуникативная ситуация в целом непосредственно вызывают колебания как в объеме понятия, так и в смысловом плане.

The whole thing's a mistake. It's the wrong... (I. McEwan “Atonement”).

Приведенный фрагмент можно охарактеризовать следующим образом. Несмотря на то, что в данном примере ситуация-

референт передается в двойном описании разными формами вербализации, смежные высказывания актуализируют в целом идентичные смыслы, и их объемы совпадают. Повторная номинация одного факта носит характер усиления, но репрезентируемые пропозиции не выходят за пределы друг друга с точки зрения корреляции их содержательного объема. Представленный фрагмент действительности приобретает несколько иной ракурс описания, что, тем не менее, не изменяет объема суждения. Характерной особенностью логико-семантических отношений тождества между высказываниями в дискурсе является идентичность главных (ядерных) компонентов коррелирующих пропозиций при описании объектов, действий или состояний.

Ярким примером логических отношений тождества можно назвать тавтологический повтор, дословное повторение. И хотя в этом случае происходит точное совпадение объемов пропозиций, тождество, однако, не будет абсолютным, поскольку функционально-коммуникативный потенциал дискурса приводит к усложнению прагматического плана речевого акта и, как следствие, к возникновению изменений, даже незначительных, в смысловом объеме пропозиции. При этом функционально-прагматическая значимость второй номинации приобретает более усложненное восприятие.

What's so funny?... I said, what's so funny? (R. Bradbury "Death is a Lonely Business").

"I always cry at Puccini, Fannie." "Yes, dear man, but not so hard." "Not so hard, true." (R. Bradbury "Death is a Lonely Business").

Логические отношения объемного тождества предполагают отклонение от принципа языковой экономии, поскольку двойная номинация одной и той же ситуации по определению порождает избыточность языковых средств. Возникновение такого типа отношений обусловлено потребностями коммуникантов в максимально эффективном осуществлении процесса взаимодействия. При том, что однократное выражение мысли может удачно передавать весь необходимый смысл и быть правильно воспринятым слушающим, а речевой акт может быть формально полным и без повторения компонентов,

двойная/тройная номинация, тем не менее, способствует появлению определенных тонов смыслового содержания высказывания, обеспечивает его адекватное восприятие обеими сторонами общения и, следовательно, конструктивный смысловой контакт, а также придает стилистическую глубину речевому акту в целом. С этой точки зрения, повторная номинация обоснована и несмотря на семантическую избыточность не является излишней. Наоборот, использование повтора может быть необходимым фактором реализации специфических коммуникативных задач (обогащения коммуникативно-прагматического содержания и усиления иллюкативного эффекта дискурса) и поэтому представляет собой коммуникативно оправданную функциональную избыточность.

That's the shyster question. The loophole. The escape clause (A. Rand "Atlas Shrugged").

Let's hear all you can remember, Unk... Just remember all you can (K. Vonnegut "The Sirens of Titan").

Кроме того, повторные номинации не являются равноценными: первичная номинация представляет собой базовый (определяемый, поясняемый) вариант пропозиции и обладает более самостоятельным статусом, тогда как повторная номинация – это определяющий, или поясняющий, компонент, находящийся в функциональной зависимости от первой номинации.

They're going to close down Bellchapel Clinic... Got to make cuts (J.K. Rowling "The Casual Vacancy").

Оба предложения, по сути, репрезентируют одну ситуацию, и включение второго высказывания раскрывает импликации первого.

Таким образом, при отношениях тождества очевидно совпадение объемов коррелирующих пропозиций дискурса – отнесенность суждений к одному референту (факту, событию, действию), которые, тем не менее, в функциональном плане не являются абсолютными дубликатами: вторая номинация усложняет прагматический потенциал всего смыслового пространства дискурса, усиливая коммуникативный эффект. Логико-семантические отношения тождества служат достижению различных прагматических целей – фокусирование на определенных оттенках смысла и акцентирование того или иного

компонента значения, придание эмоциональной окраски высказыванию, воздействие на собеседника.

Включение. При логико-семантических отношениях включения (или подчинения) связь между пропозициями выстраивается таким образом, что объем одной полностью вбирает в себя объем другой – происходит формирование отношения целого-части / общего-конкретного. Одна из пропозиций, соответственно, имеет больший смысловой объем и подчиняет пропозицию меньшего объема – подчиняющий (включающий) и подчиненный (включаемый) смысловые компоненты (Гак, 1979; Пономаренко, 2015; Свинцов, 1995). Возможно даже поглощение смыслового объема одного компонента дискурса смыслом другого. При этом для формирования надлежащего смысла в конкретном дискурсе соположение этих компонентов-высказываний не является фиксированным – включающее может функционировать как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к включаемому.

It's regrettable, Etsuko, but you see, my daughter doesn't seem to share my sense of humour. She doesn't find it quite so amusing here (K. Ishiguro "A Pale View of Hills").

The lift was crowded with men from the Alpha Changing Rooms, and Lenina's entry was greeted by many friendly nods and smiles. She was a popular girl (A. Huxley "Brave New World").

Как было сказано, включающее суждение обладает бóльшим смысловым объемом по сравнению с включаемым. Тем не менее, для функциональной лингвистики количественное соотношение объемов не столь принципиально. Более значимой в данном случае является коммуникативно-прагматическая нагрузка понятий – включаемый компонент может доминировать в процессе формирования смысла и коммуникативной направленности речевого акта в целом. Объемное включающее понятие может занимать второстепенную позицию в процессе формирования функционального пространства дискурса, в то время как включаемое приобретает характер ядерного элемента, привнося ситуативную релевантность речевому акту.

Uriah points to something. Attached to one of the poles on top of the tower is a steel cable as thick as my wrist. On the ground is a pile of black slings made of tough fabric, large enough to hold a human being

(V. Roth “Divergent”).

Rosemary smiled at Amy. Her smile was sweet... (J. Cheever “The Sorrows of Gin”).

В приведенных примерах базовое высказывание, в принципе, не дает разъяснения происходящему, представляя ситуацию в широком, общем ракурсе. Второе высказывание, обладающее бóльшей информативностью и конкретизирующее события, действия, состояния, дает возможность говорящему выразить, а слушающему осознать полноценный смысл коммуникативной ситуации, необходимый для эффективного взаимодействия участников коммуникации.

Реализация отношений включения может осуществляться в двух направлениях.

Во-первых, включаемое высказывание конкретизирует содержание включающего, сужая тем самым объем выражаемого суждения, за счет чего происходит смысловое продвижение повествования от общего к частному.

(1) *Richard from Texas has some cute habits. Whenever he passes me in the Ashram and notices by my distracted face that my thoughts are a million miles away, he says, “How’s David doing?”* (E. Gilbert “Eat, Pray, Love”).

Так, в представленном фрагменте пропозиция второго предложения сужает, конкретизирует общее положение дел, заявленное в первом высказывании, за счет чего базовое предложение приобретает бóльшую обоснованность и убедительность. Кроме того, усилительные элементы, например, прилагательное *cute* и выражение *a million miles away*, повышают коммуникативно-смысловую значимость частного факта в рамках общей ситуации, за счет чего она воспринимается более эмоциональной и оригинальной. Конкретизация, выражаемая во втором высказывании, выдвигает его пропозицию в центр функционального поля фрагмента дискурса, тем самым восполняя коммуникативную незавершенность и даже семантическую недостаточность пропозиции первого высказывания. Это еще раз доказывает, что в процессе формирования смысловой системы дискурса более объемное базовое суждение может занимать функционально второстепенную позицию, тогда как центральная роль принадлежит второму высказыванию, приобретающему в

коммуникативной ситуации функционально доминирующее положение.

Кроме того, обращение внимания реципиента на конкретный факт может оказывать на него эмоциональное воздействие (Радюк, Конькова, 2017; Malyuga & Orlova, 2018). В этом случае включаемый элемент детализирует событие, состояние и т.д., тогда как включающее представляет расширенную ситуацию, частью которой является выделенный ранее факт, участвующий в формировании общей картины действительности, которая должна сложиться у участников коммуникации.

Во-вторых, при формировании отношений включения от частного к общему, как, например, в предложении (2), семантические модификации базируются на расширении, являющемся эффективным способом акцентуации какого-либо факта или усиления модального воздействия. Представленный в первом высказывании частный факт включается в общую ситуацию или даже множество подобных ситуаций, выраженную второй номинацией. Подобным образом подчеркивается важность отдельного факта в создании общей картины действительности, которая должна сложиться у коммуникантов.

(2) *I'll pay it back... I always pay everything back* (E. Hemingway "The Sun Also Rises").

Генерализация смыслового содержания первого высказывания обуславливает формирование прагматики обоснованности, закономерности, некоего признания заявленной мысли. Поэтому, с одной стороны, такой способ представления действительности отражает личное отношение говорящего к обсуждаемому факту, но, с другой, его включение в контекст обобщенной ситуации, показывающей общепринятое положение дел, подтверждает объективность и мотивированность высказанной точки зрения.

Принципиальное значение для формирования отношений включения может иметь формально-структурная организация определенного фрагмента английского дискурса, то есть расположение взаимодействующих высказываний, в данном случае – включающего и включаемого.

(3) *I don't remember what her husband does. I met him once* (K. Ishiguro "A Pale View of Hills").

(4) *"Rankings?... Why are we ranked?" ... "Your ranking serves two*

purposes.” (V. Roth “Divergent”).

(5) *I never liked to hunt, you know. There was always the danger of having a horse fall on you* (E. Hemingway “The Sun Also Rises”).

В предложении (3) формирование отношений включения не зависит от расположения пропозиций высказываний – изменение порядка их следования не отразится на смысловом объеме дискурса. Однако иногда, как, например, в (4), если пропозиции поменять местами, дискурс может утратить логику и смысл.

Кроме того, нередко случаи, когда изменение расположения пропозиций влечет за собой модификацию функциональных связей между ними и трансформацию прагма-семантической направленности дискурсивного пространства (при этом соотношение их объемов как большего и меньшего остается без изменений). Так, в (5) при изменении расположения включающего и включаемого предложений мы наблюдаем иное распределение функциональной нагрузки. Если высказывания расположить в обратном порядке – *There was always the danger of having a horse fall on you. I never liked to hunt, you know.* – смысловой вектор фрагмента смещается от прагматики обоснования (исходное расположение пропозиций) к прагматике экземплификации (*I never liked to hunt* будет представлять собой один из возможных вариантов/примеров деятельности, связанной с последствиями от *There was always the danger of having a horse fall on you*). При этом подобное расположение пропозиций предполагает дополнительные пояснение, комментарии говорящего или даже собственную интерпретацию происходящего реципиентом.

Итак, функциональная значимость включения заключается в усилении эффективности общения и взаимопонимания между участниками коммуникации. Это осуществляется за счет привлечения конкретных, частных, специфических фактов и данных, позволяющих коммуникантам точнее оценить общую ситуацию в тех случаях, когда обобщенное представление фрагмента действительности оказывается недостаточным при коммуникативном взаимодействии.

Однако анализ некоторых фрагментов английского дискурса показывает, что зачастую для адекватного развития коммуникативного процесса требуется объединение,

генерализация отдельных фактов, что обеспечивает общую объективную оценку частных суждений или событий.

Пересечение. Следующий тип соотношения пропозиций по объему – пересечение, или перекрещивание. В процессе формирования отношений перекрещивания пропозиции коррелирующих высказываний образуют некую общую область пересечения, которая является частью каждой из пропозиций, но смысловые объемы пропозиций не сводимы только к этой части. Функциональная лингвистика понимает данный вид отношения как совпадение определенной части ситуации при ее двойной (или даже многократной) номинации. При этом важным для формирования дискурсивного смысла является не только дублируемый, общий для высказываний, пропозициональный сектор, но и дополнительные компоненты и характеристики фрагмента действительности, не вошедшие в область пересечения.

When the chopper finally set down on the Goyas stern deck, Rachel Sexton felt only half-relieved. The good news was that she was no longer flying over the ocean. The bad news was that she was now standing on it (D. Brown “Deception Point”).

Высказывания в приведенном фрагменте образуют контекстуальную связь за счет описания факта в рамках общей ситуации – эмоциональное состояние главного героя (*half-relieved*). Поскольку данный семантический компонент отражен во всех предложениях, именно он образует область пересечения их пропозиций. В то же время повторные номинации репрезентируют ситуацию с разных ракурсов (*good news, bad news*), акцентируя ее разные аспекты, обосновывая идею базового высказывания и тем самым создавая объемное представление о происходящем.

В этом выражается схожесть отношений пересечения с отношениями тождества и включения, когда двойная номинация усиливает, конкретизирует определенную часть пропозиций, но при этом их индивидуальные элементы не допускают полного поглощения семантики одного высказывания семантикой другого. В результате происходит формирование нелинейного функционального пространства дискурса.

Такое же соотношение пропозиций наблюдаем и в следующих примерах:

(6) *It's a national catastrophe!... Don't you see that it's a fatal*

blow? It will break the last of the country's morale and economy! (A. Rand "Atlas Shrugged") – область пересечения – *it* (событие).

(7) *Where is my hat, by the way? Must have put it back on the peg. Or hanging up on the floor* (J. Joyce "Ulysses") – область пересечения – *hat* (объект).

(8) *He probably got lost trying to find cream for his coffee. I'm telling you, I went to Princeton postgrad with this guy, and he used to get lost in his own dorm* (D. Brown "Deception Point") – область пересечения – *he* (человек).

Как правило, область пересечения является полностью идентичной в плане языкового выражения в обеих пропозициях, например, (6) и (8). Однако как мы видим в предложении (7), средства репрезентации области пересечения могут отличаться – *hat* и *it*, либо вообще отсутствовать – третья номинация фрагмента.

Подобная «скрытая» область пересечения характерна также при формировании данного типа отношений выражениями типа *so/neither do I* и т.п.:

"Susan wants to go see the Abnegation," he says. "And so do I." (V. Roth "Insurgent").

I mean, she probably can't handle it. Neither can you, but she doesn't have to handle it. And you do (J. Green "The Fault in Our Stars").

Областью пересечения семантики коррелирующих высказываний является общее для сопоставляемых пропозиций действие (в нашем случае – *see* и *handle*) или состояние, выраженное в базовом предложении, но не эксплицируемое во второй номинации. При этом производители действия или носители состояния различны, что обуславливает появление самостоятельных семантических компонентов и отражает смысловое отличие коммуникативных блоков, образуемых пропозициями высказываний в отдельности.

Отношения пересечения являются эффективным средством формирования полноценного смыслового пространства дискурса, поскольку они способствуют целостности восприятия ситуации за счет сцепления, переплетения пропозиций, последовательно развивающих мысль говорящего с разных позиций, что придает ей убедительность и обоснованность. Разноплановая двойная номинация определенной части ситуации выделяет ее на фоне

сопутствующих обстоятельств и повышает ее значимость и коммуникативный эффект.

Нередко отношения пересечения сложнее идентифицировать в сравнении с другими типами логико-семантических отношений. Например:

Don't get angry. He wants to get a rise out of me; he won't (V. Roth "Divergent").

В данном фрагменте в разных ракурсах описывается одна и та же ситуация – восприятие автором дискурса определенного человека, поэтому объемы пропозиций высказываний частично совпадают. Базовое высказывание номинирует ситуацию посредством повелительного наклонения, тем самым выражая рекомендацию относительно линии поведения адресата в сложившихся обстоятельствах. Кроме того, то, что в первом высказывании автор обращается к самому себе (является одновременно и автором дискурса, и референтом), усиливает напряженность общей ситуации и подчеркивает наличие неприязненных взаимоотношений между участниками ситуации. Во второй номинации репрезентируется оценка обстоятельств и возможный вариант дальнейшего развития ситуации. Иными словами, один и тот же фрагмент действительности передается разными грамматическими конструкциями (наклонениями), что способствует представлению ситуации под разным углом. Хотя в первом высказывании человек, о котором идет речь, не представлен эксплицитно, он, тем не менее, является общим элементом пропозиций обоих предложений, что и позволяет квалифицировать тип связи между ними как пересечение или перекрещивание.

Таким образом, логико-семантические отношения перекрещивания представляют описываемый фрагмент действительности с разных сторон, тем самым превращая ситуацию в объемную и многомерную. Это также обуславливает нелинейность, неравновесность и незамкнутость формирования дискурсивного пространства. Благодаря асимметрии человеческого мозга и синергичности протекающих в нем процессов коммуниканты способны воспринимать и осмысливать ситуацию в обобщенном, целостном виде и даже как бы со стороны.

Соподчинение. Соподчинительные отношения отражают корреляцию пропозиций, которые включены составными компонентами в объем широкой общей ситуации. Эта ситуация может быть эксплицитно представлена в дискурсе либо имплицитно выражена контекстом. Она представляет собой некий общий фрагмент дискурса, или коммуникативный блок, подчиняющий объемы пропозиций коррелирующих высказываний.

He straightened up against the back of his chair and tasted his drink. His rooms were well above the noise of traffic and it was quiet there (J. Cheever "The Pot of Gold").

Включаясь в общее описание ситуации, коррелирующие пропозиции характеризуют различные ее составляющие. Зачастую между ними не наблюдается связи, выраженной непосредственно в поверхностной структуре, но она органично представлена в контексте. Развертывание ситуации происходит за счет специфического и при этом равноправного участия каждой пропозиции. Их равноценность в общей функциональной нагрузке коммуникативного блока подтверждается тем, что они не могут заменять друг друга, поскольку каждое высказывание описывает разные фрагменты общей ситуации. Иными словами, полноценное формирование объемов высказываний возможно только в рамках общего коммуникативного блока, по отношению к которому они выступают соподчиненными компонентами.

Таким образом, для соподчинения характерно такое объемное соотношение высказываний, при котором определенная часть анализируемого дискурса формально не выражена в поверхностной структуре (речевыми компонентами) дискурса и остается в импликации. Поэтому ее необходимо реконструировать из контекста – описания объекта, факта, ситуации, события.

Поскольку отношения соподчинения отражают референтную ситуацию и ее различные аспекты как отдельные составляющие общего фрагмента действительности, и общая ситуация описывается через разные, казалось бы, тесно не связанные между собой события, действия, состояния, для них характерно наличие разных деятелей или носителей состояния в пропозициях смежных высказываний. Например:

Every lifted voice sends a jolt through me. I've sat through plenty of

arguments in my life, mostly in the last two months, but none of them ever scared me like this. The Amity aren't supposed to argue (V. Roth "Insurgent").

Отношения соподчинения можно сравнить с отношениями включения, поскольку в обоих случаях коррелирующие пропозиции включаются в смысловой объем более широкого фрагмента дискурса. Тем не менее, соподчинение отличается своеобразным характером логико-семантического взаимодействия. Взаимодействие объемов пропозиций в отношениях данного типа (соподчинение-координация) приводит к возникновению имплицитной области взаимного наложения, которая представлена в анализируемом коммуникативном блоке без собственно вербального выражения и поэтому является лишь подразумеваемой. За счет этого смежные компоненты дискурса как бы расходятся на поверхностном, формальном уровне. Таким образом, коррелирующие высказывания играют опосредованную роль в процессе формирования функциональной системы дискурса через имплицитную общую семантическую область, которая координирует их смысловые объемы в рамках функциональной системы фрагмента дискурса.

Исключение. Для отношений исключения характерно отсутствие общих элементов в объемах коррелирующих пропозиций. При этом речь не идет о бессвязных текстах, в которых беспорядочные фразы семантически не взаимодействуют между собой и, как следствие, не образуют связный дискурс. Наоборот, при отношениях исключения именно пропозиционально не связанные высказывания и их дистантное расположение дополняют смысловое пространство дискурса, как, например, первое и последнее предложение в следующем фрагменте:

By night the wires on the high poles tell evil tales in the dripping mist. The water in the canals goes blind with scum. Flint, struck, gives no spark. Women, touched, give no warmth (K. Vonnegut "The Sirens of Titan").

Отсутствие общих пропозициональных элементов можно наблюдать и в объемах смежных, контактных, высказываний дискурса. Это характерно для нелинейного развертывания английского дискурса. Как известно, линейное развитие дискурса предполагает переход ремы одного высказывания в тему

последующего или возникновение производных тем высказываний (а также связанных с ними рем) и отклонение от общей темы, что обуславливает тематическую прогрессию и смысловую и синтаксическую связность высказываний как непереносимое условие формирования и функционирования дискурса. Однако благодаря функциональной нелинейности дискурса становится возможной его недетерминированная, свободная организация. Иными словами, нет четкой зависимости типа и свойств речевого акта от предшествующего или последующего; скорее, задаются условия для продолжающего коммуникацию речевого акта, который является более уместным, адекватным, соответствующим продвижению коммуникативной цели (Макаров, 2003). С другой стороны, даже уместность последующего речевого высказывания далеко не всегда прослеживается в коммуникативном взаимодействии (Леденева, 2004; Пономаренко, 2015). Это обуславливает типичность для англоязычной литературы неожиданной смены темы и дальнейшего вектора коммуникативного процесса, что приводит к отсутствию общих элементов в пропозициональном объеме высказываний и формированию логико-семантических отношений исключения.

Логико-семантические отношения исключения соотносимы с соподчинением, поскольку как в одном, так и в другом случае именно широкий контекст коммуникативного блока обуславливает соотношение коррелирующих высказываний. При этом очевидно и их отличие.

But he's still sad about it. Though there's a general sadness around Rome right now, anyway. The weather has turned cold (E. Gilbert "Eat, Pray, Love").

Область совпадения объемов коррелирующих высказываний в приведенном фрагменте, находящаяся в импликации, может быть восполнена посредством введения дополнительных элементов, например, *because, as, so* и т.д. – *there's a general sadness around Rome right now as the weather has turned cold* или *The weather has turned cold, so... there's a general sadness around Rome right now*. Благодаря этому становится возможным проследить плавный переход от одного смыслового элемента к другому.

Выводы

Процесс самоорганизации английского дискурса зависит от

функциональных отношений дискурса (общих параметров порядка), с одной стороны, стабилизирующих систему дискурса и управляющих ее развитием, но, с другой стороны, обусловленных поведением и эволюцией самой системы.

Общими параметрами порядка дискурса являются логико-семантические отношения. Благодаря им возникает взаимодействие между дискурсом и внешней средой – сознанием и концептуальной системой коммуникантов, внешними (макро-) связями произведения речи и смысловой системой общей коммуникативной ситуации. Данный тип связей характеризует объемное соотношение пропозиций коррелирующих высказываний и представлен такими видами отношений как тождество, включение, пересечение, соподчинение, исключение.

Отношения тождества в английском дискурсе предполагают двойное (тройное и т.д.) обозначение одного референта при сохранении равного объема выражаемых суждений. В то же время повторная номинация расширяет функциональную характеристику смысловой системы дискурса.

Включение подразумевает поглощение объема одного высказывания другим. Большее по объему суждение, тем не менее, не обязательно является функционально подчиняющим по отношению к меньшему; более важным фактором в данном случае является коммуникативная значимость речевых образований для ситуации общения. При этом может наблюдаться как сужение, так и расширение объема базового суждения.

При отношениях пересечения в объемах пропозиций коррелирующих высказываний имеется общая область (область пересечения) – дублируемая часть пропозиции, которая входит в семантическую подсистему каждого из высказываний, но не исчерпывает их.

Соподчинение – это такое соотношение высказываний, при котором объемы их пропозиций являются составными частями большего по объему репрезентации объекта.

При отношениях исключения в объемах пропозиций коррелирующих высказываниях общие элементы отсутствуют.

Динамико-системный подход и дискурс-анализ способствуют выявлению различных аспектов, оттенков и нюансов отношения этого типа и установлению того, как именно языковые средства

актуализируют его в процессе выстраивания смыслового пространства английского дискурса.

Литература

1. Гак В.Г. Повторная номинация на уровне предложения // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 91-102.
2. Кашкин В.Б. Введение в теорию дискурса. М.: Восточная книга, 2010.
3. Леденева С.Н. Методы психолингвистической оценки эффективности речевого воздействия: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯРАН, 2004.
4. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
5. Пономаренко Е.В. О функциональной самоорганизации речевых средств в английском деловом дискурсе // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 5(106). С. 80-84.
6. Пономаренко Е.В. Основания функциональной лингвосинергетики: Спецкурс по специальности 10.02.04 – Германские языки. М.: МГИМО-Университет, 2015.
7. Радюк А.В., Конькова А.Е. Типы речевого воздействия (На примере стратегии поиска решений) // Вопросы прикладной лингвистики. 2017. № 25. С. 40-55.
8. Свинцов В.И. Логика: Учебник для вузов гуманитарного профиля. М.: Мир кн., 1995.
9. Aleksandrova O.V. On the problem of contemporary discourse in linguistics // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. Volume 10. Issue 3. Pp. 298-302.
10. Dijk T. van. Studies in the pragmatics of discourse. The Hague; New York: Mouton, 1981.
11. Dijk T.A. van. Critical discourse studies: A sociocognitive approach // Methods of critical discourse studies (Introducing qualitative methods series). 3rd edition / Ed. by R. Wodak, M. Meyer. London, SAGE Publications Ltd, 2015. Pp. 63-85.
12. Haken H. Information and self-organization: A macroscopic approach to complex systems. 2nd enlarged edition. Berlin: Springer, 2000.

13. Khranchenko D.S. Functional-linguistic parameters of English professional discourse // Professional discourse & communication. 2019. Volume 1. No. 1. Pp. 9-20. DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-1-9-20>.
14. Malyuga E.N., Orlova S.N. Linguistic pragmatics of intercultural professional and business communication. Springer International Publishing, 2018.

References

- Aleksandrova, O.V. (2017). On the problem of contemporary discourse in linguistics. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 10(3), 298-302.
- Dijk, T. van. (1981). *Studies in the pragmatics of discourse*. The Hague; New York: Mouton.
- Dijk, T.A. van. (2015). Critical discourse studies: A sociocognitive approach. In R. Wodak, M. Meyer (Eds.) *Methods of critical discourse studies (Introducing qualitative methods series)*. 3rd edition, (pp. 63-85). London: SAGE Publications Ltd.
- Gak, V.G. (1979). Povtornaja nominacija na urovne predlozhenija [Renomination at the sentence level]. *Sintaksis teksta*, 91-102.
- Haken, H. (2000). *Information and self-organization: A macroscopic approach to complex systems*. 2nd enlarged edition. Berlin: Springer.
- Kashkin, V.B. (2010). *Vvedenie v teoriju diskursa [Introduction to the theory of discourse]*. Moscow: Vostochnaya kniga.
- Khranchenko, D.S. (2019). Functional-linguistic parameters of English professional discourse. *Professional Discourse & Communication*, 1(1), 9-20. DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-1-9-20>.
- Ledeneva, S.N. (2004). *Metody psiholingvisticheskoj ocenki effektivnosti rechevogo vozdejstvija: Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk [Methods of psycholinguistic assessment of verbal impact efficiency: Abstract of Candidate Thesis]*. Moscow.
- Makarov, M.L. (2003). *Osnovy teorii diskursa [Foundations of the theory of discourse]*. Moscow: Gnosis.
- Malyuga, E.N. & Orlova, S.N. (2018). *Linguistic pragmatics of intercultural professional and business communication*. Springer International Publishing.
- Ponomarenko, E.V. (2013). O funktsional'noy samoorganizatsyi

rechevykh sredstv v angliyskom delovom discourse [About functional self-organization of verbal means in English business discourse]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, Humanities series*, 5(106), 80-84.

- Ponomarenko, E.V. (2015). *Osnovaniya funkcional'noj lingvosinergetiki: Speckurs po special'nosti 10.02.04 – Germanskie jazyki [Fundamentals of functional linguosynergetics: Special course in scientific speciality N 10.02.04 – Germanic languages]*. Moscow, Russia: MGIMO-Universitet. Radyuk, A.V. & Kon'kova, A.E. (2017). Tipy rechevogo vozdejstviya (Na primere strategii poiska reshenij) [Types of speech influence (Exemplified by solution search strategy)]. *Voprosy prikladnoj lingvistiki*, 25, 40-55.
- Svintsov, V.I. (1995). *Logika: Uchebnik dlja vuzov gumanitarnogo profilja [Logic: A course for humanitarian universities]*. Moscow: Mir kn.

УДК 37.02

<https://doi.org/10.25076/vpl.44.05>

Т.В. Устинова

Московский государственный университет им. М.В.
Ломоносова

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЛЕКЦИОННЫЙ МЕТОД В ПОДГОТОВКЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Работа способствует прояснению роли критической метаязыковой рефлексии в обучении будущих преподавателей иностранного языка. Метод интерактивных лекций рассматривается как инструмент совершенствования языковой компетенции будущего специалиста, который должен уметь управлять классом, выступая в роли пользователя языка, языкового аналитика и преподавателя языка. Цель исследования заключается в (1) выявлении дидактических условий для развития языковой компетенции учителей методом интерактивных лекций и (2) моделировании ожидаемых результатов обучения при совершенствовании языковой компетенции. В статье

представлен практический пример разработки интерактивного курса лекций по языкознанию для студентов первого и второго курсов направления «Педагогика». Ожидаемые результаты обучения были смоделированы с учетом развития трех областей лингвистической рефлексии учащихся: (1) метаязыковая компетенция с акцентом на теоретическое мышление и интернализацию научных концепций; (2) прагматическая компетенция с акцентом на наблюдение и объяснение прагматического функционирования; (3) многоязычная компетенция с упором на самостоятельный контроль многоязычного опыта. В статье описываются некоторые процедуры организации лекции и исследуются возможности использования интерактивных инструментов (взаимное обучение, рефлексивное письмо, методы прогнозирования-наблюдения-объяснения) для вовлечения студентов в деятельность, связанную с языковой рефлексией.

Ключевые слова: языковая компетенция, инструменты интерактивных лекций, обучение сверстников, критическая языковая педагогика, многоязычие

UDC 37.02

<https://doi.org/10.25076/vpl.44.05>

T. V. Ustinova

Lomonosov Moscow State University

RECONCEPTUALISING THE LECTURE METHOD IN LANGUAGE TEACHER EDUCATION

The paper contributes to clarifying the role of critical metalinguistic reflexivity in educating prospective second language teachers. The interactive lecture method is analysed as a tool for enhancing language awareness in the future professional, who is supposed to be able to manage complex dynamics in the classroom acting as a language user, language analyst and language teacher. The aim of the study lies in (1) identifying didactic conditions for the development of teacher language awareness by means of the interactive lecture method and (2) modelling the expected learning outcomes of awareness-raising instruction. The paper presents the case study of designing the

interactive lecture course in language science for the first- and second-year language teacher students. The expected learning outcomes of awareness-raising instruction have been modelled with regard to the development of three domains of students' linguistic reflexivity: (1) metalinguistic awareness with the focus on theoretical thinking and scientific concepts internalisation; (2) pragmatic awareness with the focus on observation and explanation of pragmatic functioning; (3) plurilingual awareness with the focus on self-monitoring of plurilingual experience. The paper describes some procedures of the lecture content organisation and explores the possibilities of using interactive lecture tools (peer instruction, reflective writing, predict-observe-explain techniques) for engaging students in language reflection activities.

Keywords: teacher language awareness, interactive lecture tools, peer instruction, critical language pedagogy, plurilingualism

Introduction

Nowadays the mainstream model of teacher education is being criticised for labelling teachers as service providers and narrowly educated technicians (Gray, 2019). What is known to be a neoliberal model of teacher education is claimed unsuitable for meeting the needs of today's knowledge society. For the last two decades the focus in teacher education has been put on the role of the classroom "effective practitioner" who is experientially trained to fit into standardised teaching contexts. Nowadays critical language pedagogy challenges mainstream views on the role of the teacher and conceptualises him/her as a critical thinker and a social agent with a vast potential of humane empowerment. As Gray (2019) puts it, '*in opposition to the neoliberal model of teacher education, critical (language) teacher education rests on a view of the teacher as a 'transformative intellectual' and a 'theorising practitioner'*' (Gray, 2019, p. 72).

Given such social transformations, metalinguistic reflexivity and readiness for critical analysis of communication and discourse have come to be foregrounded in language professionals' education. Jessner (2006) states that '*an increase in interest in the topic has been stimulated by the pedagogically motivated 'language awareness' movement'* (Jessner, 2006, p. 36). Metalinguistic reflexivity of language users is the subject of research in linguistics, language pedagogy, developmental psychology. Much attention is given to discussing the

position of metalinguistic awareness in the language teacher's professional profile and describing the metalinguistic competence as the domain of the language teacher's professionalism (Teacher Competences for Languages in Education, 2019).

Our study focuses on clarifying the role of language awareness and theoretical linguistic thinking in the second language (L2) teacher's professional development. We rely on the premise that the formation of a complexly structured networks of knowledge about language and development of metalinguistic reflexivity rooted in theoretical thinking and scientific concepts internalisation are crucial for educating L2 teachers as critically minded reflective language professionals. From such perspective, the interactive lecture method is presented as a tool for developing various types of teacher students' metalinguistic knowledge and as a means of involving students in language reflection activities. Precise attention is given to modelling the learning outcomes of awareness-raising engaging instruction.

Theoretical background

The problem of teacher language awareness development: practice-specific approach vs developmental instruction approach

For language professionals (not only for language teachers, but also linguists, translators, journalists) metalinguistic awareness is at the core of professional competence. Several terms have been coined for describing the knowledge about language and the ability to reflect on language use: (meta)linguistic awareness, (meta)language awareness, hyperlinguistic awareness, (meta)linguistic reflexivity, knowledge about language.

In the process of education and professionalisation, L2 teacher students acquire a specific type of metalinguistic reflexivity peculiar to language teaching professionals. The term 'teacher language awareness' (TLA) is traditionally used (Andrews, 2003; Andrews, 2007; Otwinowska, 2017) to denote this important domain of language teachers' subject-matter knowledge. We follow the approach to the conceptualisation of TLA proposed by Andrews (2003) and use the notion of TLA to convey a broad category covering (1) metalinguistic awareness (academic knowledge and practice-specific knowledge about language, communication and discourse; abilities to reflect on language and consciously control strategies of language use); (2) metalingual knowledge (knowledge of the metalanguage needed to describe

language; knowing how to use L2 for instruction; abilities to control L2 use as a means of teaching and reflect on the ways of maximising L2 exposure in the classroom); (3) awareness of language from the learner's perspective (knowledge about the learner's communicative development and abilities to monitor and control the impact of the language content of teaching materials and tasks).

The necessity to make TLA an aspect of special training arises from a fundamental requirement to distinguish between experiential and awareness-raising practices in language teacher education (Ellis, 1986). The origins of initiatives to develop TLA are thoroughly analysed in (Andrews & Lin, 2018). The precise methods of enhancing metalinguistic reflexivity in language teachers are heavily discussed in language teacher education theory and methodology. Much attention is given to the empirical approach of language awareness development and the acquisition of practice-specific knowledge of language (Bartels, 2009). Within such practice-oriented framework, educators are encouraged to minimise teacher students' involvement in academic discussions and concentrate on providing students with knowledge about language which can help solve language problems in classrooms (Bartels, 2009).

We find the practice-specific approach to TLA development narrowly focused and giving preference to enhancing in future teachers only one type of thinking. If we analyse such approach from the developmental instruction perspective (Davydov, 1999; Vygotsky 1987), we can argue that practice-specific language awareness development promotes empirical thinking but underestimates theoretical thinking and its contribution to constructing generalised methods for dealing with broad classes of problems. Davydov (1999) describes theoretical thinking as the quality of thinking rooted in motivation to establish the essential relationships of the whole object and its genetically original form and thus reveal the essence of the phenomenon (Davydov, 1999). Theoretical thinking is opposed to empirical thinking which involves pattern recognition and building hierarchical classifications (Davydov, 1999). To manage complex dynamics in the classroom, the language teacher must be able to deal with language/discourse/communication phenomena in their internal attributes and connections and understand the initial generic relations determining the essence of the phenomena. Such language awareness

oriented at generalisation and functional analysis stems from well-developed theoretical thinking.

If we look at the language awareness development of L2 teacher students through the lens of Vygotskian theory (Vygotsky, 1987), we are to take into account the nature of internalisation-externalisation processes which transform social meanings into personal sense systems guiding persons' actions (Lawrence & Valsiner, 2003). Internalisation of scientific (academic) concepts results in construing a more complexly structured network of generalizable and systematic knowledge about language. A qualitatively new type of thinking about language mediates the teacher's activity and, ultimately, shapes the ways of solving language problems and achieving communicative tasks in the classroom.

Undoubtedly, teachers need the dynamic task-specific knowledge about language to form ad hoc conceptions of a particular situation (Bartels, 2009). But we do not agree that reliance on a vast base of generalizable abstract knowledge can act as a constraint in organising and operationalising the conceptual 'packet' for the given task achievement. If we regard such ad hoc conceptualisation as a situated act of meaning construction and analyse it from the dynamic-conceptual-processing perspective (Croft & Cruse, 2004; Langacker, 2008), we can conclude that the activation of task-specific knowledge about language implies construal operations and strategies (schematisation, conceptual integration, etc.) which are creative in their nature and take place against the background of a vast knowledge stored in the long-term memory in various formats (idealised cognitive models, frames, etc.) Thus, background knowledge about language presents itself as an essential resource ("domain") that makes any dynamic task-specific conceptualisation possible. Ad hoc activation of knowledge about language for dealing with particular real-life tasks in classrooms relies on pre-existing networks of a broad abstract knowledge about language, discourse and communication. The effectiveness of the dynamic meaning construction and tasks decision making is related to the quality of associations within the background conceptual networks and the readiness of the conceptualiser to use affordances of various types of knowledge about language (explicit and implicit, declarative and procedural).

Nowadays the social role of language teachers is described in terms

of their acting as language policy arbiters (Young, 2018). Critical awareness of the challenges of teaching in the linguistically and culturally diverse world starts with teachers' readiness to understand and critically reflect on language as a tool of human cognition and communication. That is why well-developed conceptual understanding of language, discourse, communication and the ability to effectively operationalise broad abstract knowledge about them are crucial for teachers as reflective practitioners and language policy arbiters.

The interactive lecture method as a tool for TLA development

The formation of TLA rooted in theoretical thinking is a time and effort consuming process. The lecture method is traditionally viewed as a tool for enhancing teacher students' declarative knowledge about language. It is almost never seen as a tool for developing students' procedural metalinguistic knowledge or as a means of involving students in language reflection activities. Nonetheless, today we can revisit the language method and reconceptualise its didactic potential for developing TLA. Such reconceptualisation has become possible due to the obvious transformation of the nature of the lecture from static formats to more dynamic, interactive kinds of engaging instruction.

In the late 1990-s a new model of interactive lecture method called 'peer instruction' was introduced by Mazur (1997). The idea was to modify the traditional lecture through engaging students in a set of structured questioning activities (Mazur, 1997). The proposed procedure of introducing peer instruction was to break down a lecture into a series of mini-lectures punctured by the think-pair-share activities (Mazur, 1997). Students were invited to think over the conceptual questions ("ConcepTests"), discuss them in pairs and share their opinions in class discussions (Mazur, 1997). Mazur's model of interactive lecture was widely adopted in science teaching and later updated (Crouch & Mazur, 2001; Meltzer & Manivannan, 2002; Rahman & Masuwai, 2014).

Rahman and Masuwai (2014) define an interactive lecture as '*a lecture that is interspersed with activities that enable students to actively participate during the lecture, involving student-teacher, student-student, student-material and student-technology interaction*' (Rahman & Masuwai, 2014, p. 160). The researchers propose the CDEARA Interactive Lecture Model comprising a variety of interactive lecture tools, which are '*simple hands-on and minds-on activities or*

techniques that can actively engage students in a lecture setting where there are limited opportunities for students to physically move around' (Rahman & Masuwai 2014, p. 161). In addition to the think-pair-share technique and ConcepTests, Rahman and Masuwai (2014) include the following activities in the interactive lecture tools list: the predict-observe-explain technique, the focused listing technique, “know about the topic – want to know – have learned” charts (KWL charts), reflective writing and many more (Rahman & Masuwai, 2014).

Jones (2014) enlarges on the list of interactive lecture tools and presents the discussion groups technique as an effective means of encouraging students to negotiate understanding and synthesise ideas during lectures (Jones, 2014). Her findings suggest that effective discussion groups are the way to enhance students' engagement, thereby promote positive learning outcomes (Jones, 2014).

Nowadays technologies and multimedia are used to foster students' engagement during lectures. To meet the requirements of rapid redesign of lectures from face-to-face teaching to online delivery, instructors facilitate virtual commenting, posting responses online and online discussions within lecture classes. Special software and educational technology tools are developed for increasing the interactivity between students, lecturer and subject matter materials. Technology tools are found to be effective in getting instant feedback from students through audience response systems, enhancing information delivery and enriching the diversity of activities during lectures (Tuma, 2021).

We regard the interactive lecture as a method for developing both the declarative dimension and the procedural dimension of TLA. According to Andrews and Lin (2018), the declarative dimension of TLA embraces the language teacher's needs of wide-ranging knowledge about language and its functioning (Andrews & Lin, 2018); the procedural dimension embraces the teacher's needs '*to be able to draw appropriately on that declarative knowledge in all aspects of his/her pedagogical practice*' (Andrews & Lin, 2018, p. 60). There is a research consensus to present the complex nature of TLA in accordance with the three professional roles of the language teacher and consequently distinguish between three overlapping domains of TLA: the user domain, the analyst domain and the teacher domain (Andrews & Lin, 2018). Implementing interactive lecture tools, the lecturer acts as a facilitator involving students in awareness-raising activities

designed to develop and interconnect the three domains of TLA. Depending on the subject matter, the lecture course may be planned to foreground one of the TLA domains, the other two becoming the secondary foci of attention.

The design of the interactive lecture course aimed at developing TLA starts with modelling expected learning outcomes. Well-designed course goals and well-modelled learning outcomes are the backbone of the educational process planning. The way the lecturer models the desired learning outcomes is bound to shape the selection of the course content, resources and materials, tools for students' engagement, evaluation procedures. More research is needed on specifying domains of TLA and using such specifications as categories for defining learning outcomes of lecture courses for language teacher students. We present the case study of modelling learning outcomes of TLA instruction in designing the interactive lecture course in language science for the first- and second-year language teacher students.

Methodology

Our approach to modelling learning outcomes of the lecture course in language science and setting the performance objectives of TLA instruction is grounded on several well-established methodology frameworks.

1. Group personalising of learning outcomes requires taking into account a set of generic profile characteristics of L2 teacher students as a category of higher-education learners. We view prospective L2 teachers as multi-competent language users who possess a set of characteristics which drastically differ them from monolingual language users. Relying on Cook's (2016) conceptualisation of multicompetence and on current studies of emergent bilingualism (Kecskes, 2010), we regard prospective L2 teachers as the category of professional-level language users whose cognition and communication experience the synergic effect of two (or more) languages inter-functioning and are mediated by the emergent dual-language functional system. Current studies tend to describe emergent metalinguistic abilities of advanced L2 users as the reflection of underlying changes in cognitive abilities (Jessner, 2018). However, L2 teacher students as a body of prospective teaching professionals need additional training in developing language awareness not only from the user's perspective, but also from the learning and the learner's perspectives (Andrews,

2007). Thus, modelling expected learning outcomes of the interactive lecture course for L2 teacher students is guided by the following characteristics of learners: (1) their multi-competence (i.e. reliance on a synergic L1–L2 functional system in cognition and communication), (2) their naturally enhanced, language experience-driven metalinguistic awareness, (3) their professional learning needs regarding various domains of TLA.

2. Setting the performance objectives of awareness-raising instruction requires defining which domains of TLA and L2 teacher's metalinguistic competence are necessary to focus on. We rely on the approach to structuring TLA domains proposed in (Andrews, 2007; Andrews & Lin, 2018) and distinguish between declarative language awareness and procedural language awareness of the language professional performing his/her roles of the language user, language analyst and language teacher.

Given the subject matter of the lecture course in language science, we define the analyst domain of TLA as the primary focus of planning, the user and the teacher domains as the secondary ones. We rely on the premise that at the core of all domains of TLA lies analysing and conscious control of languages (L1, L2, etc.) as the tools of cognition, communication and teaching. The common metalanguage for describing the human ability to use language as a means of meaning construction and communication is presented in "The Common European Framework of Reference for Languages" (CEFR) (2020). Relying on the taxonomy of language competences and modes of communication proposed in the CEFR (CEFR, 2020), we find it necessary to set the objectives for the development of students' analytical reflection and control skills in the domains of (1) metalinguistic awareness (lexical awareness, semantic awareness, phonological awareness, etc.); (2) sociocultural awareness (viewed from the broader perspective) and sociolinguistic awareness (viewed from the narrower perspective); (3) pragmatic awareness which embraces domains of discourse awareness, functional awareness and design awareness; (4) plurilingual/pluricultural awareness.

3. Our rationale for planning the interactive lecture course aimed at developing TLA is based on well-founded procedures of organising instruction and evaluation in higher education presented in (McBeath, 1992). Following these procedures, we distinguish between course

goals and performance objectives which are characterised by a higher degree of specificity (McBeath, 1992). We also follow the proposed in (McBeath 1992) approach to organising the lecture content so as to engage students in (1) establishing factual foundation, (2) developing conceptual understandings, (3) using principles and rules, (4) problem-solving and creative applications of the content.

In designing the language science lecture course for language teacher students, we rely on the integrative model of engaging instruction proposed by Lonka & Ketonen (2012). Such model of lecture instruction is based on the principles of (1) diagnosing and activating current understanding and knowledge, (2) fostering reflective thinking, (3) assessing change and giving feedback (Lonka & Ketonen, 2012). In selecting the means of students' engagement and the types of interactive activities which can provide for the performance objectives achievement, we rely on the framework of peer instruction (Mazur, 1997; Crouch & Mazur, 2001), the taxonomy of interactive lecture tools (Rahman & Masuwai, 2014) and the procedures of using reflective writing as a tool for scientific thinking development (Kalman, 2018).

Study and results

Teacher students' metalinguistic awareness development: focus on scientific concepts internalisation

In Russia L2 teacher education programs necessarily include courses in theoretical and applied linguistics. The range and variety of such courses may differ from curriculum to curriculum, but traditionally first- and second-year L2 teacher students are exposed to theoretical linguistic training within courses like "Introduction to Language Science", "Theory of the L2 Language", etc.

L2 teacher students as any other natural language users possess a system of naturally acquired non-scientific ("naive") metalinguistic assumptions and beliefs derived from their speech experience. One of the objectives of the proposed lecture method design is to encourage students to clearly identify their interpretation of language and construct a system of expert-like metalinguistic knowledge. First- and second-year students tend to demonstrate both knowledge-in-pieces viewpoints on language and intuitive theories about language as a semiotic system mediating cognition and communication. It is necessary to replace the disorganised combination of naive

metalinguistic beliefs, fragmented knowledge and intuitive theories by a system of scientific conceptual knowledge about language.

The interactive lecture instruction is aimed at resolving the conceptual conflict between naive and scientific metalinguistic reflection and at placing students' viewpoints about language within the larger networks of scientific concepts. Deliberate training is needed for students to construct such consciously accessible networks consisting of sets of interrelated metalinguistic propositions. Peer instruction within the interactive lecture framework is supposed to be one of the techniques used for such training.

Peer instruction aimed at the development of scientific conceptual understanding of language requires that the subject-matter content of the lecture be preliminarily selected, organised and presented in the way that provides for learners' scientific concepts internalisation. The lecturer adopts the following procedures of the lecture content organisation.

(1) Segmentation of the subject-matter content into analysis units

The lecture is divided into a series of analysis units (for example, three units, approximately 20 minutes each). The units are organised so as to provide factual foundation and develop conceptual understanding of linguistic phenomena. Material is presented so as to confront students' naive metalinguistic viewpoints with logical arguments and experimental evidence. The stress is laid on scientifically most important attributes of concepts, generic characteristics of concepts and concept categorisation (i.e. fitting each concept in the scientific scheme of classification). Scientific argumentation is used for revealing the systematic inter- and intra-linguistic links within the network of concepts. Keywords and definitions function as clues for meaning construction.

The lecturer acts here as a professional concept mediator and uses mediation strategies to facilitate conceptual understanding. The detailed description of mediation strategies is presented in (CEFR, 2020, pp. 117–122). For explaining concepts, such mediation strategies may be used as linking to previous knowledge, adapting language, breaking down complicated information, amplifying dense information, etc.

(2) Engagement of students into interactive activities

Each analysis unit is followed by related conceptual questions (‘‘ConcepTest’’). Students formulate and report individual answers, then

discuss them with other students. The primary objective here is to encourage students to make meaningful interpretations of concepts. Two types of questions are included in ConceptTests. Questions of the first type embrace the analyst domain of TLA and focus on (1) generic characteristics of concepts; (2) generalised interpretations of definite classes of concepts; (3) the system of relations between the scientific concepts. The teacher domain of TLA is trained through problem-solving questions revealing the relevance of scientific linguistic concepts to the language teaching theory and to particular language teaching situations. Questions of this type are meant to encourage students to apply theoretical descriptions of language system and language functioning in order to understand the process of language acquisition/learning from the learner's perspective.

(3) Validation of scientific conceptual understanding

During the discussion the lecturer monitors the exchange of ideas. Afterwards he/she provides reflective feedback on ConceptTests, gives additional explanations, clarifications, and a summary with reformulations if necessary. Entering on the next analysis unit, the lecturer foregrounds its causative-consecutive relations with the previous one and thus scaffolds students' constructing conceptual links between subject-matter segments. To ensure internalisation of scientific concepts, pre- and after-lecture reading techniques may be implemented within the course. In this case conceptual understanding assessment may be organised by means of questionnaires, open-ended question tests, reflective writing tasks on the reading materials.

Teacher students' pragmatic awareness development: focus on observation and explanation of pragmatic functioning

Pragmatic awareness embraces the knowledge about and the ability to control language functions and speech acts. Pragmatic awareness has long been seen as a precursor to pragmatic competence (see Bardovi-Harlig (2018) for detailed discussion of pragmatic-awareness raising framework in language pedagogy). Bardovi-Harlig (2018) states that pragmatic awareness is also seen as a learning outcome on its own: *'By helping learners to develop pragmatic awareness, instructors could help learners develop the ability to learn autonomously. This is important in two areas: learner determination of what features of the target language pragmatics are relevant to them (the identification of personal learning targets); and learner determination of how far to go*

(*learner subjectivity*)’ (Bardovi-Harlig, 2018, p. 325). According to the CEFR (2020), ‘*L2 learners’ pragmatic competences are concerned with the knowledge of the principles according to which messages are (a) organised, structured and arranged (‘discourse competence’); (b) used to perform communicative functions (‘functional competence’); (c) sequenced according to interactional and transactional schemata (‘design competence’)*” (CEFR, 2020, p. 137). The language teachers’ pragmatic expertise (for example, such meta-discourse competences as the abilities to analyse and compare relevant text types and genres in the target languages, to observe varieties of language that are relevant for the learning and teaching, etc.) are found to play central role in the preparation and teaching of content (Teacher Competences for Languages in education, 2019).

One of the ways to develop teacher students’ pragmatic awareness is to expose them to the reflective form-focused instruction. In this case the lecture itself is regarded as the speech act event in the pedagogical discourse situation and the predict-observe-explain technique is used for enhancing the analyst domain of TLA. On the one hand, the lecture as a communicative event provides a limited material for pragmatic observation as it is a very specific genre of pedagogical discourse presented in a multimodal form (spoken text plus visual support). On the other hand, such restrictions of the observation material make it easier for students to concentrate precisely on several pragmatic factors referring to the discourse organisation of the lecture (thematic development, cohesion, coherence) and control of language functions (especially at the macrolevel).

The lecture starts with the pre-analysis stage aimed at the activation of students’ current knowledge about the contribution of pragmatic factors to communication. Depending on the precise objectives of the pragmatic awareness instruction, students’ attention may be directed to the effects of discourse organisation on communication, the use of macrofunctions (description, argumentation, explanation, commentary), text design conventions in argumentative discourse, etc. Students are explained that they are going to participate in the predict-observe-explain activity and perform the communicative roles of (1) active listeners of the lecture, i.e. the message receivers and subject matter constructors and (2) participating observers who take up the metaposition of the speech act analyst. Given the theme of the lecture,

its plan and the task objectives, students are invited to share their anticipations about the ultimate communicative goal of the lecturer as the sender of the message, the possible ways of thematic development, logical ordering of the lecture content, etc. Students are provided with the list of key points for observation which may differ depending on the precise task objectives. For example, students may be instructed to observe the lecture thematic development and take notes on the topic-focus relations, integration of sub-themes, sequence of points of relevance and supporting examples, etc. In observing coherence and cohesion as the pragmatic factors, students take notes on the unity of concepts, the ways of nominating key concepts, logical connections, use of cohesive devices, back referencing, etc.

The lecture lasts for approximately 50 minutes; if necessary additional pauses during the lecture may be planned for students to fill in the observation lists. The lecture is followed by students' sharing and discussing the results of their observation. To find more meaningful explanations of pragmatic phenomena (communicative intentions, implied meanings, presuppositions), students may turn to interviewing the lecturer as the sender of the message. The interaction activity is concluded by the reflective (and if necessary, corrective) feedback from the lecturer who summarises the results of students' observation and highlights the relations between "form" (organisation of the lecture as a speech act, structure of the lecture as a discourse unit) and "meaning" (the subject-matter content of the lecture). Such engaging predict-observe-explain instruction aims at the development of students' pragmatic awareness but also contributes to students' understanding of scientific concepts because explanations of pragmatic features (thematic relations, contextual relevance, functional purposes, etc.) usually entail a deeper examination of the subject-matter content.

Teacher students' plurilingual awareness development: focus on self-monitoring of plurilingual experience

Nowadays L2 user's ability to act across languages and employ his/her integrated (L1-L2) communicative repertoire for meaning negotiation is identified as one of the key factors of communicative effectiveness (CEFR, 2020). TLA comprises the knowledge about negative and positive effects of cross-linguistic transfer in L2 learning and about emergent consequences of L1-L2 interrelatedness for cognition and communication. L2 teachers' plurilingual awareness

embraces their willingness to modulate the usage of L1 and L2 according to communicative situations within a variety of language teaching contexts.

Plurilingual awareness-raising training may start with involving teacher students in self-monitoring of their plurilingual experience by means of the reflective writing technique. In this case the lecture is organised as the translanguaging communicative event. The learning objectives of such plurilingual awareness-raising lecture design refer to the user and the analyst domains of TLA. The user domain is activated through the enhancement of students' plurilingual comprehension skills. The focus is put on students' abilities to collocate information from sources in different languages, deduce messages from different languages and construct integrated meanings mediated by different languages. As far as the analyst domain of TLA is concerned, the focus is put on enhancing students' procedural knowledge about the communicatively purposeful blending or alternating of languages and the contribution of the plurilingual context to the subject-matter perception and interpretation.

The lecturer facilitates the plurilingual space by presenting lecture materials (subject-matter content units, ConcepTests, lists for reading) both in L1 and L2. Modes of languages inter-functioning are selected depending on the theme of the lecture and the precise objectives of TLA instruction. The lecturer may either focus on highlighting differences and similarities in conceptualising phenomena under study in the L1 and L2 academic discourses (terminology, taxonomies, ways of interpretation, etc.) or present the holistic picture of the concept by activating L1 and L2 as affordances to cognitive models. Code-switching within the lecture is used for foregrounding specific attributes of concepts, for leading the development of ideas and encouraging conceptual talks.

After the lecture students get lists for further reading (which include items in L1 and L2) and post-lecture processing writing assignments. Given the objectives of the plurilingual awareness training, the reflective writing assignment contains instructions aimed at encouraging students

(1) to reflect on the subject matter of the lecture, to clarify concepts under study and make meaningful connections to the personal experience (for example, Kalman (2018) gives the following sample of

the reflective writing instruction: *'Write down your own understanding of concepts, relationship among those concepts, or relationship of the material to your former knowledge from other disciplines and life experience'* (Kalman, 2018, p. 63);

(2) to reflect on the contribution of plurilingual comprehension to the conceptual understanding of the subject matter (for example, students are encouraged to clarify how similarities and differences in L1 and L2 conceptualisations contribute to their individualised knowledge of the phenomenon under study, how information from different language sources impacts the formation of a more holistic picture of the subject matter, etc.)

Research on reflective writing shows that such tasks make students enter into the self-dialogue about the subject matter content and find the ways how to make sense of it (Kalman, 2018). The writing technique engages students in reflecting metacognitively on the material by means of the back-and-forth movement of the hermeneutical circle (Kalman, 2018). If prospective L2 teachers intend to meet today's requirements of promoting plurilingualism in the language teaching class, they need to start with gaining conceptual understanding of plurilingual learning materials and developing in themselves the positive attitude to acting across languages. Written reflection on their own plurilingual learning experience is a good way to enhance teacher students' openness to relying on their holistic language repertoire.

Conclusion

The improvement of metalinguistic instruction in higher education of L2 teachers is a complex professional challenge. Answering the question whether TLA can be taught, Young (2018) highlights that *'awareness is a personal, individual sensibility, which develops as a result of greater understanding, empathy, experience of and knowledge about language and languages'* (Young, 2018, p. 35). In our study we offer for the further discussion and critique the principle of centrality of critical language awareness in the structure of L2 teacher's professional identity.

One of the objectives of our research has been to explore the contribution of interactive lecture tools to enhancing metalinguistic reflexivity in prospective L2 teachers. We state that new instructional practices (namely, the interactive lecture course of engaging instruction) can transform theoretical linguistic courses into effective

learning events where the conceptual conflict between naive and scientific metalinguistic reflection is resolved. The lecturer as the designer of the language awareness-raising course aims at providing favourable conditions for the development of TLA by (1) adopting special procedures of the lecture content organisation; (2) using various interactive lecture tools selected in accordance with the specifics of the lecture subject matter, the aim of TLA instruction and desired learning outcomes; (3) scaffolding subject matter understanding through mediating concepts/texts/communication and engaging students in reflective activities; (4) monitoring students' metalinguistic reactions and maintaining reflective feedback loops. One of the challenges of such interactive lecture design lies in the necessity to find balance between all the domains of TLA and select appropriate didactic instruments for developing both declarative and procedural language awareness and prepare students for their professional roles of language users, language analysts and language teachers.

To design the interactive lecture course with the focus on TLA development, the instructor needs to be inquiry centered. Inquiry centered programs are known to be aimed at encouraging students to explore, search for new ways of initiating inquiries and expand their patterns of learning (McBeath, 1992). Interactive lecture tools help students identify language problems and resolve them relying on the knowledge of the initial generic relations that determine the essence of language, discourse and communication phenomena.

Литература

- Andrews S. Teacher language awareness and the professional knowledge base of the L2 teacher // *Language Awareness*. – 2003. – № 12(2). – Pp. 81-95. Doi: <https://doi.org/10.1080/09658410308667068>
- Andrews S. *Teacher language awareness*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2007.
- Andrews S., Lin A. M. Y. Language awareness and teacher development // *The Routledge handbook of language awareness* / P. Garrett & J. M. Cots (Eds.). – London & New York: Routledge, 2018. – Pp. 57-74
- Bardovi-Harlig K. Pragmatic awareness in second language acquisition // *The Routledge handbook of language awareness* / P. Garrett & J.

- M. Cots (Eds.). – London & New York: Routledge, 2018. – Pp. 323-338.
- Bartels N. Knowledge about language // *The Cambridge guide to the second language teacher education* / A. Burns & J. C. Richards (Eds.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009. – Pp. 125-134.
- Cook V. Premises of multi-competence // *The Cambridge handbook of linguistic multi-competence* / V. Cook & L. Wei (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – Pp. 1-25.
- Common European framework of reference for languages: Learning, teaching, assessment. Companion volume with new descriptors. Strasbourg: Council of Europe, 2018.
- Croft W., Cruse D.A. *Cognitive linguistics*. New York: Cambridge University Press, 2004.
- Crouch C. H., Mazur E. Peer instruction: Ten years of experience and results // *American Journal of Physics*. – 2001. – № 69 (9). – Pp. 970-977. Doi: <https://doi.org/10.1119/1.1374249>
- Davydov V. V. What is real learning activity? // *Learning Activity and Development* / M. Hedegaard & J. Lompscher (Eds.). Aarhus: Aarhus University Press, 1999. – Pp. 123-138.
- Ellis R. Activities and procedures for teacher training // *ELT Journal*. – 1986. – № 40(2). – Pp.91-99. Doi: <https://doi.org/10.1093/elt/40.2.91>
- Gray J. Critical language teacher education? // *The Routledge handbook of English language teacher education* / S. Walsh & S. Mann (Eds.). – London & New York: Routledge, 2019. – Pp. 68-81.
- Jessner U. *Linguistic awareness in multilinguals: English as a third language*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.
- Jessner U. Metacognition in multilingual learning: A DMM perspective // *Metacognition in Language Learning and Teaching* / A. Haukas, C. Bjørke & M. Dypedahl (Eds.). London & New York: Routledge, 2018. – Pp. 31-47.
- Jones J. M. Discussion group effectiveness is related to critical thinking through interest and engagement // *Psychology Learning and Teaching*. – 2014. – № 13 (1). – Pp. 12-24. Doi: <https://doi.org/10.2304/plat.2014.13.1.12>
- Kalman C. S. *Successful science and engineering teaching: Theoretical*

- and learning Perspectives. – Springer International Publishing, 2018.
- Kecskes I. Dual and multilanguage systems // *International Journal of Multilingualism*. – 2010. – №7(2). – Pp. 91-109. Doi: <https://doi.org/10.1080/14790710903288313>
- Langacker R. W. *Cognitive grammar: A basic introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Lawrence J. A., Valsiner J. Making personal sense: An account of basic internalization and externalization processes // *Theory & Psychology*. – 2003. – №13(6). – Pp. 723–752. Doi: <https://doi.org/10.1177/0959354303136001>
- Lonka K., Ketonen E. How to make a lecture course an engaging learning experience? // *Studies for the Learning Societies*. – 2012. № 2 (3). – Pp. 63-74. Doi: <https://doi.org/10.2478/v10240-012-0006-1>
- Mazur E. *Peer instruction: A user's manual*. – Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1997.
- Meltzer D. E., Manivannan K. Transforming the lecture-hall environment: The fully interactive physics lecture // *American Journal of Physics*, 2002. – №70(6). – Pp. 639-654. Doi: <https://doi.org/10.1119/1.1463739>
- McBeath R. J. Preface // *Instructing and evaluating in higher education: A guidebook for planning learning outcomes* / R. J. McBeath (Ed.). – New Jersey: Educational Technology Publications, 1992. Pp. vii-xiv.
- Otwinowska, A. English teachers' language awareness: Away with the monolingual bias? // *Language Awareness*. – 2017. – № 26 (4). – Pp. 304-324. Doi: <https://doi.org/10.1080/09658416.2017.1409752>
- Rahman N. A., Masuwai A. Transforming the standard lecture into an interactive lecture: The CDEARA model // *International Journal for Innovation Education and Research*. – 2014. – №2 (10). – Pp. 158-168. Doi: <https://doi.org/10.31686/ijer.vol2.iss10.256>
- Teacher competences for languages in education: Conclusions of the project. – Strasbourg: Council of Europe, European Centre for Modern Languages, 2019.
- Tuma F. The use of educational technology for interactive teaching in lectures // *Annals of Medicine and Surgery*. – 2021. – № 62. – Pp. 231-235. Doi: <https://doi.org/10.1016/j.amsu.2021.01.051>

- Vygotsky L. S. The Collected Works. Volume 1: Problems of General Psychology. – New York: Plenum Press, 1987.
- Young A. S. Language awareness, language diversity and migrant languages in the primary school // The Routledge handbook of language awareness / P. Garrett & J. M. Cots (Eds.). – London & New York: Routledge, 2018. – Pp. 23-39.

References

- Andrews, S. (2003). Teacher language awareness and the professional knowledge base of the L2 teacher. *Language Awareness*, 12 (2), 81-95. Doi: <https://doi.org/10.1080/09658410308667068>
- Andrews, S. (2007). *Teacher language awareness*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Andrews, S., & Lin, A. M. Y. (2018). Language awareness and teacher development. In P. Garrett & J. M. Cots (Eds.), *The Routledge handbook of language awareness* (pp. 57-74). London & New York: Routledge.
- Bardovi-Harlig, K. (2018). Pragmatic awareness in second language acquisition. In P. Garrett & J. M. Cots (Eds.), *The Routledge handbook of language awareness* (pp. 323-338). London & New York: Routledge.
- Bartels, N. (2009). Knowledge about language. In A. Burns & J. C. Richards (Eds.), *The Cambridge guide to the second language teacher education* (pp. 125-134). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Cook, V. (2016). Premises of multi-competence. In: V. Cook & L. Wei (Eds.), *The Cambridge handbook of linguistic multi-competence* (pp. 1-25). Cambridge: Cambridge University Press.
- Common European framework of reference for languages: Learning, teaching, assessment. Companion volume with new descriptors.* (2018). Strasbourg: Council of Europe.
- Croft, W., & Cruse, D. A. (2004). *Cognitive linguistics*. New York: Cambridge University Press.
- Crouch, C. H., & Mazur, E. (2001). Peer instruction: Ten years of experience and results. *American Journal of Physics*, 69 (9), 970-977. Doi: <https://doi.org/10.1119/1.1374249>
- Davydov, V. V. (1999). What is real learning activity? In M. Hedegaard & J. Lompscher (Eds.), *Learning Activity and*

- Development* (pp. 123-138). Aarhus: Aarhus University Press.
- Ellis, R. (1986). Activities and procedures for teacher training. *ELT Journal*, 40 (2), 91-99. Doi: <https://doi.org/10.1093/elt/40.2.91>
- Gray, J. (2019). Critical language teacher education? In S. Walsh & S. Mann (Eds.), *The Routledge handbook of English language teacher education* (pp. 68-81). London & New York: Routledge.
- Jessner, U. (2006). *Linguistic awareness in multilinguals: English as a third language*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Jessner, U. (2018). Metacognition in multilingual learning: A DMM perspective. In A. Haukas, C. Bjørke & M. Dypedahl (Eds.), *Metacognition in Language Learning and Teaching* (pp. 31-47). London & New York: Routledge.
- Jones, J. M. (2014). Discussion group effectiveness is related to critical thinking through interest and engagement. *Psychology Learning and Teaching*, 13 (1), 12-24. Doi: <https://doi.org/10.2304/plat.2014.13.1.12>
- Kalman, C. S. (2018). *Successful science and engineering teaching: Theoretical and learning Perspectives*. Second Edition. Springer International Publishing.
- Keckes, I. (2010). Dual and multilanguage systems. *International Journal of Multilingualism*, 7 (2), 91-109. Doi: <https://doi.org/10.1080/14790710903288313>
- Langacker, R. W. (2008). *Cognitive grammar: A basic introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Lawrence, J. A., & Valsiner, J. (2003). Making personal sense: An account of basic internalization and externalization processes. *Theory & Psychology*, 13(6), 723-752. Doi: <https://doi.org/10.1177/0959354303136001>
- Lonka, K., & Ketonen, E. (2012). How to make a lecture course an engaging learning experience? *Studies for the Learning Societies*, 2 (3), 63-74. Doi: <https://doi.org/10.2478/v10240-012-0006-1>
- Mazur, E. (1997). *Peer instruction: A user's manual*. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.
- Meltzer, D. E., & Manivannan, K. (2002). Transforming the lecture-hall environment: The fully interactive physics lecture. *American Journal of Physics*, 70 (6), 639-654. Doi: <https://doi.org/10.1119/1.1463739>
- McBeath, R. J. (1992). Preface. In R. J. McBeath (Ed.), *Instructing and*

evaluating in higher education: A guidebook for planning learning outcomes (pp. vii-xiv). New Jersey: Educational Technology Publications.

- Otwinowska, A. (2017). English teachers' language awareness: Away with the monolingual bias? *Language Awareness*, 26 (4), 304-324. Doi: <https://doi.org/10.1080/09658416.2017.1409752>
- Rahman, N. A., & Masuwai, A. (2014). Transforming the standard lecture into an interactive lecture: The CDEARA model. *International Journal for Innovation Education and Research*, 2 (10), 158-168. Doi: <https://doi.org/10.31686/ijer.vol2.iss10.256>
- Teacher competences for languages in education: Conclusions of the project.* (2019). Strasbourg: Council of Europe, European Centre for Modern Languages.
- Tuma, F. (2021). The use of educational technology for interactive teaching in lectures. *Annals of Medicine and Surgery*, 62, 231-235. Doi: <https://doi.org/10.1016/j.amsu.2021.01.051>
- Vygotsky, L. S. (1987). *The Collected Works. Volume 1: Problems of General Psychology*. New York: Plenum Press.
- Young, A. S. (2018). Language awareness, language diversity and migrant languages in the primary school. In P. Garrett & J. M. Cots (Eds.), *The Routledge handbook of language awareness* (pp. 23-39). London & New York: Routledge.

УДК 811.11

<https://doi.org/10.25076/vpl.44.06>

А.В. Радюк

Л.С. Колесникова

Российский университет дружбы народов

**РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ Д. ТРАМПА И Б. ДЖОНСОНА:
КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЛИДЕРОВ**

Статья исследует прагмалингвистические особенности формирования образа политика в публичном политическом дискурсе. Политический дискурс рассматривается как процесс осуществления властных полномочий речевыми средствами. Риторическая эффективность речи политика имеет

непосредственное влияние на процессы овладения властью, сохранение, осуществление, распределение власти, сложение полномочий. Авторы рассматривают коммуникативную стратегию как общий теоретический план по реализации подобных практических целей. Отмечены такие свойства коммуникативной стратегии как целенаправленность, гибкость, контекстуальность, интенциональный характер.

В статье через призму компонентов языковой личности описаны речевые портреты британского и американского лидеров, обозначены характерные особенности их речи, сопоставлены из точки зрения на климатическую повестку дня, освещена динамика их позиций и их вербализация за период 2011 - 2021 гг. В работе применяется метод функционально-синергетического анализа, рассматривающий дискурс как системное образование смысловых компонентов, взаимодействующих посредством прагма-семантически отношений и направленных к коммуникативной цели.

Авторы приходят к выводу о том, что климатическая риторика в выбранный период у обоих лидеров обозначена четко, имеет существенное значение для конструирования образа политика как сторонника защиты окружающей среды и имеет непосредственное влияние на его деловую репутацию. Отмечена динамика взглядов на данный вопрос в выступлениях американского президента. На материале его устных и письменных высказываний отслеживается трансформация прагма-семантической системы смыслов и переход ее от скептицизма к опровержению и поддержке.

Полученные результаты демонстрируют серьезную роль стратегического речевого планирования речи политика и могут быть полезны для обогащения коммуникативного репертуара публичного человека.

Ключевые слова: политический дискурс, функциональный анализ, речевой портрет, языковая личность, коммуникативная стратегия, создание имиджа

UDC 811.11
<https://doi.org/10.25076/vpl.44.06>
A.V. Radyuk
L.S. Kolesnikova
RUDN University

**SPEECH PORTRAITS OF D. TRUMP AND B. JOHNSON:
COMMUNICATIVE STRATEGIES OF POLITICAL LEADERS**

The article examines the pragmalinguistic features of the image of a politician in public political discourse. Political discourse is viewed as a process of exercising power by speech means. The rhetorical effectiveness of a politician's speech has a direct impact on the processes of mastering power, preserving, exercising, distributing it and resigning. The authors consider the communication strategy as a general theoretical plan for the implementation of such practical goals. Such properties of the communicative strategy as purposefulness, flexibility, contextuality, intentional character are noted.

Through the prism of the components of the linguistic personality, the article describes the speech portraits of British and American leaders, identifies the features of their speech, compares their points of view on the climate agenda, highlights the dynamics of their positions and their verbalization for the period of 2011-2021. The work uses the method of functional-synergetic analysis, which considers discourse as a systemic unity of semantic components interacting through pragma-semantic relations and directed towards a communicative goal.

The authors come to the conclusion that the climate rhetoric in the chosen period is clearly defined by both leaders, is essential for constructing the image of a politician as a supporter of environmental protection, and has a direct impact on his business reputation. The dynamics of views on this issue in the speeches of the American president is noted. Based on the material of his oral and written statements, the transformation of pragma-semantic system of meanings and its transition from skepticism to refutation and support are traced.

The results obtained demonstrate the serious role of strategic speech planning of a politician's speech and can be useful for enriching the communicative repertoire of a public person.

Keywords: political discourse, functional analysis, speech portrait, linguistic personality, communication strategy, image creation

Введение

На сегодняшний день политический дискурс является одной из наиболее динамичных и противоречивых сфер институциональной коммуникации (Kozlovskaya, Rastyagaev & Slozhenikina, 2020). Он отображает процессы, связанные с деятельностью политических лидеров, взаимодействие власти и общества работой политической партий и организаций. Конструктивное общение, нацеленное на взаимовыгодное взаимодействие как отдельных лиц, так и политических институтов и государств лежит в основе дальнейшего процветания общества и сохранения мира. Исследование роли определенных тем, методов подачи информации в формировании образа политика является актуальным еще и потому, что позволяет ему заполучить поддержку аудитории и тем самым выполнить практические задачи, связанные с осуществлением власти. Как пишет Е.В. Переверзев (2008), современная политическая лингвистика рассматривает факт существования власти как перформативный акт, власть осуществляется в дискурсе и без “озвучивания” “проговаривания” не существует. В таком ключе политический дискурс обозначает сам факт политической жизни, это форма существования политики, осуществления политической воли.

Предметом исследования в данной статье являются отрывки из выступлений политических лидеров США и Великобритании на тему климатических изменений. Изменение климата и его экономические последствия находятся на повестке дня не первый год, однако, последнее десятилетие отмечено особо интенсивными действиями на пути к ограничению выбросов парниковых газов, поиском мер для трансформации производства и внедрению новых экологичных технологий. Объектом исследования служит проблема формирования речевого портрета вербальными средствами с учетом интенциональности коммуникации в политической среде.

В связи с этим цель статьи состоит в том, в чтобы выяснить, как коммуникативная стратегия создания имиджа реализуется в речи политических лидеров. В работе решаются следующие задачи:

- анализируются ключевые теоретические понятия коммуникативной стратегии и тактики, речевого портрета, языковой личности;
- определяются отличительные черты и коммуникативный репертуар политиков по отдельности;
- проводится сопоставительный анализ речевых портретов американского и британского лидеров;
- проясняется роль климатической риторики и ее динамики в формировании образа политика в целом и ее влияние на деловую репутацию.

Коммуникативная стратегия и тактика в прагмалингвистических исследованиях

Современная наука предлагает различные подходы к определению понятия «коммуникативная стратегия», которые по своей сути являются взаимодополняющими. Понятие «стратегия» долгое время существовало исключительно в сферах с комплексной и ориентированной на достижение цели деятельностью – в военном деле, политике, юридической науке, педагогике (Малюга, 2009) и только относительно недавно вошло в лингвистику.

Коммуникативная стратегия трактуется разнообразно в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Например, Е.В. Клюев дает определение коммуникативной стратегии как «совокупности теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» (Клюев, 1998), а М.Л. Макаров как «цепочка решений говорящего, его выбор определенных коммуникативных действий и языковых средств: реалий набора целей в структуре общения» (Макаров, 2003). Е.Г. Борисова трактует коммуникативную стратегию как «способ организации речевого поведения в соответствии с интенцией коммуниканта» (Борисова, 2006).

Т.А. ван Дейк полагает, что стратегия – это организация последовательности действий, которая включает в себя цели взаимодействия. Однако не стоит путать стратегию и план, что подразумевает под собой когнитивную макроструктуру мотивов и целей, способов достижения которой может быть множество, а стратегия подразумевает под собой именно процесс достижения цели (Дейк, 1989).

О.С. Иссерс рассматривает коммуникативные стратегии как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» (Иссерс, 2008, с.54). Так же в своем исследовании «Коммуникативные тактики и стратегии русской речи» О.С. Иссерс так же приводит классификацию коммуникативных стратегий, среди которых она выделяет общие и частные (Там же, с. 109). Под общими коммуникативными стратегиями подразумеваются стратегии, с помощью которых можно воздействовать на адресанта, а под частными – стратегии, которые представляют разговор с конкретными целями, где под конечной целью понимается, по мнению автора, «коррекции модели мира реципиента». Так же О.С. Иссерс полагает возможным разделение коммуникативных стратегий по следующим параметрам:

1. Наличие или отсутствие ориентированности на кооперацию: кооперативные и конфронтационные;
2. Степень значимости намерения: общие и частные;
3. Характер функционирования в момент коммуникации: основные и вспомогательные (прагматические, диалоговые, риторические) (Маслова, 2010).

Конкретизируя определение термина коммуникативная стратегия, можно прийти к следующему: коммуникативная стратегия – это тип поведения одного из участников диалогического общения, обусловленный и соотносённый с планом достижения глобальной и локальной коммуникативных целей в рамках типового сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа (Романов, 1984).

Особо стоит выделить, что средством достижения каких-либо коммуникативных целей является коммуникативная тактика, которая по сути является составляющей единицей стратегии, более мелкой единицей по сравнению с ней и соотносится друг с другом как вид и род (Верецагин, Ратмайр, Ройтер, 1992). Коммуникативные тактики классифицируют модальные оттенки разговора и составляют часть диалога. В своих исследованиях О.С. Иссерс так же предлагает схему описания тактик (Иссерс, 2008):

Информация о прогнозируемом коммуникативном событии может быть трёх видов:

1. Знание о типе речевого акта,

2. Собственные пресуппозиции или пресуппозиции партнёра,

3. Собственные представления и гипотетические представления партнера о прогнозируемой ситуации общения.

Варианты ответа могут быть следующие: информации достаточно либо недостаточно и у участников совпадают либо не совпадают когнитивные пресуппозиции и представления о ситуации – если ответ на эти вопросы отрицательный, необходимо внести дополнительные коммуникативные ходы (прямой/косвенный запрос информации, извинение, уступка, разные способы коррекции модели мира).

4. Позиции, представленные в возможном диалоге (позиции могут быть симметричными и не симметричными (в свою очередь делятся на слабые и сильные). В случае если тактику описывают как слабую, то актору коммуникации приходится использовать прием «игры на собственное повышение или игры на понижение оппонента». Сильная тактика – это способность оппонента выражать сопротивление (в таком случае коммуникатор заведомо использует тактику «с запасом прочности» или «с эффектом превышения коммуникативных усилий»).

4. Установки коммуникатора и реципиента (в зависимости от типа общения). Если установки совпадают, дополнительные тактики отсутствуют, если нет – применяется тактика эмоционального настроя или «самопрезентация».

5. Условия для успешности выбранной коммуникативной тактики. Социальные и культурные рамки определяют успех того или иного высказывания, потому что исходя из этих параметров можно судить об уместности высказывания. Но уместность как категория является не фактором достижения цели, а признанием оппонентом права говорящего на использование данного выражения в данном контексте.

6. Перлокутивные эффекты, указывающие на качество выбора речевой тактики (успех/неудача). Использование той или иной речевой тактики может быть в некотором роде предсказуемо с точки зрения успеха или неудачи её применения.

7. Коммуникативные ходы для осуществления намерения. В сознании говорящего существует так называемый фрейм, который обуславливает понимание человеком чего-либо и его действия в

рамках этого понимания, целостность, которая обуславливает осмысления человека себя в мире. Исходя из предположения о наличии у коммуникатора фрейма, можно предположить, что есть несколько моделей поведения коммуникатора в конкретной ситуации (парадигма коммуникативных ходов, что и является речевой тактикой).

8. Языковые ресурсы для реализации замысла. Поверхностные структуры текста прямо или косвенно могут подавать сигналы о значении дискурса. Если это происходит косвенно, то информация о языковых маркерах поможет понять замысел и тактические задачи коммуникатора.

Вопрос о том, какую выбрать стратегию или тактику решается исходя из контекста ситуации или мнения говорящего относительно вопроса или ситуации (Формановская, 2002, с.72).

Необходимо отметить, что в политическом дискурсе речь идет об интенциональном характере речевого планирования, коммуникативные стратегии применяются осознанно политиком непосредственно в момент выступления или в рамках образа, создаваемого профессиональными политтехнологами.

Особенности политического дискурса

Политика – одна из самых иррациональных частей человеческого существования. Связь между политикой и языком неоспорима, например, коммуникативный аспект – это важнейший фактор существования и деятельности политического режима, государства и его институтов. Особенно в эпоху, когда к трем основным ветвям власти (законодательная, исполнительная, судебная) добавилась специфическая четвертая – средства массовой информации (СМИ), а управление информационными потоками стало неотъемлемой частью и важной составляющей завоевания и удержания власти. Политический дискурс – это особый язык политики, который представляет этот мир (Кузьмина, 2011, с. 54-56.). Содержание политического дискурса в настоящий момент можно описать как структуру и единство речевых актов, имеющих отношение и непосредственно функционирующие в политическом пространстве (Равочкин, 2018, с. 244-250), а широкое понимание содержания политического дискурса дает основание считать целесообразным отнесение к нему устных и письменных текстов (или их фрагментов) авторства журналистов,

профессиональных политологов и неспециалистов в этой области (Евтушина, Ковальская, 2014, с. 42-46). Так же немаловажна связь этих текстов/фрагментов с ситуативным контекстом, историческим, социокультурным, экономическим, идеологическим, психологическим и правовым факторами.

Являясь собой, по сути, искусством (искусством управлением государством), политика предъявляет своего рода требование для политических лидеров в виде риторической коммуникации – это один из ключевых факторов успеха на политическом поприще, так как зачастую успешность политического курса напрямую зависит от успешно выстроенной политической коммуникации. Политические стратегии разрабатываются с учетом превалирования коммуникативной составляющей и нацелены на создание среды, где процесс коммуникации обусловлен наличием правил и границ, которые создаются основным дискурсом (Равочкин, 2018, с. 244-250).

Политический дискурс видит своей основной целью инструментальное предназначение в процессе борьбы за власть и влияние между несколькими политическими силами, который включает в себя все стадии: овладение властью, её сохранение, осуществление, стабилизация/перераспределение власти, сложение полномочий/отстранение от власти (Шейгал, 2000). Отсюда вытекает позиция, что убеждающая сила – основная характеристика политического дискурса (Синеокая, 2012, с. 512).

А.Г. Корсунский полагает, что проблема признания является первостепенной для политического дискурса (Корсунский, 2016, с.108-111). Но одновременно с этим действия, совершаемые в рамках политического дискурса, можно определить как достижение иных коммуникативных целей политики, таких как информативная, привлечение внимания, уничижение оппонента и т.д., и как напрямую не связанные с борьбой за власть.

Политический дискурс имеет свои особенные характеристики. Одна из первых – это множественное жанровое воплощение политического дискурса. Жанр – целеполагающая характеристика речи. Жанры, используемые в политическом дискурсе можно классифицировать следующим образом: эпидейктические (ритуальные), ориентационные и агональные. Примерами данной классификации можно назвать предвыборные программы, дебаты,

интервью и «дежурные» речи политических деятелей, статьи на политическую тему, аналитика на политическую тему, программы партий и т.д. Внутри данной классификации так же можно выделить и специфические типы политического дискурса: дипломатический и партийный (Алешина, 2016, с.155-158). Широкий спектр жанров политического дискурса жестко ограничен формами политических взаимодействий (например, процесс принятия политических решений, действия оппозиционных партий и т.д.), а многообразии типов политического дискурса можно подразделить на локальные и национальные по масштабы охвата и вовлеченности аудитории. Таким образом, локальные виды политического дискурса проявляются в ситуациях, например, со сменой лидера в малой политической партии, а национальный вид политического дискурса проявляет себя в ситуации, например, выбора президента или парламента, референдумов и т.д. (Пушкарева, 2013, с.90-100).

Следующая особенность политического дискурса проявляется в феномене формирования отдельными языковыми коллективами собственных культурных ценностей. То есть в эту особенность политического дискурса входят, например, способы установления и пропаганды социального порядка, определение важности разных элементов «языковой картины мира» (Лису, 2015, pp.903-906). Субъект исследования неизбежно приходит к необходимости ознакомления с национально-культурной спецификой политического дискурса при попытке проникнуть глубже в суть языковой картины мира конкретного общества (Архипкин, 2013, с.15-18). Потому что именно в политическом языке отражается менталитет этого общества и иногда идеология, потому что политический дискурс – это продукт «жизнедеятельности» множества культур на разных этапах развития общества и культурного диалога. Помимо это политический дискурс – это одно из основных средств межкультурной политики, которая формировалась этим дискурсом, функционировало и адаптировалось под временные изменения с его помощью (Тищенко, 2016, с.99-101). Исследования политического дискурса позволяют проникнуть в личность автора, его ментальный мир и структурные элементы этого мира. Национально-культурная специфика общества тесно связана с языковой картиной мира,

языковым сознанием говорящего, которые основываются на выработанных обществом в течение долгого времени идеях и конструктах. (Там же). Такие категории как власть, язык, политика и время имеют лингвокультурологическое измерение, потому что допускают определение в знаках культуры того или иного общества и в связи их с культурной спецификой того или иного общества (Равочкин, 2018, с.244-250).

Ещё одна особенность политического дискурса – это его двойственность отношений, которая диктуется противоречивостью самой политики, осуществления борьбы за власть и внутреннего и внешнего деления по оси «свой-чужой». В условиях современной обстановки, глобализации и усложнения мира, политический дискурс вовлечен в мировую политику и лингвокультурное пространство практически в равной степени. Как следствие это проявляется в том, что политический дискурс сохраняет собственный этнокультурный код и в тоже время допускает присутствие дискурсивных практик индивидуально личностных маркеров. Д.В. Архипкина утверждает, что политический дискурс соотносится и по смыслу с реальностью и субъектно с определенной группой или группами людей (Архипкин, 2013, с.15-18). В этом свете необходимо уточнить, что в политическом дискурсе отражение различных субъектов не может быть одинаковым. В политическом дискурсе, в его множестве коммуникативных пространств при рассмотрении с точки зрения институционального подхода можно говорить о наличии множества статусно-ролевых отношений. Функции, которые укрепляют социальные связи и отношения, связывают два понятия «роль» и «статус», поэтому можно говорить о том, что разным социальным группам созвучен и понятен разный политический язык, а понимание каждого из такого языка можно рассматривать как фактор образования страт общества и фактор идентификации носителя данного политического языка с конкретной страной (Суллаева, 2013, С.160-165). Например, общение политика с электоратом, автор и адресат соответственно, всегда проводится в соответствии с четко заданными заранее координатами, которые зависят от групповой принадлежности адресатов. Таким образом, становясь частью сложных и многообразных социальных процессов, политический язык имеет

шанс предвосхитить ситуацию в будущем и определить постпозицию носителя языка в социальной структуре.

Неотъемлемой частью политического дискурса являются автор и адресат, но в политическом дискурсе выделяют стандартно три субъекта действия: автор, адресат и наблюдатель (именуемый часто народом). Присутствие такого третьего субъекта оказывает прямое влияние на выбор и реализацию первыми двумя субъектами коммуникативных интенций. Таким образом, многосубъектность вместе с коммуникативными ролями участников политического дискурса определяют осуществление выбора участниками политической коммуникации персуазивных стратегий речевого поведения манипулятивным контекстом по отношению к аудитории, которой не всегда удается или не всегда необходимо скрывать (Цуцива, 2012, С.174-179, Чекменев, 2015, с.23-27). В связи с тем, что неотъемлемой частью политического дискурса является говорящий и слушатель, то сопряженность с «говорящим» превалирует над сопряженностью с темой и стилем (вторичные факторы). Задача по наиболее четкому определению говорящего влечет за собой необходимость определить следующее: адресата, содержание, контекст, результат. Дискурс политики представлен лицами, а политики – языковой личностью (которая включает разные поведенческие моменты). Лицо политика одновременно сливается с текстом и является этим текстом (Кузьмина, 2011, с.54-56).

Современный политический дискурс исключает характерное для дискурса авторитарного режима наделение власти положительными качествами, сближает с народом, проявляет значительную вариативность политических идей в демократическом обществе (Чудинов, Будаев, 2005, С.41-50).

Политический дискурс осуществляется в конкретной ситуации и имеет ярко выраженные прагматингвистические особенности. В прагматизме главным принципом коммуникативного действия является достижение конкретных полезных практических последствий. Дискурсная практика политики осуществляется в рамках определенного контекста и хронотопе в корреляции с конкретными смысложизненными ориентациями и целями его участников.

Политическому дискурсу характерны также релевантность

разнообразие при подборе и употреблении языковых средств, одновременные доступность и сложность при понимании употребляемых специальных терминов, использование многих грамматических форм и комбинаций лексики, отсутствие однообразности текстов при их построении, особый словарь политики, смысловые связи между отдельными политическими концептами, базовыми абстракциями и метафорами, типовыми контекстами словоупотребления и построением суждений (Кузьмин, 2011, С.54-56). Опора дискурса политики – актуальные временные реалии. Речь политических акторов – это важнейшее средство их коммуникативной компетенции, представляет собой уникальный способ идентифицировать того или иного политика.

Подводя итоги можно сказать, что язык политического дискурса преследуя главную цель политики – борьбу за власть – использует богатые речевые конструкции, языковые, когнитивные и коммуникативные инструменты. Не следует забывать, что политический язык является прерогативой не только чиновников, он открыт для каждого языкового сообщества. Манипуляции в политическом дискурсе являются вербальные и невербальные сообщения, неосознаваемые автором, которые создают мнения и формируют стереотипы поведения через языковой образ. Примером такого образа можно назвать оценку по принципу «положительный-отрицательный». Манипуляция включает в себя не только властный элемент, но также предполагает элемент злоупотребления дискурсивной властью – доминированием. Манипуляции же в политическом дискурсе часто осуществляются за счет «искажения значения слов за счет идеологичности, оценочности, модальности, подвижности семантики и прагматики слова, вариативности денотативных и коннотативных значений одних и тех же языковых знаков под влиянием социальных, культурных и других факторов» (Желтухина, 2000). Таким образом язык в дискурсе политики – это средство воздействия, все инструменты которого используются для обнаружения приоритета ценностей и превалярованием эмоциональной составляющей над рациональной (Ivanov & Pogoretskaya, 2021).

Речевой портрет как реализация языковой личности

Описание образа политика невозможно без обращения к понятию языковой личности. В последнее время изучением

языковой личности, индивидуальной и коллективной, занимаются много отечественных ученых, в сферу интереса которых входят лингвокультурология, социолингвистика, психолингвистика, и относительно новая область лингвоперсонология.

Речевой портрет – совокупность речевых характеристик языковой личности в определённый временной период, делающих ее узнаваемой. Индивидуальные черты коммуникации довольно редко становятся предметом лингвистического исследования, однако очевидно, что реальность общения зачастую зависит не от клишированных универсальных черт различных жанров общения, но и от личностного компонента.

В основе речевого своеобразия могут лежать самые разнообразные факторы, как то национально-культурная идентичность, пол и возраст, психологический тип, социальное положение. Понятие речевого портрета определяется через понятие языковой личности. Ряд ученых подчеркивают, что речевой портрет – практическое воплощение языковой личности (ряда потенциальных характеристик).

Личность – это категория общественно-историческая и изучается многими науками. Языковая личность – это более полное представление личности, так как она не является частично-аспективным коррелятором личности в целом, как например правовая и этическая личность. Языковая личность – это целый комплекс противоречий между стабильностью и изменчивостью, устойчивостью множества мотивационных предпосылок и способностью подвергаться внешним воздействиям и взаимовлияниям.

Актуализация языковой личности обусловлена несколькими факторами:

1. необходимость изучения формирования языковой личности в проекции изучения языка на всех уровнях,
2. изучение психологических, социологических и культурологических факторов, которые способствуют формированию этой личности,
3. выявление лингвистической основы речевой деятельности,
4. признание коммуникативной природы языковых единиц и категорий, которые становятся основными единицами обучения.

Языковую личность можно назвать феноменом национального

характера, который необходимо рассматривать как в системе языка, так и в историческом, культурном аспекте и в целом в разрезе всей жизни. Человек благодаря языку общается, познает мир и осуществляет информационный обмен.

Формировать языковую личность можно только посредством объективных факторов, например каждая персоналия имеет комплекс разноплановых и разносторонних возможностей, которые реализуются в универсальное развитие при оптимальных условиях. Для этого принято определять способности человека, уровень его потребностей и мировоззренческих ориентаций, что в свою очередь зависит от жизненного опыта, уровня культуры, образования и иных способностей конкретного человека.

В.В. Виноградов писал о языковой личности как о субъекте, который способен совершать речевые поступки. Он подчеркивал, что языковое творчество личности – это следствие тех коллективных субъектов формы, которых оно носит в себе, творчески их усваивая (Виноградов, 2006).

Л.Вайстберг, один из последователей В. фон Гумбольта, описывал языковую личность в обязательном социолингвистическом контексте родного языка, которому эта личность принадлежит, но определения понятия языковой личности не приводил.

Ю.Н. Караулов определяет «языковую личность» как совокупность характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие человеком текстов, которые различаются по: степени структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью (Караулов, 1987). Ю.Н. Караулов также описал структуру языковой личности, где выделял три уровня: вербально-смантический (лексикон – запас слов человека, который он использует в разных бытовых коммуникаций), тезарус (лингвокогнитивный, который отражает идиолект личности, отличительные характеристики личности) и прагматикон (или мотивационный, а именно цели и задачи коммуникации, речевые интенции спикера). Слова, концепты и потребности в коммуникации – это основание для выделения данных уровней. Они важны для целей исследования, так как подразумевают, что особенности мировоззрения личности проявляются в текстах,

автором которого он является, ученые настаивают на важности при описании языковой личности брать в расчет и индивидуальные характеристики, и нормы речевой деятельности, принятые в социальной группе говорящего (Малюга & Мадинян, 2021).

Г.И.Богин полагал, что языковая личность – это центральное понятие лингводидактики, личность может и «знать о языке», и «мочь с языком что-то делать». Г.И. Богин утверждал, что человек с рождения обладает способностью быть языковой личностью, но каждый индивид должен ею еще стать (Богин, 1984).

Согласно подходу С.Г.Воркачева, языковая личность и речевой портрет имеют общие составляющие: речевая личность (человек, способный к речевой деятельности как носитель языка), коммуникативная личность (особенности вербального поведения человека, использующего язык как средство общения) и этносемантическая личность (базово-национально-культурный прототип носителя определенного языка, который составляется на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре) (Воркачев, 2001, с.64-72).

Таким образом, трудно дать универсальное определение языковой личности, беря в расчет многослойность и противоречивость языковой действительности. Языковую личность возможно трактовать, как следует из приведенных выше мнений исследователей, только в широких рамках, которые охватывают лингвистическую, философскую, психологическую, культурно-антропологическую стороны личности, в разрезе коммуникации. Большинство исследователей, используют в своих работах подход к определению языковой личности Ю.Н. Караулова.

Речевой портрет формируется языковой личностью. Речевой портрет – это функциональная реализация модели языковой личности. Таким образом, создание и многосторонний анализ речевого портрета нацелен на реконструкцию языковой личности по трем уровням (лексикон, тезарус и прагматикон) с учетом индивидуальных особенностей.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что речевой портрет языковой личности – это организованная с точки зрения

иерархии структура, включающая нижеследующие позиции:

1. социо-психо-лингвистический портрет (социальные, психологические, биологические особенности личности, её интересы и увлечения);

2. особенности речевого портрета в рамках лексикона личности (описание и анализ системно-языковых уровней);

3. особенности речевой культуры личности (коммуникативное поведение, адресаты, своеобразие лексики личности).

Полный речевой портрет личности можно описать только приведя полный анализ речи личности, речевого поведения на определенных промежутках времени. Однако это сложно осуществимо, поэтому изучение проблемы языковой личности и создания речевых портретов направлены на конкретные моменты речевого поведения личности, которые отвечают за типовые её черты, которые могут служить для создания типологии языковых личностей.

Методика функционального анализа политического дискурса

В рассмотрении процесса семиозиса политического дискурса мы полагаемся на постулаты функциональной лингвосинергетики, согласно которым смысловая система высказывания является системой смыслов, организующихся в соответствии с законами открытых саморазвивающихся систем (Haken, 1996, Wildgen, 1990) в лингвистике исследуемый (Пономаренко, Храмченко 2018, Малахова, Радюк).

Метод лингвосинергетического анализа основан на утверждении, что функционально-прагматическая организация дискурса системна (Ponomarenko, 2018). Коммуникативная цель высказывания служит функциональным аттрактором – сферой притяжения прагматического потенциала разнонаправленных речевых средств (Malakhova, 2017, Khrumchenko, 2019). Прагма-семантические связи между высказываниями, расположенных в определённой последовательности, служат параметрами порядка и управляют функционированием системы. Под влиянием динамических колебаний внутри и вне системы происходят флуктуации относительные функциональные колебания. В точке бифуркации система дискурса подходит к выбору пути

дальнейшего развития (либо достижение коммуникативной цели, либо коммуникативная неудача) (Пономаренко, 2016).

Исследование речевого портрета политика выполнялось в русле динамико-системного подхода и функциональной прагматики. Согласно схеме функционально-синергетического анализа (Пономаренко 2004, 2016, 2018) на первом этапе определяется базовое высказывание коммуникативного блока (тема), аттрактор (коммуникативная цель) системы смыслов, параметры порядка (функциональные связи между высказываниями). Далее анализируются общие тенденции структурно-семантической организации дискурса и частные процессы, и явления функционального плана (описание этапов эволюции дискурса, роли языковых средств в создании функциональных свойств на пути к аттрактору, хаотических элементов дискурса и их места в развитии системы смыслов, стабилизирующих элементов и факторов, подталкивающих систему к перерождению, выявление спонтанных свойств дискурса). В итоге проводится обобщение данных в синергетической модели данного дискурса.

Ключевым понятием для данной методики является *система дискурса*, понимаемая как система смыслов, формируемая совокупностью средств их речевого выражения, направленная к достижению коммуникативной цели (зоне притяжения, «функциональному аттрактору») и обладающая саморегулятивными свойствами (Пономаренко, 2004).

Синергизм дискурса понимается как эффект сложения смыслов, дающий «не сумму смыслов, а новые смыслы» (по Л.В. Щербе). Иначе такой эффект, когда общий смысл не равен механическому сложению компонентов, называется функциональной нелинейностью дискурса.

В публичной коммуникации данное свойство особенно ярко проявляется при сопровождении сообщений изображениями и гиперссылками. Так, в сообщении the Washington Post представлен заголовок аналитической статьи о новом приложении, использующем игрушечный персонаж.

Is that a gruesome “Sesame street” segment? No, it’s an ad for the dating app Hinge. (The Washington Post, 2019)

После заголовка следует изображение сгорающей игрушки и гиперссылка на статью. Функциональная нелинейность системы

данного дискурса позволяет автору передать свой замысел: оформление приложения является оригинальным и вызывает противоречивые ассоциации у определённого круга лиц.

Функциональным аттрактором (коммуникативной целью дискурса) является сообщение о новом приложении. К нему направлен прагматический потенциал всех компонентов данного сообщения:

1. вербальных (имя собственное – реалия “*Sesame street*”; сочетание вопроса и ответа; дейктический элемент *that*, ссылающийся на изображение);

2. графических (изображение игрушки, которая напоминает персонажа известного одной возрастной категории мультфильма).

Без изображения смысл приведённых высказываний был бы не понятен аудитории несмотря на то, что отдельные предложения сообщают определённую информацию. Воспринимая дискурс синергично, в совокупности, читающий соотносит содержание вербных компонентов с изображением и своими фоновыми знаниями (отсутствие знаний о мультфильме не позволит читающему извлечь смысл из написанного или понять его до конца). Благодаря такому многоканальному, объёмному восприятию, свойственному человеческому мышлению, автор более эффективно доносит смысл до коммуниканта. Система смыслов достигает своей цели - функционального аттрактора.

Проанализировав следующий пример, мы увидим, что в данном высказывании заложено неограниченное число смысловых комбинаций. В зависимости от их организации система дискурса может восстанавливать целостность своего функционального пространства и достигать поставленной коммуникативной цели.

Самоорганизация дискурса проявляется в процессе эволюции смыслов системы. Так, в вышеприведённом примере при линейном восприятии информации возникнет конфликт и непонимание. Однако при подключении воздействий извне (взаимодействии с внешней средой) общий смысл дискурса воспримется не просто как сложение следующих друг за другом пропозиций, а как накапливаемое когнитивно-функциональное пространство, и в этом пространстве каждый элемент играет вносит свой вклад в усиление состояния смысловой системы.

Термин *хаотизация*, используется для обозначения

функциональных колебаний, прагма-семантических приращений, не соответствующих изначальному направлению эволюции системы. Таким элементом может быть название мультфильма, незнакомое некоторым читателям вследствие перехода нарицательного существительного *sesame* в категорию собственного.

Чтобы не превышать оптимальную долю хаотизирующих элементов и не допустить полного разупорядочивания и ухода системы дискурса от нужного направления смысловой эволюции (и, как следствие, срыву коммуникативного замысла), в противовес хаотизирующим тенденциям в синергичной системе дискурса присутствуют стабилизирующие факторы – *параметры порядка*. К ним относятся функциональные отношения между высказываниями (по Т. ван Дейку) (Dijk, 1989), т.е. семантические связи в их функционировании.

Данная методология позволила нам рассмотреть более пристально особенности создания имиджа политика в публичной устной и письменной коммуникации.

Речевой портрет Дональда Трампа

Как отмечают специалисты в области языкознания, политологии и пиара, речевой образ президента США меняется с течением времени. Для анализа методом сплошной выборки были отобраны высказывания, связанные со взглядами политика на тему изменения климата и высказывания его британского коллеги за период 2011-2021 гг.

Пытаясь проследить процесс развития образа Д. Трампа как сторонника защиты климата, Х. Ченг (2021) приводит его высказывания в различные временные периоды.

Так, в интервью Нью Йорк Таймс Д.Трамп отзывается довольно уклончиво о связи климатических изменений и экономики и намекает, что ограничение выбросов затормозит работу корпораций.

«I think there is some connectivity. There is some, something. It depends on how much. It also depends on how much it's going to cost our companies.» (NYT interview, November 2016).

Тактика уклонения от ответа характеризуется обрывочными фразами и повторами. Говорящий осторожно подбирает выражения, повторяя начало предложения, что производит

впечатление нечеткости, спутанности (неопределенное местоимение *some, it depends on* вместо прямого осуждения). Общей коммуникативной стратегией является стратегия смягчения. С другой стороны, подобный способ речевого выражения позволяет избежать категоричности и обойти острые углы. В долгосрочной перспективе в политической коммуникации данное свойство позволяет лавировать между различными точками зрения в условиях меняющейся глобальной конъюнктуры. Речевой портрет Трампа 2016 году можно характеризовать как осторожного противника ограничений в экономике, связанных с контролем за климатом.

Промежуточный этап климатической риторики характеризуется выходом США из Парижского соглашения по климату. В заявлении 2017 года Д.Трамп описывает свою роль как защитника интересов простых американцев – рабочих, налогоплательщиков.

Образ Д. Трампа как политика в 2017 году опирается на таких ценностях, как верность, обязательства, благополучие граждан (*solemn duty, commitments*). Президент применяет тактику создания общих ценностей (*wellbeing, fair*, тактику лести (*great people, who I love*).

*On these issues and so many more, we're following through on our **commitments**. And I don't want anything to get in our way. I am fighting every day for the **great people** of this country. Therefore, in order to fulfill my **solemn duty** to protect America and its citizens, the United States will withdraw from the Paris Climate Accord — (applause) — thank you, thank you — but begin negotiations to reenter either the Paris Accord or a really entirely new transaction on terms that are fair to the United States, its businesses, its workers, its people, its taxpayers... As President, I can put no other consideration before the **wellbeing** of American citizens. The Paris Climate Accord is simply the latest example of Washington entering into an agreement that disadvantages the United States to the exclusive benefit of other countries, leaving American workers — **who I love** — and taxpayers to absorb the cost in terms of lost jobs, lower wages, shuttered factories, and vastly diminished economic production. (Statement by President Trump on the Paris Climate Accord, 2017).*

Уже в 2018 году речевой портрет меняется в связи с внешними факторами – растет внимание к данному вопросу в

международной прессе и в глобальной экономике в целом. Неосторожно назвав изменение климата фальшивкой, Д. Трамп вынужден впоследствии неоднократно «оправдываться» за свои слова.

«I don't think there's a hoax. I do think there's probably a difference. But I don't know that it's man-made... I don't wanna give trillions and trillions of dollars.» (CBS interview, October 2018)

В интервью на канале CBS Д. Трамп прибегает к коммуникативной тактике частичного несогласия. Первая часть высказывания содержит опровержение предыдущего заявления, а вторая поясняет его мнение.

«Climate change is very important to me. I've done many environmental impact statements in my life, and I believe very strongly in very, very crystal clear clean water and clean air.» (December 2019)

В январе 2020 Д. Трамп заявляет, что данная тема серьезна и не должна быть предметом шуток.

«Nothing's a hoax about that. It's a very serious subject... I want the cleanest air, I want the cleanest water. The environment is very important to me. I also want jobs. I don't want to close up our industry because somebody said you have to go with wind.» (Cheung, 2021)

Ряд оправдательных высказываний на тему фальшивки (hoax) составляют своего рода подсистему всего дискурса Трампа о климате. Данная подсистема характеризуется наличием коммуникативной цели – опровергнуть тезис о том, что «угроза климатических изменений – обман». При этом ей свойственен определённый тон, задаваемый отдельными речевыми ходами:

- акцент на отрицательных конструкциях (*I don't think, Nothing's a hoax, I don't want*). Отрицания создают образ непоследовательного в своих суждениях политика;
- повторы. Причем повтор очевидных свойств природных объектов создает ироничный тон, принимаемым в ответ на критику журналистов (*very, very crystal clear clean water and clean air, the cleanest air, the cleanest water*);
- противоречивость заявлений. Позволяя себе шутить о надуманности проблемы климата, дальнейшее утверждение о том, что это серьезная проблема (*It's a very serious subject...*) вызывает у аудитории недоверие и создает почву для критики;

- преобладание коротких, синтаксически простых высказываний, простых предложений.

Таким образом, прагма-семантическая система смыслов (тезисов, о которых заявляет Д. Трамп) претерпевает динамические изменения. Под влиянием общественного мнения вектор эволюции смыслов смещается в сторону поддержки мер защиты окружающей среды. К финальному этапу развития системы, однако, оратор все же позволяет себе сделать оговорку (I also want jobs), хотя это не влияет на конечный итог. Последние высказывания на данную тему, как видим, повторяют исходный тезис:

«I'm an environmentalist. I am. I want the cleanest water on the planet. I want the cleanest air anywhere». (Cheung, 2021).

Президент применяет кольцевую композицию, располагая самую важную информацию в начале и конце высказывания. Повторы личных местоимений, параллельные синтаксические конструкции, употребление превосходной степени прилагательных – риторические приемы максимально просты и отчетливо запоминаются аудитории.

Речевой портрет Бориса Джонсона

Климатическая риторика занимает в дискурсе Б. Джонсона значительное место. Ее ключевые тезисы сформулированы в крупнейшем международном событии по данной проблематике – Саммите COP26 в Глазго.

“Humanity has long since run down the clock on climate change,” Johnson said at Monday’s World Leaders Summit Opening Ceremony. “It’s one minute to midnight on that doomsday clock and we need to act now.”

(<https://www.cnn.com/2021/11/01/cop26-boris-johnson-says-one-minute-to-midnight-amid-climate-crisis.html>)

В высказывании Б.Джонсона на саммите COP26 содержится образное выражение one minute to midnight. Прибегая к тактике метафоризации, политик привлекает внимание аудитории к необходимости срочных мер в отношении изменения климата.

Метафора продолжает сравнение неизбежной катастрофы с приближением судного дня – doomsday. Фразеологический глагол run down the clock в составе идиомы также сигнализирует об отставании. Таким образом, троекратное повторение одного и того

же смысла позволяет оратору целостно, но различными языковыми средствами донести основную пропозицию выступления: необходимо поторопиться. В целом речевую стратегию можно классифицировать как стратегию усиления воздействия.

Проследим, каковы были взгляды Б. Джонсона на роль Великобритании в решении проблем окружающей среды ранее.

"London was the first city to experience mass urbanization in the modern era," Johnson began in his treatise, titled Delivering London's Energy Future: The Mayor's Climate Change Mitigation and Energy Strategy.

"It was the imagination of our forebears—among them Bazalgette, Brunel, Prince Albert—who pioneered solutions to tackle some of the city's more mundane but critical challenges," Johnson continued. "I want now to unleash the same entrepreneurial drive and creative genius to achieve what is now the 21st century's environmental imperative, to cut carbon output and secure the city's energy supply, whilst making services more efficient and better value for money."

(<https://www.science.org/content/article/boris-johnson-s-stance-climate-change-has-flip-flopped>, 2019)

В 2011, будучи мэром Лондона, Джонсон разработал стратегию энергоэффективности Лондона. В документе *Delivering London's Energy Future* он доказывает необходимость сокращения выброса углеводородов, прибегая к следующим тезисам:

1. Лондон первым столкнулся с массовой урбанизацией.
2. Британские предприниматели и филантропы способствовали строительству железных дорог, канализации, борьбе с бедностью.
3. Подобно им, Джонсон намерен бороться и очередным вызовом современности.

Риторическая эффективность данного рассуждения достигается благодаря проведению параллели между ценностями предков и нынешних лидеров Великобритании (прагматически насыщенные существительные *forebears*, *value for money*, определения *entrepreneurial drive*, *creative genius*). Тактика сравнения выполняет функцию отождествления достижений предков с потенциальными успехами Б.Джонсона. Она является частью общей речевой стратегии создания имиджа, о чем свидетельствуют личные и указательные местоимения (*I want, the same*). При этом логика

построения публичной речи строится не только на вышеуказанных пропозициях, но и значительной степени, на логико-семантических (общих параметрах порядка) и прагма-семантических связях между ними (частных параметрах порядка):

1-2 исключение, переключение;

2-3 соподчинение, последовательность.

"If we keep on the current track then the temperatures will go up by 2.7 degrees or more by the end of the century," Mr Johnson said.

"And never mind what that will do to the ice floes... we will see desertification, drought, crop failure, and mass movements of humanity on a scale not seen before, not because of some unforeseen natural event or disaster but because of us, because of what we are doing now.

"And our grandchildren will know that we are the culprits and... that we were warned and they will know that it was this generation that came centre stage to speak and act on behalf of posterity and that we missed our cue and they will ask themselves what kind of people we were to be so selfish and so short sighted."

(<https://www.bbc.com/news/uk-58657887>)

Условные предложения применяются с целью описания реалистичного развития событий. Повторение личного местоимения *we, us* концентрирует внимание аудитории на личной ответственности людей за происходящее, а также формирует образ политика и электората как единого целого, обладающего общими проблемами, ценностями и целями. Таким образом, тактика идентификации выполняет функцию призыва к действию. Коммуникативная цель высказывания – привлечь внимание к проблемам глобального потепления. Она достигается за счет коммуникативной стратегии создания имиджа политика как «своего», одного из британцев. Еще одна коммуникативная тактика – тактика навязывания вины, реализующаяся лексемами с отрицательными коннотациями (*short sighted, selfish, culprit, miss our cue, disaster*). Общая прагматическая окраска высказывания вызывает чувство тревоги и решимости к немедленным действиям. Имея общую идентичность, утверждает оратор, нация сможет спасти потомков.

Выводы

Обобщая анализ дискурса политиков, заметим, что речевой портрет Д. Трампа составляют коммуникативные стратегии

усиления воздействия, апелляции к авторитету, убеждения, опровержения, поддержки и др. Речи американского президента свойственна в целом эмоциональность, образность и экспрессивность, при этом такие качества, как сбивчивость, нелогичность, потеря нити рассуждений зачастую квалифицируют его как плохого оратора. Д. Трамп свойственно громко заявлять о своих взглядах, создавать атмосферу общности с аудиторией, для чего применяются разговорные выражения, междометия и повторы, повелительное наклонение, простые предложения. Что касается дискурса о климате, здесь наиболее частотными оказались коммуникативные стратегии аргументации и опровержения.

Б. Джонсон в своей публичной речи на тему климатических изменений также стремится достичь идентификации с британской аудиторией, но делает это более стандартно. Дискурсу о климате свойственны коммуникативные стратегии призыва, апелляции к жизненным ценностям. Можно отметить в его высказываниях клишированность, вежливость, соблюдение речевого этикета. Частотно использование вводных выражений для демонстрации своего мнения. Однако Б. Джонсону нельзя отказать и в остроумии, о чем свидетельствуют различные каламбуры, ирония и сарказм. Речь британского политика в своем роде экспрессивна – для достижения эффекта применяются многоуровневые усиливающие лексические, синтаксические, стилистические средства – работает принцип синергии – сложения прагматических эффектов речевых средств.

Языковой материал продемонстрировал, что системные функциональные связи обеспечивают логику развертывания рассуждений политиков в масштабе одного высказывания и данной тематики в целом. В некоторых случаях дискурс эволюционирует поступательно, как в случае британского премьер-министра, в других же может трансформироваться и развиваться в направлении, противоположном изначально заданному, как в случае риторики американского президента. В обоих случаях функциональная перспектива дискурса развивается эволюционно, от исходного состояния к новому уровню упорядоченности под руководством функционального аттрактора – цели коммуникации.

Литература

1. Алешина Е.Ю. Жанровая градация политического дискурса // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Т.5. – №3. – С.293-301.
2. Альшева Ю.С. Речевой портрет современного политического лидера. Автореф. ... канд. филол. н. Волгоград. – 2012.
3. Архипкин Д.В. Политический дискурс как объект лингвистического исследования // Актуальные вопросы лингвистического исследования // Актуальные вопросы филологической науки XXI века сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых: в 2 ч. – М., 2013. – С.15-18.
4. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. – Ленинград: Атланта, 1984.
5. Борисова Е.Г. Управление вниманием и пониманием: предварительные действия говорящего // Материалы Второй Международной конференции по когнитивной науке. 9-13 июня 2006 г. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006.
6. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989.
7. Верещагин Е.М., Ратмайр Р., Ройтер Т. Речевые тактики «призыва к откровенности». Ещё одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий контрастивный подход // Вопросы языкознания. – 1992. – №6. – С.82-93.
8. Виноградов В.В. Социально-языковые системы и индивидуально-языковое творчество // Семиотика и Авангард. Антропология. – Москва: Академический проект: Культура, 2006.
9. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С.64-72.
10. Гафаров А.С. Речевой портрет: социолингвистические характеристики. Автореф. ... канд. филол. н. Тверь. – 2006.
11. Евтушина Т.А., Ковальская Н.А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №6 (335). – С.42-46.
12. Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе: дисс. ... канд. филол. н. – Волгоград, 2000.

13. Загоровская О.В. Речевое портретирование социальной группы как задача современной лексикографии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – №2. – С. 174-177.
14. Иссерс О.С. Коммуникативные тактики и стратегии русской речи. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.
15. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва. Наука, 1987.
16. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. – М.: ПРИОР, 1998.
17. Корсунский А.Г. Политический дискурс в работах современных французских философов // Дискурс-Пи. – 2016. – Т.13. – №1. – С.108-111.
18. Кузьмин С.В. Политический дискурс как неотъемлемая часть политической коммуникации // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: социология, политология. – 2011. – Т.11. – №2. – С.54-56.
19. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003.
20. Малюга Е.Н. К вопросу об обучении иностранным языкам с использованием новых информационных технологий // Вопросы прикладной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 91-95.
21. Малюга Е.Н., Мадиян Е.И. Метафорическая репрезентация событий в американском новостном медиадискурсе // Научный журнал Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2021. – № 2 (50) . – С. 17-28.
22. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2010.
23. Переверзев Е. В., Кожемякин Е. А. Политический дискурс: многопараметральная модель // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – №2. – С. 74-79.
24. Пономаренко Е.В. Функциональная системность дискурса (на материале английского языка). – М.: МГУ, 2004.
25. Попова М.В. Взаимозависимость речевого и социального портретов говорящего // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – №15 (754). – С.188-198.
26. Пушкарева Г.В. Homo politicus: политическая реальность и политический дискурс // Общественные науки и современность. – 2013. – №5. – С.90-100.

27. Равочкин Н.Н. Особенности политического дискурса // Языкознание. Вестник КГУ. – 2018. – №3. – С. 244-250.
28. Радюк А.В., Литвинов А.В. Самоорганизация функционального пространства публичной речи в контексте американской идентичности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12-2 (90). – С. 367-371.
29. Романов А.А. Прагматические особенности перформативных высказываний // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин: Калининский государственный университет, 1984. – С. 86-92.
30. Синеокая Н.А. Характеристика политического дискурса // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – №6. – С.512.
31. Суллаева Н.А. Характеристика политического дискурса // Современный проблемы науки и образования. – 2013. – №1. – С.160-165.
32. Тищенко Н.В. К вопросу о жанрах и специфике политического дискурса // Экономический вектор. – 2016. – №2(5). – С.155-158.
33. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2002.
34. Цуцива М.Г. Политический дискурс как интегративный феномен // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т.1. – №2. – С.174-179.
35. Чекменев Д.С. Политические субъекты общественно-политического дискурса // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – 2015. – №9. – С.23-27.
36. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Концептуальная метаформа в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000-2004) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – №2. – С.41-50.
37. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д. филол. н. – Волгоград, 2000.
38. Cheung H. What does Trump actually believe on climate change? BBC News [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-51213003> (дата обращения 22.10.2021)

39. Haken H. Principles of brain functioning. A synergetic approach to brain activity, behavior and cognition. – Springer, Berlin, Heidelberg, 1996. doi 10.1007/978-3-642-79570-1
40. Ivanov N. V., Pogoretskaya O. A. The phenomenon of fascination in political discourse (by Italian examples) // Training, Language and Culture. . – 2021. . – №5(2). . – Pp. 9-21. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-9-21
41. Khranchenko D.S. Planning the functional field of business English discourse: linguosynergetic approach // Issues of Applied Linguistics. – 2015. – №18. – С.151-163.
42. Kozlovskaya, N. V., Rastyagaev, A. V., Slozhenikina, J. V. The creative potential of contemporary Russian political discourse: From new words to new paradigms // Training, Language and Culture, 2020. – №4(4) . – Pp. 78-90. Doi: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-78-90
43. Lucy J.A. Sapir-Whorf Hypothesis // International Encyclopaedia of the Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Pp.903-906.
44. Malakhova V.L. Functional properties of possessive nominations and their impact on the pragmatic and semantic systemity of the English discourse // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM2017. Science and Society: Conference Proceedings. – Book 3. – Volume II. – Albena, Bulgaria, 2017. – Pp. 745-752.
45. Ponomarenko E.V. Functional properties of English discourse in terms of linguosynergetics // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016 Proceedings. – Book 1, Vol. 3. – Bulgaria, Albena, 2016. – Pp. 355-362. DOI: 10.5593/sgemsocial2016/B13/S03.042
46. Ponomarenko E.V. The notion of functional synergism in linguistics // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018 Proceedings. – Book 1, Vol. 5. – Pp. 501-508. – Austria, Vienna, 2018.
47. Statement by President Trump on the Paris Climate Accord [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-president-trump-paris-climate-accord/> (дата обращения 22.10.2021)
48. Wildgen W. Basic principles of self-organization in language // Synergetics of Cognition. – L., P., Tokyo, Hong Kong: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 1990. – Pp. 415-426.

References

- Aleshina, E.Yu. (2016). Genre gradation of political discourse. *Russian humanitarian journal*, 5(3), 293-301.
- Alsheva, Yu.S. (2012). *Speech portrait of a modern political leader. Candidate thesis abstract*. Volgograd.
- Arkhipkin, D.V. (2013). Political discourse as an object of linguistic research. In *Topical issues of linguistic research. Topical issues of philological science of the XXI century collection of articles based on the materials of the III All-Russian scientific conference of young scientists*, (pp. 15-18). Moscow.
- Bogin, G.I. (1984). *Model of a linguistic personality in its relation to the variety of texts*. Leningrad: Atlanta.
- Borisova, E.G. (2006). Management of attention and understanding: preliminary actions of the speaker. In *Proceedings of the Second International Conference on Cognitive Science*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University.
- Chekmenev, D.S. (2015). Political subjects of social and political discourse. *Fundamental and applied research in the modern world*, 9, 23-27.
- Cheung, H. (2021). *What does Trump actually believe on climate change?* *BBC News*. Retrieved from: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-51213003> (accessed October, 22 2021).
- Chudinov, A.P., & Budaev, E.V. (2005). Conceptual metaform in political discourse: new foreign studies (2000-2004). *Issues of cognitive linguistics*, 2, 41-50.
- Dijk, T. (1989). *Language. Cognition. Communication*. M.: Progress.
- Evtushina, T.A., Kovalskaya, N.A. (2014). Economic discourse as an object of linguistic research. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 6 (335), 42-46.
- Formanovskaya, N.I. (2002). *Verbal communication: a communicative-pragmatic approach*. M.: Russian language.
- Gafarov, A.S. (2006). *Speech portrait: sociolinguistic characteristics. Candidate thesis abstract*. Tver.
- Haken, H. (1996). *Principles of brain functioning. A synergetic approach to brain activity, behavior and cognition*. Springer, Berlin, Heidelberg. doi 10.1007/978-3-642-79570-1
<https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement->

- [president-trump-paris-climate-agreement/](#) (accessed 8.10.2021)
- Issers, O.S. (2008). *Communicative tactics and strategies of Russian speech*. M.: Publishing house LCI.
- Ivanov, N. V., & Pogoretskaya, O. A. (2021). The phenomenon of fascination in political discourse (by Italian examples). *Training, Language and Culture*, 5(2), 9-21. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-9-21
- Karaulov, Yu.N. (1987). *Russian language and language personality*. Moscow: Science.
- Khramchenko, D.S. (2015). Planning the functional field of business English discourse: linguosynergetic approach. *Issues of Applied Linguistics*, 18, 151-163.
- Klyuev, E.V. (1998). *Speech communication*. M.: PRIOR.
- Korpunsky, A.G. (2016). Political discourse in the works of modern French philosophers. *Discourse-Pi*, 131, 108-111.
- Kozlovskaya, N. V., Rastyagaev, A. V., & Slozhenikina, J. V. (2020). The creative potential of contemporary Russian political discourse: From new words to new paradigms. *Training, Language and Culture*, 4(4), 78-90. Doi: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-78-90
- Kuzmin, S.V. (2011). Political discourse as an integral part of political communication. *Izvestia of Saratov State University. New episode. Series: Sociology, Political Science*, 11(2), 54-56.
- Lucy, J.A. (2015). Sapir-Whorf Hypothesis. *International Encyclopaedia of the Social and Behavioral Sciences*, (pp. 903-906).
- Makarov, M.L. (2003). *Foundations of the theory of discourse*. M.: Giozis.
- Malakhova, V.L. (2017). Functional properties of possessive nominations and their impact on the pragmatic and semantic systemity of the English discourse. In *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM2017. Science and Society: Conference Proceedings* (pp. 745-752). Book 3. Volume II. Albena, Bulgaria.
- Malyuga, E.N. (2009). On the issue of teaching foreign languages using new information technologies. *Issues of Applied linguistics*, 1, 91-95.
- Malyuga, E.N., & Madinyan, E.I. 2021. Representation of events in the American news media discourse. *Scientific Journal Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches*, 2 (50), 17-

28.

- Maslova, A.Yu. (2010). *Introduction to Pragmalinguistics*. M.: Flint: Science.
- Pereverzev, E.V., & Kozhemyakin, E.A. (2008). Political discourse: a multi-parameter model. *Voronezh State University Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, (2), 74-79.
- Ponomarenko, E.V. (2004). *Functional systemacy of discourse (based on English)*. M.: MSU.
- Ponomarenko, E.V. (2016). Functional properties of English discourse in terms of linguosynergetics. In *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016 Proceedings*, Book 1, Vol. 3, (pp. 355-362). Bulgaria, Albena. DOI: 10.5593/sgemsocial2016/B13/S03.042
- Ponomarenko, E.V. (2018). The notion of functional synergism in linguistics. In *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018 Proceedings*, Book 1, Vol. 5, (pp. 501-508). Austria, Vienna.
- Popova M.V. (2016). Interdependence of speech and social portraits of the speaker. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 15 (754), 188-198.
- Pushkareva, G.V. (2013). Homo politicus: political reality and political discourse. *Social sciences and modernity*, 5, 90-100.
- Radyuk, A.V., & Litvinov, A.V. (2018). Self-organization of functional space of public speech in the context of American identity. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 12-2 (90), 367-371.
- Ravochkin, N.N. (2018). Features of political discourse. *Linguistics. KSU Bulletin*, 3, 244-250.
- Romanov, A.A. (1984). Pragmatic features of performative statements. *Pragmatics and semantics of syntactic units*, (pp. 86-92). Kalinin: Kalinin State University.
- Sheigal, E.I. (2000). *Semiotics of Political Discourse*: Doctoral thesis. Volgograd.
- Statement by President Trump on the Paris Climate Accord (2017). Retrieved from
- Sullaeva, N.A. (2013). Characteristics of political discourse. *Modern issues of science and education*, 1, 160-165.

- Tishchenko, N.V. (2016). On the issue of genres and specifics of political discourse. *Economic vector*, 2(5), 155-158.
- Tsutsiva, M.G. (2012). Political discourse as an integrative phenomenon. *Bulletin of the Leningrad State University. A.S. Pushkin*, 1(2), 174-179.
- Vinogradov, V.V. (2006). Socio-linguistic systems and individual-linguistic creativity. In *Semiotics and Avant-garde*. Antopology. Moscow: Academic project: Culture.
- Vorkachev, S.G. (2001). Linguoculturology, linguistic personality, the concept of the formation of an anthroponcentric paradigm in linguistics. *Philological sciences*, 1, 64-72.
- Vreshchagin, E.M., Ratmair, R., & Reuter, T. (1992). Speech tactics "call for frankness". Another attempt to penetrate into the idiom of speech behavior and the Russian-German contrastive approach. *Issues of linguistics*, 6, 82-93.
- Wildgen, W. (1990). Basic principles of self-organization in language. In *Synergetics of Cognition* (pp. 415-426). L., P., Tokyo, Hong Kong: Springer-Verlag Berlin Heidelberg.
- Zagorovskaya, O. V. (2013). Speech portraiture of a social group as a task of modern lexicography. *Voronezh State University Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, (2), 174-177.
- Zheltukhina, M.R. (2000). *The Comic in Political Discourse*. Candidate thesis. Volgograd.